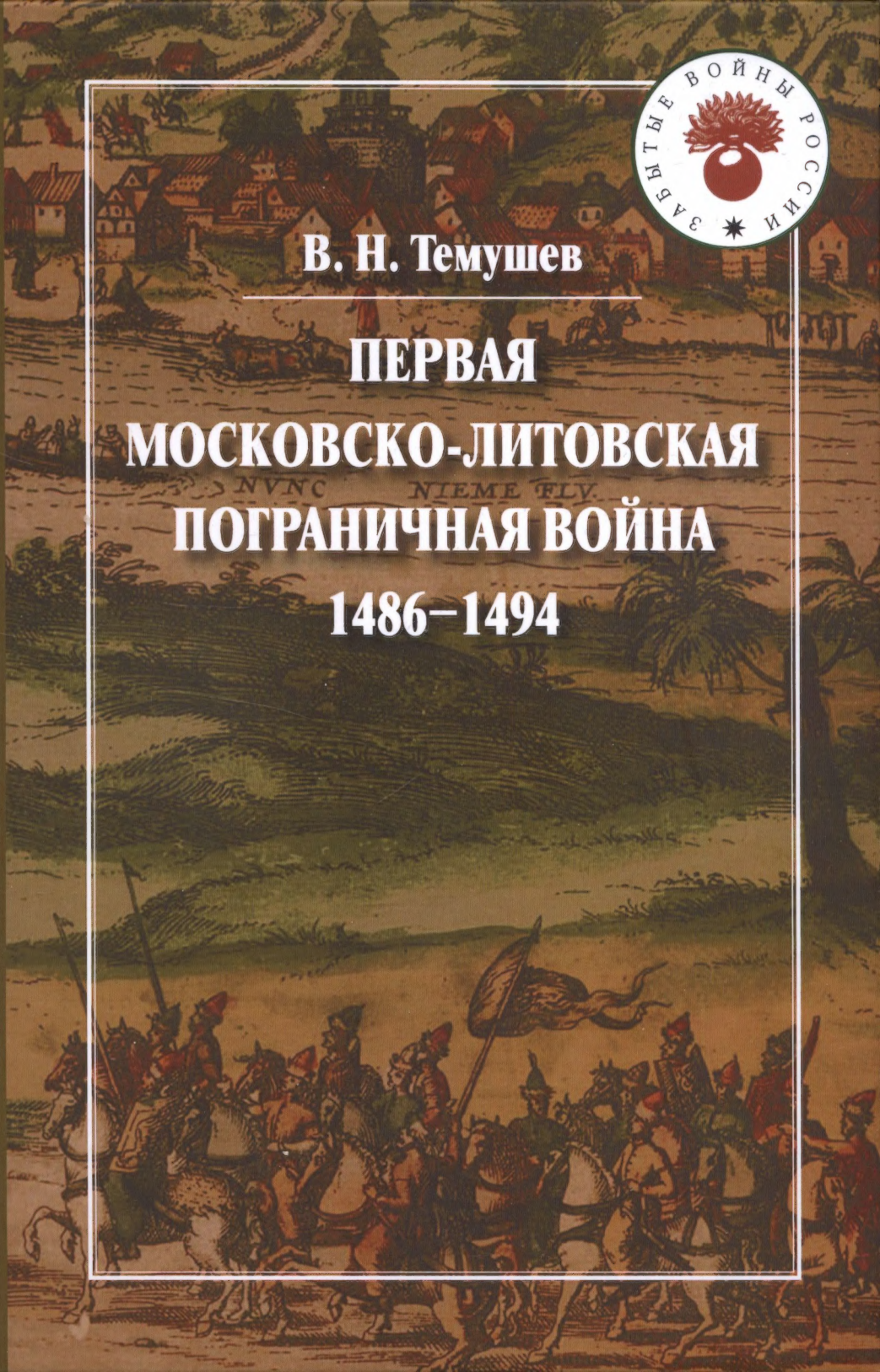
В. Н. Темушев Первая Московско-литовская пограничная война 1486–1494

ЗАБЫТЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ

В. Н. Темушев

ПЕРВАЯ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА 1486–1494



Издательство

КВАДРИГА

Виктор Николаевич Темушев
04.03.1975 – 23.06.2011

В. Н. Темушев

Первая Московско-литовская пограничная война 1486–1494

Москва
Квадрига
2013

УДК
94(47:474.5)"1486/1494"
ББК 63.3(2)43-68
Т32

Scan By Vitaliya & Kali

Темушев В. Н.
Т 32 Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. – М.: Квадрига, 2013. – 240 с. + илл., карты – (Забытые войны России).

ISBN 978-5-91791-111-3

Московско-литовские пограничные войны конца XV – первой трети XVI в. взломали геополитическую ситуацию Восточной Европы. Книга посвящена наименее изученной – первой из них. В ней определились стратегия отношений соседних государств, идеология Российского государства, провозгласившего программу собирания русских земель ВКЛ.

Автор применил историко-географический подход к источникам, сделав выводы о ходе военных действий, их направленности, определив территориальные потери, регионы следующего конфликта. Военные действия выявили границу – первую линию обороны ВКЛ, внимание к ее конфигурации и местности позволило понять замыслы сторон.

Впервые проанализированы методы ведения войны – запугивание населения, пресечение торговли, наезды, ослабление центров власти, привлечение местных князей, захваты и колонизация земель; боевые действия занимали подчиненное место. Сложное международное и внутреннее положение не позволяло вести войну открыто, придав ей «странный» характер.

УДК 94(47:474.5)"1486/1494"
ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-91791-111-3

© Темушев В.Н., наследники, 2013
© Тихонюк И.А., Шакиров Н.А., дизайн оформления, 2013
© Темушев В.Н., наследники, карты, 2013
© Издательство «Квадрига», оформление, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Война во время мира: первая пограничная война 1486–1494

Среди событий российской истории конца XV – первой трети XVI в. особого внимания заслуживают литовско-московские пограничные войны, взломавшие геополитическую ситуацию в Восточной Европе. Первая из них остается до сих пор без отдельного исследования и характерна неразработанностью. Именно в ней определилась стратегия отношений соседних государств, складывалась идеология только что родившегося единого Российского государства и проявились его претензии на «русские» земли ВКЛ. Нерешенные задачи первой войны породили вторую. Первая война представляла собой подготовку нового противостояния, став пробой сил, разведкой перед решающим столкновением.

Пожалуй, не существует другой войны, по отношению к хронологическим рамкам которой было бы столько неопределенности и различий во мнениях. Ее начало либо теряется где-то в 80-х гг. XV в., либо жестко закрепляется за 1492 г., хотя последнюю дату легко отвергнуть одним указанием на поход 11 московских воевод на Воротынск в 1489 г. Парадоксально, но и конец войны не у всех исследователей опирается на естественный рубеж – заключение мира (5 февраля 1494 г.). Война за Смоленск 1512–1522 гг. несколько лет до завершения (т.е. подписания перемирия) не знала серьезных военных столкновений, что не препятствует четким хронологическим рамкам. А первую пограничную войну стремятся замкнуть в два года, в кампанию 1492–1493 гг.[1] Также

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III: Некоторые вопросы стратегического руководства // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 44; *Он же.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 317.

нужно заметить, что в работах разного времени один и тот же автор может предлагать далеко расходящиеся датировки войны[2].

Военные действия первой пограничной войны впервые выявили границу двух государств, которая, вероятно, незыблемо существовала с 1403–1408 гг., но почти не оставила о себе сведений в источниках. Определение границы может дать представление о том, где сформировалась первая линия обороны ВКЛ против восточного соседа. Наблюдение за местами пограничных столкновений позволяет точно определить территории, предназначенные для сдерживания противника. Нужно заметить, что и в следующей войне сформировавшаяся линия обороны на некоторых направлениях оставалась по-прежнему актуальной.

К сожалению, большинство исследователей не проявляли интереса к историко-географическим деталям первой пограничной войны. В источниках достаточно информации, но до сих пор попыток сделать выводы о ходе военных действий, их направленности, определить территориальные потери и обозначить проблемные регионы, слабые места, вокруг которых и разгорелся следующий конфликт, почти не делается. Примером может быть судьба владений князей Крошинских. Волости Крошинских в полном составе были перечислены уже на первых страницах посольских книг, они обычно назывались в соответствующих местах исследований, но их местоположение даже не пытались установить. М. К. Любавский и Я. Натансон-Лески неопределенно заметили, что волости лежали возле можайских земель[3]. Крошинские первыми почувствовали на себе дыхание войны, быстро лишились владений, успели получить новые (также на пограничье), но вскоре потеряли и их. Как выясняется, владения Крошинских простирались далеко в глубину московских земель и, возможно, именно им отводилась значительная роль в организации обороны ВКЛ на восточном направлении. С этой целью и были переведены Крошинские из-под Новогородка (современный Новогрудок) в самый восточный угол государства. Можно вспомнить гипотезу об их ссылке Сигизмундом,

[2] 1486–1494 гг. в монографии Ю. Г. Алексеева 1991 г. и 1492–1493 гг. – в работах 2006–2007 гг. (*Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 179–180; *Он же.* Походы русских войск при Иване III: Некоторые вопросы стратегического руководства. С. 44; *Он же.* Походы русских войск при Иване III. С. 317).

[3] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. С. 284; «...na możajskiem pograniczu włościmi kn. Kroszyńskich» (*Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellocskiej. Lwyw; Warszawa, 1922. S. 73).

возможно, за поддержку Свидригайло, что не исключает возможного расчета на их оборонительную роль[4].

Из-за спорности хронологических рамок войны и отсутствия внимания к территории, на которой она велась, ряд вопросов пока не решены. Ю. Г. Алексеев очень удачно разобрал общее управление и координацию московских боевых действий со стороны Верховного главнокомандования на всех направлениях[5]. Но датировка им войны 1492–1493 гг. не позволила распространить связующую деятельность великокняжеской власти на мероприятия удельных московских князей, представителей великокняжеской администрации и зависимых от ВКЛ пограничных князей в 1486–1492 гг. Ю. Г. Алексеев сосредоточился на описании походов московских великокняжеских войск, в связи с чем блестящий разбор военной кампании Ивана III 1492–1493 гг. выглядит незавершенным.

Внимание к местности и конфигурации границы позволяет понять тактические и даже стратегические замыслы московских и литовских правителей. Например, пожалование литовскому перебежчику князю Ф. И. Бельскому владений на границе с Торопецким поветом ВКЛ было вызвано сознательным стремлением московского правительства организовать постоянное давление на территорию соседа[6]. Такие же задачи выполняли новый правитель Твери великий князь Иван Молодой, владелец Ржевы – князь Борис Волоцкий, Можайска – князь Андрей Углицкий. Велококняжеский дьяк Василий Долматов, медынский наместник Василий Давыдович также заботились об интересах государя на литовском рубеже. Между прочим, политика создания невыносимых условий жизни на пограничье стала своеобразной формой ведения войны со стороны Москвы.

Чтобы ослабить позиции литовской великокняжеской власти, московская сторона нанесла точечные удары по центрам наместничеств ВКЛ и средоточиям местной княжеской власти – городам Любуцк, Мценск, Серпейск, Воротынск, Вязьма и др. Эти города находились в окружении владений князей – вассалов великого князя литовского. Их верность последнему при постоянном ожидании ударов из-за границы становилась очень зыбкой.

---

[4] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 186. Представление о ссылке Крошинских при Сигизмунде отрицается источником. «Князей Крошиньских дело», помещенное в посольских книгах, о владениях Крошинских на крайнем востоке ВКЛ свидетельствует следующее: «а то отчина и дедина от великого князя Витовта» (СИРИО. Т. 35. № 18. С. 74).

[5] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III: Некоторые вопросы стратегического руководства. С. 44.

[6] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 283, 287.

Террор и запугивание населения, пресечение торговли, грабительские наезды, ослабление центров литовской великокняжеской власти и привлечение на свою сторону местных князей, прямые захваты и колонизация земель ВКЛ стали неотъемлемыми компонентами той войны. В разнообразии приемов ведения войны боевые действия московских великокняжеских войск занимали не столь значительное место. Если сосредоточиться на поиске «чистой» войны – движении войск и бряцании оружием, – можно проглядеть войну. Ряд скрытных мероприятий Ивана III с привлечением минимальных сил проводились на фоне сложных международных и внутренних событий. Поход на Казань, крымские заботы, покорение Вятки, борьба с остатками Большой орды и своими удельными князьями не позволяли открыто вести серьезную войну с ВКЛ.

Необходимо решить спорную проблему датировки войны и проанализировать оставшиеся вне внимания исследователей ее историко-географические обстоятельства. В связи с новым пониманием времени и пространства, в которых проходила война, открываются возможности для новой реконструкции событий первого серьезного конфликта между крупнейшими государствами Восточной Европы.

За рамками рассматриваемой проблематики остались весьма значимые стороны пограничной войны. Она разворачивалась в непосредственной связи и под влиянием изменчивой международной ситуации. Внешние силы играли значительную роль. Турецкая опасность не позволяла польскому королю и великому князю литовскому Казимиру уделить достаточное внимание восточным рубежам ВКЛ. Важное место обе стороны отводили крымскому фактору, а сложные отношения Москвы с остатками Большой орды, Казанью прямо влияли на тот «странный» характер войны, который отмечали историки.

События конца XV в. необходимо изучать в связи с идеологическим обоснованием претензий Ивана III, принявшего титул государя всея Руси и провозгласившего программу собирания под своей властью «русских» земель ВКЛ. Следует принимать во внимание и отношения великокняжеской власти с удельными и зависимыми князьями.

* * *

Издательство сочло возможным опубликовать отдельной книгой две главы более широкого исследования, подготовленного В. Н. Темушевым, поскольку они представляют самостоятельную ценность.

ГЛАВА 1

Начало московско-литовской борьбы за передел русских земель

§ 1.1. История изучения и источники

Представления исследователей о ходе первой пограничной войны, как правило, прочно связаны с проблематикой московско-литовских отношений конца XV в., а то и с рассмотрением международной ситуации в Восточной Европе того времени в целом. Поэтому в работах общего характера довольно трудно выделить те крупицы, которые определяют точку зрения автора на частную проблему московско-литовской войны. Событийная часть войны в таких работах если и отражена, то служит другим целям: проиллюстрировать процесс собирания русских земель разными центрами, отношения пограничных князей с центральной властью и т.д. Часто датировка войны дается без обоснования, в лучшем случае берется со ссылкой на другого исследователя. У всех авторов практически отсутствуют наблюдения за географическими обстоятельствами ведения войны, хоть и написаны серьезные работы по формированию и трансформации московско-литовской границы. Есть специальные работы и по военной истории, но в них слаба географическая компонента – военные события анализируются без увязывания с той территорией, на которой они происходили. Иногда вовсе складывается впечатление о плохой ориентации ряда авторов на театре боевых действий первой пограничной войны.

Деление историографии по признаку национальной принадлежности исследователей (российская, польская, литовская, украинская и белорусская) хоть и следует традиции, но должно быть признано не совсем удачным. Ученые разных стран и поколений опирались, использовали, заимствовали и развивали идеи друг друга зачастую без оглядки на государственные границы, языковые, этнические, идеологические и прочие барьеры, разделявшие их. Безусловно, на них накладывали свой отпечаток место и время, в которые готовились те или иные исследования, социальная, этническая и конфессиональная среда общества, в котором они творили. Так, оценка действий субъектов московско-литовских отношений естественно определялась происхождением историка. Тем не менее такие проблемы, как датировка и локализация мест событий, маршруты походов, итоги заключенных договоров и т.д., оставались и остаются вне политических взглядов и изучаются на основе объективного подхода к источниковой базе, в русле строгой научной методологии.

Основную базу научных наработок, касающихся темы первой пограничной войны, формируют работы российских (включая советских) и польских исследователей.

В рамках российской историографии особое внимание было обращено на анализ и интерпретацию материала, содержащегося в посольских книгах. Вместе с тем так и не удалось выработать единого взгляда

на время, когда происходила первая московско-литовская пограничная война.

Работая в 1780–1784 гг. в архиве Коллегии иностранных дел, Н. Н. Бантыш-Каменский на основе посольских книг составил 5-томный труд о «делах» между российским и польским дворами с 1487 по 1700 г.[1] Автору присущи стереотипы его современников. Обычное для XVIII в. представление о западном соседе Речи Посполитой как польском государстве перенесено им и на времена ВКЛ, из-за чего совершенно невообразимо выглядят «польские» посольства из ВКЛ, «украинные польские князья» Мосальские, Мезецкие и др., «украинные польские жители» из Любутска, «польские города» Великие Луки и Ржева и т.д.[2] О войне как таковой Н. Н. Бантыш-Каменский не упоминал, а отношения двух соседних государств охарактеризовал как споры и вражду[3]. Исторический контекст конца XV в., был, видимо, недостаточно хорошо знаком автору, отсюда наименование князей Крошинских Коширскими, чернокунского наместника чернокутским или чернокуским, а Чернокунство Чернокустевым или Чернокустем и т.д.[4] Таким образом, сочинение Н. Н. Бантыш-Каменского является переложением материала посольских книг в доступной для понимания читателя форме, предпринятое без глубокого изучения истории России и понимания реальности далекого прошлого.

Н. М. Карамзин отмечал состояние «ни войны, ни мира» между Россией и Литвой с начала 80-х гг. XV в. Стороны имели друг к другу территориальные претензии, «недоброжелательствовали» и старались «вредить тайно и явно», хотя «уже старый и всегда малодушный» Казимир и «не смел начать войны», а Иван III «отлагал войну по внушению государственной мудрости»[5]. О враждебных действиях великого князя Ивана III против Литвы было упомянуто еще под 1485 г., когда покорение Твери было представлено московской дипломатией венгерскому королю как начало войны с Казимиром. Но подобное заявление не подвигло короля Матвея Корвина на войну с Польшей[6].

---

[1] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам. Ч. I. 1487–1584. М., 1862.

[2] Там же. С. 3–5, 7, 9. При описании событий после смерти короля Казимира и избрании на престол ВКЛ отдельного великого князя послы и жители ВКЛ назывались уже литовскими (Там же. С. 11–12). Тем не менее московско-литовские отношения по-прежнему рассматривались в рамках «дел» российского и польского дворов.

[3] Там же. С. 10.

[4] Там же. С. 1, 3, 7, 8.

[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. 6 / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1998. С. 104, 144.

[6] Там же. С. 110.

С 1487 по 1492 г. на московскую сторону начали переходить удельные князья древней Черниговской земли. Причины таких действий, в представлении Н. М. Карамзина, довольно субъективны: князья с отчинами шли в Москву, «видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем Русским»[7]. Они служили московскому государю и вели постоянную войну со своими родственниками, остававшимися еще в Литве. Этот тезис о внутренней войне в среде самих пограничных князей был впоследствии развит, в том числе и польскими историками.

«Важная перемена» в московско-литовских отношениях случилась только в 1492 г. после смерти короля Казимира. Это было благоприятно для России, так как Литва, по мысли Н. М. Карамзина, избрав себе отдельного властителя, уже не могла полагаться на силы Польши[8]. Воспользовавшись смертью короля, Иван III побуждал крымского хана идти на Литовскую землю. Вероятно, с той же целью отправил посла к молдавскому воеводе Стефану и сам развернул «неприятельские действия»[9]. Таким образом, следует думать, что именно с 1492 г. историограф отсчитывал ход первой московско-литовской пограничной войны. Впрочем, новый «Государь Литовский» Александр, по словам Н. М. Карамзина, «всего более желал мира с Россией, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее Самодержца»[10]. Начались переговоры о сватовстве, что не помешало московской стороне после отъезда послов продолжить враждебные действия. Еще более настроила Ивана III на войну попытка покушения на него подосланного якобы еще Казимиром князя Ивана Лукомского[11].

Великий князь литовский Александр оказался без помощи Польши в окружении врагов, опаснейшим из которых был Иван III. Н. М. Карамзин обозначил расширение московских пределов – до р. Жиздры и даже Днепра, осуществленное «не столько мечем, сколько приманом». Этот способ ведения войны выражался в том, что московский государь «именем отечества и единоверия» призывал «к себе всех древних Россиян»[12]. Здесь, конечно, не подразумевались не только сомнительный тезис об ущемлении православных в ВКЛ, но и патриотические чувства, которые вряд ли испытывали жители ВКЛ по отношению к Великому княжеству Московскому.

Решительное стремление Александра к миру понятно. Не столь легко было объяснить «миролюбие Иоанна», действиям которого все

[7] *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. 6. С. 144.
[8] Там же. С. 144, 145–146.
[9] Там же. С. 146.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 148.
[12] Там же. С. 149.

благоприятствовало. Причины были найдены в характере Ивана III, желавшего тишины после более 30 лет правления, и, видимо, главное – предвидение неизбежности войны с Польшей, Венгрией и Богемией, а также неуверенность в верности союзников – крымского хана и молдавского воеводы. Кроме того, как справедливо заметил историограф, в то время Литовская Россия рассматривалась как чужая, а Иван III, заняв ее часть, был доволен своим превосходством и миром хотел утвердить приобретенное[13].

Н. М. Карамзин перечислил ряд городов, которые по заключенному в январе 1494 г. миру остались за Россией[14], чем ввел в заблуждение многих историков. Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстиславль, Таруса, Оболенск, Мещера и до этого подчинялись Москве, а их перечисление в договоре было указанием порубежных мест с московской стороны и местоположением, в какой-то степени определявшим границу. Незнание исторической географии привело к ложным выводам его последователей, а также обвинениям в ошибках самого Н. М. Карамзина. Это связано, прежде всего, с обозначением в числе московских Рославля и Мстиславля, не городов ВКЛ, присоединенных к Москве в начале XVI в., а рязанских мест, известных издревле.

Н. М. Карамзин внес существенный вклад в развитие представлений о ходе, времени и характере первой пограничной войны. Они были в дальнейшем развиты, избавлены от субъективизма (который постепенно изживал и сам историограф), подвергнуты критике. В изложении истории правления Ивана III автор отказался от повествовательной формы изложения материала и перешел к добротному анализу и серьезному обобщению событий.

Г. Ф. Карпов, опубликовавший основной источник по отношениям Москвы и Вильно во второй половине XV в. – посольские книги, ранее написал самостоятельное исследование о борьбе Московского государства с ВКЛ[15]. Автор отнес начало враждебных действий Москвы против Литвы к 1473 г., когда Семен Беклемишев ходил на Любутск с ратью великого князя[16]. Но, по словам исследователя, отношения между государствами не прекращались. Казимир военных действий не начинал. Наступление Москвы началось только после присоединения Твери и взятия Казани (т.е. после 1485–1487 гг.)[17]. Вместе с тем правительство ВКЛ почему-то не считало, что оно ведет войну с Москвой. В результате московское наступление было остановлено своеобразным средством

[13] Там же. С. 150.

[14] Там же. С. 151.

[15] *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462–1508. Ч. 1–2. М., 1867.

[16] Там же. Ч. 2. С. 2.

[17] Там же. С. 3.

«Ягайловцев» – их брачной политикой. Таким образом, датировка периода московско-литовских враждебных действий отнесена им примерно к 1487–1494 гг. Хотя сам автор довольно осторожно подходил даже к самому факту ведения войны. 1494 г., когда был заключен мирный договор, Г. Ф. Карпов определил как рубеж в отношениях государств, после которого «русское правительство» получило право и обязанность защищать православных в ВКЛ[18].

М. К. Любавский рассматривал литовско-московские отношения до 1492 г. в контексте отделения от Литвы верховских князей (с Верхнеокской украйны). Помощь местных князей была полезна в борьбе с татарами, и Москва не только зазывала их на свою службу[19], но и оказывала определенное давление[20]. И только в августе 1492 г. «натянутые отношения между Москвой и Литвой в конце концов разрешились открытою войной между ними»[21].

В лекциях по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства, читанных А. Е. Пресняковым в Петербургском университете в 1908–1910 гг., вопрос о московско-литовском противостоянии представлен в непосредственной связи со спецификой государственного устройства ВКЛ. По мысли историка, политическое объединение ВКЛ произошло из-за необходимости борьбы с внешней опасностью. Таким образом сплотились вокруг ВКЛ земли-аннексы, возникла польско-литовская уния[22]. В последние же десятилетия XV в. были восстановлены внешние условия развития Литовско-Русского государства. В его политике доминирующую роль снова стали играть восточнорусские (с Великим княжеством Московским) и татарские (с Крымским ханством) отношения[23].

Но положение ВКЛ уже было иным, чем при Витовте. Еще в 1449 г. был заключен договор, разграничивший сферы влияния Москвы и Литвы, а в дальнейшем политика литовского правительства на востоке отличалась пассивностью даже перед лицом падения Новгорода и Твери и фактического перехода власти над Рязанью в московские руки. Возможную реакцию короля и великого князя Казимира парализовали

[18] *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-литовским. С. 19.

[19] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Ч. 1. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 123.

[20] *Он же.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 208.

[21] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории. С. 123.

[22] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 151.

[23] Там же. С. 152.

сначала прусская война (до 1466 г.), а затем напряженность внутренних отношений[24]. А. Е. Пресняков приводит замечание Я. Длугоша о том, что Казимир считал возможной борьбу против окрепшего соседа только соединенными силами Литвы и Польши, причем на помощь русских подданных великого князя литовского надеяться не приходилось – они содействовали бы скорее гибели, чем победе литвинов[25].

Характеризуя московско-литовские отношения последней четверти XV в., А. Е. Пресняков образно представил Московское государство, которое «надвинулось на самую литовскую границу», а давление его на внутренние отношения (прежде всего пограничные) в Литовско-Русском государстве усилилось. В итоге событий 80–90-х гг. XV в., по словам историка, «демаркационная линия между обоими государствами – линия полусамостоятельных крупных и мелких княжеств с разделом сфер литовского и московского влияний – стерта напором Москвы»[26].

Первой заботой нового великого князя Александра было сохранить единство государства от потрясений. В общеземском привелее Александра (6 августа 1492 г.) в первой из новых статей (дополняющих аналогичный акт Казимира 1447 г.) обещалось «не умалять земель великого княжества Литовского, но сохранить границы времен Витовта и Сигизмунда, а по возможности и расширять их»[27]. Также Александр обязался поддерживать отношения с соседними государствами и, что важно, хранить все ранее заключенные договоры[28]. Влияние приведен-

[24] Там же.

[25] Там же. С. 152–153.

[26] Там же. С. 153.

[27] Там же. С. 162. «Et primo ac principaliter, promittimus ac spondemus: quod dominia seu terras Magniducatus Lithvanie non diminuemus, sed in suis limitibus, prout antecessores | nostri, et signanter Dux Allexander alias Vitowdus et Sigismundus tenuerunt et possidebant sic et nos easdem integras tenebimus et possidebimus, ac tuebimur, atque cum dei auxilio, pro cunctis veribus nostris, studebimus dilatare et ampliare, tempore competenti» (Kodex dyplomatyczny Polski... wydany za staraniem i praca L. Rzyszczewskiego i A. Muczkowskiego przez A. Z. Helcel. T. I. W., 1847. № CXCIV. P. 348–349). Ср. с переводом на белорусский язык: «§12. Перш і пераважна мы абяцаем і ручаемся, што даміній або зямель вялікага княства Літоўскага мы не паменшым але іх павялічым у сваіх межах. Як нашы продкі і, у прыватнасці – князь Александр, інакш Вітаўт і Жыгімонт, – трымалі і ўладалі, таксама і мы іх у цэласці будзем трымаць, уладаць і захоўваць і, з божай дапамогай, паклапоцімся ўсімі нашымі сіламі іх пашырыць і павялічыць у адпаведны час» (Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. I. IX–XVIII ст. Склалі В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі і Д. І. Даўгяла. Менск, 1936. С. 223).

[28] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. С. 162. «Item cum quibus terries et dominijs inscripciones, confederaciones, ligas, et iuramenta, ab antiquo habemus pacis perpetue, eas nolumus infringere, sed in melius, cum dei auxilio, ducere atque adaugere» ((Kodex dyplomatyczny Polski. T. I. № CXCIV.

ных статей на внешнюю политику ВКЛ А. Е. Пресняков не рассматривает. Основное значение привилея Александра, по его мнению, было в создании правительства нового типа, которое сводило на нет активную личную роль монарха. Поэтому в 1492 г. историк замечает грань, разделяющую два периода в истории Литовско-Русского государства[29].

Другой существенной стороной тех условий, при которых принял власть в ВКЛ Александр, был характер польско-литовских отношений. Ввиду возможной войны с Москвой весной 1493 г. Александр и рада обратились за военной помощью к Польше. Но в переговорах возникли препятствия, а московская опасность была улажена дипломатическим путем, хотя положение ВКЛ было тяжелым. В ходе пограничной войны, по словам А. Е. Преснякова, «попытки литовских воевод отстоять спорные территории кончились неудачей». Александр был вынужден заключить договор, по которому за Москвой были признаны все ее захваты. Историк называет условие договора впредь не принимать служебных князей с вотчинами «платоническим», а сам договор не мирным, а союзным[30]. Впрочем, факт установления мира с Москвой А. Е. Пресняков тут же увязывает с появлением свободы рук у виленского правительства в отношениях с Польшей, которые описывает подробно. Общей характеристики литовско-московских отношений в конце XV в. не прозвучало, а сама первая пограничная война была упомянута вскользь.

Несомненно, лучший на сегодняшний день обзор пограничной войны с Великим княжеством Литовским дал в своей книге К. В. Базилевич. Прежде чем приступить к описанию самой войны, историк обратился к анализу международной ситуации, причем провел его блестяще. Война обозначена под 1487–1494 гг., но в тексте автор утверждал, что военные действия приобрели серьезный характер уже с конца 1486 г.[31] В другом месте пограничную войну К. В. Базилевич датировал 1492–1493 гг. и при этом мастерски описал ее своеобразный характер, связанный с хитрой политикой московского великого князя[32].

Следовало бы ожидать от работы, написанной в 1950 и изданной в 1952 г. значительной тенденциозности, характерной для сталинской

Р. 349). Сравните с переводом на белорусский язык: «Таксама з якімі землямі і дамініямі мы са здаўна маем запісы, канфедэрацыі, саюзы і клятвенныя абязацельствы светлага міра, мы іх не жадаем разрываць, але, з божай дапамогай, будзем даводзіць іх да лепшага становішча і павелічэння» (Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. I. С. 223).

[29] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. С. 163.

[30] Там же. С. 164.

[31] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 283.

[32] Там же. С. 304–305.

эпохи. Однако книгу характеризует строго научный подход, использование широкого круга источников, привлечение малоизвестных даже и в настоящее время в России польских исследований, легкая и интересная манера изложения материала. Впрочем, эпоха все же наложила свой отпечаток на книгу, непременно воспроизводящую цитаты из не всегда уместных работ И. В. Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)». В согласии с идеологическими установками того времени определено и одно из главных направлений внешней политики России конца XV в.: «борьба на западной границе с Литвой и Польшей с целью воссоединения всех земель Руси (русских, украинских и белорусских)»[33].

К сожалению, слабым местом исследования К. В. Базилевича явилось недостаточное внимание к исторической географии московско-литовского пограничья. Списки городов и волостей, перечисление спорных регионов и даже описание установленной по миру 1494 г. границы не помогают разобраться в смысле и задачах действий московских удельных князей и воевод, методах ведения пограничной войны и т.д. В значительной степени этот пробел восполнили карты, приложенные к книге и подготовленные замечательным специалистом И. А. Голубцовым. Отдельная карта («Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель») проиллюстрировала пограничную ситуацию от г. Нарвы на севере до рек Самары и Северского Донца на юге с обозначением территориальных изменений и военных действий с 60-х гг. XV в. до 1503 г.[34] Карта не избежала некоторых известных только специалистам ложных представлений (участок московско-литовской границы по рр. Гжать и Угре, пределы Любечской волости по Днепру, локализация населенных пунктов и т.д.), но по-прежнему остается наиболее подробной и точной.

На фоне международных отношений в Восточной Европе рассматривал ту же войну И. Б. Греков. Историк со ссылкой на Л. Колянковского заметил, что война, которая не была официально объявлена, фактически велась с 1487 до 1494 г.[35]

А. А. Зимин в работе, посвященной истории России рубежа XV–XVI вв., вообще отказался от определения точной даты войны[36], и эта

[33] Там же. С. 18.

[34] Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель (карта). Составил И. Голубцов // *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства.Вкладыш.

[35] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XV вв. М., 1963. С. 201.

[36] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 93.

позиция представляется обоснованной. Война, которая тянулась до заключения договора в 1494 г., была охарактеризована историком как «странная»[37], но причину такого названия он не объяснил.

А. Л. Хорошкевич в книге 1980 г., отразившей идеологические черты советской исторической науки, датирует первую московско-литовскую пограничную войну 1487–1494 гг. и называет присущими ей тенденциями стремление «западнорусского населения Великого княжества Литовского к воссоединению с Русью», а «Русского государства к объединению древнерусского наследства»[38]. По А. Л. Хорошкевич, «на западной границе Русского государства (1487–1494 гг.) по инициативе Александра разразилась первая из серии войн Русского государства с Великим княжеством Литовским, носившая своеобразный характер пограничной войны»[39]. В определении московско-литовской войны обращает на себя внимание передача инициативы ее начала литовской стороне (причем не Казимиру, а Александру, ставшему великим князем литовским только в 1492 г.), а также представление о ней как о «первой из серии» и «пограничной». «Основным фактором успеха этой войны» А. Л. Хорошкевич называет «стихийно сложившийся «союз» западнорусского населения Великого княжества Литовского с Русским государством», а итогами присоединение территории Северской земли и временную стабилизацию положения православных[40]. Сам ход войны А. Л. Хорошкевич не рассматривала, однако подробно описала благоприятную для России международную ситуацию, на фоне которой происходила конфронтация.

В фундаментальной монографии М. М. Крома особое внимание уделяется исследованию роли пограничных князей в борьбе ВКЛ с Великим княжеством Московским, а также выяснению позиции западнорусских городов в этом противостоянии. В 80–90-х гг. XV в., по мнению М. М. Крома, протекал русско-литовский конфликт, однако открытая война началась именно в 1492 г. и закончилась с подписанием «вечного» мира 5 февраля 1494 г.[41]

В биографии Ивана III Н. С. Борисов описывает московско-литовскую войну, которая имела со стороны Москвы наступательный характер, и началась в 1487, а закончилась в 1494 г.[42] Война велась за

---

[37] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий.

[38] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 88.

[39] Там же. С. 89.

[40] Там же.

[41] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 80, 90–91, 171.

[42] *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 471.

пограничные регионы с неопределенным или двойным политическим статусом.

Ю. Г. Алексеев в аналогичной работе определил начало войны 1486 г. Он привел выдержку (без ссылки) из крымских посольских книг о событиях того года (люди великого князя московского «беспрестанно емлют королеву землю»)[43], что, по его мнению, свидетельствует о непрерывной пограничной войне, шедшей между Русью и Литвой[44]. Однако позже Ю. Г. Алексеев изменил позицию по отношению к датировке первой пограничной войны и уже характеризовал Литовскую войну 1492–1493 гг. как первую наступательную кампанию России в западном направлении с целью возвращения русских земель, потерянных в период литовско-татарского лихолетья[45]. Общими чертами войны было осуществление ряда операций во всех направлениях на небольшое расстояние. При этом большую роль в решении конкретных задач – захватов городов сыграло Верховное главнокомандование, которое осуществляло общее управление и координацию, создавало стратегический резерв на случай контрнаступления противника. Таким образом с незначительными потерями был достигнут значительный стратегический и политический результат[46].

Необходимо упомянуть также книгу А. В. Шекова – единственную монографию, посвященную истории Верховских княжеств[47]. По мнению исследователя, «с 1487 г. московско-литовские порубежные столкновения приобретают устойчивый характер» и характеризуются источниками с этого времени до 1494 г. как пограничная война[48]. В результате войны Верховские княжества были присоединены к Москве, существовали еще три четверти XVI в., но в связи с тем, что потеряли возможность лавирования между равносильными государствами, были в результате ликвидированы.

Среди последних работ, касающихся событий первой пограничной войны, нельза не обратить внимания на статью В. Волкова «Хитрая война», в которой автор критикует характеристику войны А. А. Зи-

[43] Согласно публикации Г. Ф. Карпова эта цитата звучит следующим образом: «А осподаря нашего великого князя люди безпрестанно емлют королеву землю» (Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества (Далее: СИРИО). Т. 41. СПб., 1884. № 13. С. 48).

[44] *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 179.

[45] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III: Некоторые вопросы стратегического руководства. С. 44. В издании название «Литовская война» ошибочно напечатана как «Ливонская».

[46] Там же.

[47] *Шеков А. В.* Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула, 1993.

[48] Там же. С. 45.

мина, как «странную», и одновременно предлагает свое понимание событий. В подзаголовке названия статьи сразу заявлена хронология войны: «Московско-литовское противостояние 1492–1494 гг.»[49]. Тем не менее значительная часть текста посвящена описанию отъездов верховских князей на московскую службу, происходивших с начала 1470-х гг. Автор упоминает поход 11 московских воевод на Воротынск в 1489 г., но почему-то утверждает далее, что до смерти Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками[50]. После обзора событий войны 1492–1494 гг. В. Волков делает вывод, что вооруженный конфликт не имел «странностей», отмеченных А. А. Зиминым, а развивался по старательно продуманному плану. При этом московские воеводы отправлялись в бой только тогда, когда нужно было защитить князей, пожелавших перейти на московскую сторону[51]. Безусловно, нужно согласиться с существованием некоего плана или, точнее, продуманной тактики московской стороны в захвате пограничных земель ВКЛ. Но необходимо заметить, что А. А. Зимин отнес термин «странная» к войне, которая разворачивалась с 80-х гг. XV в., что имеет совсем иной смысл. Действительно «странно» выглядит тезис В. Волкова об обороне пограничных князей. В одной из сносок к своей статье автор раскритиковал также М. М. Крома и Н. С. Борисова, поддержавших взгляд А. А. Зимина и считавших, будто бы война шла почти без привлечения Иваном III собственной военной силы и началась еще в 1487 г.[52] Почему-то, по словам В. Волкова, все источники убедительно свидетельствуют о начале войны в августе 1492 г.[53]

Статья В. Волкова подводит своеобразный итог развития российской историографии. Можно заметить, что российские исследователи в вопросе датировки войны разделились на два лагеря: сторонников ведения своеобразной войны с 80-х гг. XV в. и защитников четко проявляющихся военных действий 1492–1494 гг.

Представления о датировке, ходе и специфике литовско-московских взаимоотношений в конце XV в. нашли детальную проработку в польской историографии.

Исследователь восточной границы ВКЛ Я. Натансон-Лески разделял московско-литовские отношения конца XV в. на два конфликта:

---

[49] *Волков В.* Хитрая война. Московско-литовское противостояние 1492–1494 гг. // Родина. 2003. № 11. С. 60. Карту к этой статье составил В. Н. Темушев. См.: *Темушев В. Н.* Пограничная война Великого княжества Московского с великим княжеством Литовским. 1487–1494 гг. // Родина. 2003. № 11. С. 58–59. Карта.

[50] Там же. С. 60–61.

[51] Там же. С. 62.

[52] Там же. С. 63.

[53] Там же.

пограничную войну во время мира («Wojna kresowa podczas pokoju») 1486–1492 гг. и первую московскую войну 1492–1493 гг. Последняя закончилась в феврале 1494 г. с заключением мира[54]. Пограничная война характеризовалась осуществлением наездов на границы, которые сочетались с предательством местных князей и присоединением их уделов к Москве. Первая московская война – движением трех больших армий на территорию Литвы и захватом городов в Поочье, на Вяземщине и Смоленщине[55].

Л. Колянковский увидел смысл московского натиска на восточные литовские рубежи в 1486–1492 гг. в стремлении к территориальным приобретениям[56]. По словам историка, еще в 1485 г. через своих послов Литва заявляла о московских грабежах и разбоях на окраинах ВКЛ[57]. Он отмечает разорение Мценска рязанскими отрядами в начале мая 1486 г. Автор дал подробный разбор конфликтов на пограничье до 1492 г., прерывающихся смертью Казимира Ягайловича, а потом продолжившихся московскими атаками на города ВКЛ при Александре Казимировиче и прекратившихся с заключением мира 5 (7) февраля 1494 г.[58] Польский исследователь не пользуется термином «война», но, по существу, время боевых действий определяет с 1486 по 1494 г.

В другой работе Л. Колянковский утверждал, что натиск Ивана III на литовские восточные земли фактически начался после присоединения к его империи Новгорода, но непрекращающиеся войны продолжались с 1487 г. С начала 1492 г. великий князь московский выступал уже с требованием передачи ему ряда городов и волостей[59].

В исследовании С. М. Кучиньского, посвященного чернигово-северским землям под властью ВКЛ, конкретные даты московско-литовского противостояния конца XV в. выделить сложно. Значительные московские наезды на Верховские княжества начались с 1484 г., но происходили они и в 1470–1474 гг.[60] На основании упоминания в источниках московских «наездов», относящихся к периоду до 1485 и 1487 гг. (на которые опирались соответственно Л. Колянковский и

[54] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 68, 76, 78.

[55] Там же. С. 68, 76.

[56] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. T. I. 1377–1499. W., 1930. S. 389.

[57] Там же. S. 389. В современном издании документ Метрики ВКЛ, на который ссылается Л. Колянковский, датируется 1486 г. (Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anuñutė. V., 1994. № 128. P. 138.

[58] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. S. 390–412.

[59] *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. S. 145.

[60] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936. S. 279.

Ф. Поппэ), С. М. Кучиньский передвигает датировку начала военных действий к 1468–1470 гг.[61] Сравнение и даже отождествление ситуации, сложившейся в московско-литовском пограничье к 1470 г., с конфронтацией сторон в 1480-х гг., сильно преувеличено. Ссылка лишь на одну неопределенную фразу, произнесенную пытавшимся оговорить московского государя послом Казимира в Большую орду Киреем («понеже бо многаа истома земли моей от него (Ивана III. – *В. Т.*)»)[62], не дает оснований продлить войну еще на полтора десятка лет.

Историк считал, что не следует считать первым годом московско-литовской войны 1492 г., когда только усилилась военная активность и приблизилось окончание 20-летней необъявленной пограничной войны[63]. Еще до указанного года в порубежных делах использовались регулярные полки. «Явной войной» выглядит поход под стены Воротынска 1489 г., когда туда двинулись 11 московских воевод[64]. Эскалация войны в 1492 г. не сопровождалась ее объявлением, не существует конкретных известий о начале конфронтации. По словам Кучиньского, «формально оба правительства не называли своим именем то, что происходило фактически»[65]. В итоге историк предлагает либо признать войну двадцатилетней – между 1473–1493 гг. – «войной среди мира», либо считать буквально, что ее не было, а первая московская война развернулась в 1500–1503 гг.[66]

Г. Ловмяньский вслед за другими историками выделял период пограничной войны во время мира («wojna kresowa podczas pokoju»), относимый к 1486–1492 гг. Он включал пограничные столкновения, которые имели двоякий характер: 1) действия московских отрядов и 2) дела пограничных князей[67]. После диверсионных операций, которые так и не привели к серьезной конфронтации, началась первая московская война, закончившаяся «вечным» миром[68].

И, наконец, Г. Блащик считает, что в начале правления перед Александром Ягеллончиком стояла проблема завершения войны с Москвой, которая была урегулирована в 1494 г.[69] Первая московская война продолжалась с 1492 по 1494 г., но ей предшествовали события, которые

[61] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 268.

[62] ПСРЛ. Т. 8 (Летопись по Воскресенскому списку). М., 2001. С. 158.

[63] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 289.

[64] Ibid.

[65] «Formalnie obydwa rządy nie nazywały po imieniu tego, co się działo faktycznie» (Там же. S. 290).

[66] Ibid. S. 291.

[67] *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonyw. Poznań, 1999. S. 402–403.

[68] Ibid. S. 400, 407.

[69] *Błaszczyk G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności (1492–1569). Poznań, 2002. S. 13.

определил А. А. Зимин как «странную», а Л. Колznковский – «пограничную войну». Истоки той войны историк предлагает искать в отъездах к Москве верховских князей. Последние также сыграли ключевую роль во всем конфликте[70].

Таким образом, можно заметить, что большинство польских историков почти единодушно распространяют время московско-литовского противостояния на 1486–1494 гг. (с определенными нюансами). Существенным является разделение войны на два этапа, для которых рубежом является 1492 г. – год смерти короля Казимира и время перелома в истории ВКЛ. Но С. М. Кучиньский представил убедительную критику такого подхода, заставив связать все события в единую войну.

Разработка проблем литовско-московских отношений конца XV – начала XVI в. в украинской историографии ведется не столь автивно, как у соседей. Вероятно, это связано с тем, что значительная часть литовско-московского пограничья указанного времени оставалась за пределами современной территории Украины. Исключением является Северская земля, истории которой уделено серьезное внимание Е. В. Русиной. При рассмотрении судьбы Севрщины в межгосударственных отношениях конца XIV – начала XV в. исследовательница коснулась и событий, относящихся к периоду первой московско-литовской пограничной войны. По Е. В. Русиной, военные пути решения проблем в отношениях двух государств были выбраны в 80-х гг. XV в. «Точніше датувати початок війни між Московщиною та ВКЛ неможливо», – утверждает автор со ссылками на работы А. А. Зимина, С. М. Кучиньского и И. Б. Грекова[71]. Ареной военных столкновений в первый период войны стало Верхнее Поочье, а основным их содержанием стали переходы местных князей на московскую службу. После смерти короля Казимира (июнь 1492 г.) в связи с разделением верховной власти (великим князем литовским стал Александр Казимирович, а польским королем – Ян-Ольбрехт) позиции ВКЛ оказались ослабленными, чем воспользовался московский великий князь Иван III, активизировавший военные действия в том же регионе[72]. По сути, Е. В. Русина замыкает весь ход первой пограничной войны на одном Верхнем Поочье и только на заключительном этапе связывает его с Севрщиной. Анализируя условия «вечного докончанья» 1494 г., автор критикует распространенное представление о присоединении территории север-

[70] Ibid. S. 22.

[71] *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 180; *Она же.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 157.

[72] Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 181; *Она же.* Україна під татарами і Литвою. С. 157–158.

ских земель к владениям Ивана III, которое «безперечно, пов'язано з відсутністю чітких уявлень про локалізацію даного регіону»[73].

По Н. Н. Яковенко, до последней четверти XV в. Вильна и Москва «визнавали взаємний паритет сил на підставі територіяльного розподілу, що склався ще за Вітовта»[74]. Ситуация начала меняться после прихода к власти в Великом княжестве Московском энергичного Ивана III, при котором исчезла нейтральная полоса земель, разделявшая двух конкурентов (к Москве были присоединены Новгород, Тверь и Рязань), начался отток «с отчинами» на московскую службу верховских князей и, наконец, произошел ряд перманентных войн 1492–1494, 1500–1503, 1507–1508 гг. В результате великий князь литовский, уступая шаг за шагом позиции, был вынужден признать новую реальность, согласно которой ВКЛ теряло все бывшее Черниговское княжество в составе 319 городов и 70 волостей[75]. В другой своей работе Н. Н. Яковенко называет уже другую датировку первой из «зятяжних» войн с Москвой – 1487–1494 гг. и обозначает потерю ВКЛ почти трети территории с Чернигово-Северщиной и таким важным стратегическо-торговым центром, как Смоленск[76].

«Боротьба на межі XV–XVI ст. між Руссю та Литвою за давньоруські землі» рассматривается в диссертационном исследовании и ряде опубликованных работ украинского историка А. А. Казакова (часть – в соавторстве)[77]. Обращая внимание на существование «белых пятен» в

---

[73] *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 183.

[74] *Яковенко Н. М.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2006. С. 156.

[75] Там же.

[76] *Яковенко Н. М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 1997. С. 129.

[77] *Казаков О. О.* Московсько-литовська боротьба за давньоруські землі в кінці XV – на початку XVI ст.: Дис... канд. іст. наук: 07.00.02 / Національний педагогічний ун-т ім. М. П. Драгоманова. К., 1998; *Он же.* Встановлення російсько-литовського кордону перемирною грамотою 1503 р. // Вісник Київського інституту «Словнянський університет». Вип. 1. Київ, 1988. С. 169–176; *Казаков О. О., Козицький М. Ю.* Боротьба Московської держави з Великим князівством Литовським за українські землі в кінці XV – на початку XVI ст. // Сторінки історії. Кн. 2. Ч. 1. Київ, 1994. С. 111–116; *Казаков О. О., Мордвінцев В. М.* Маловідомі сторінки московсько-литовської боротьби за давньоруські землі на межі 70–80-х років XV ст. Київ, 1997; *Они же.* Переїзд князів Глинських на російську службу в кінці XV – на початку XVI століття (за даними родовідної памняті про князів Глинських) // Вісник Київського університету ім. Тараса Шевченка. Історія. Випуск 35. Київ, 1997. С. 13–19; *Казаков О. О.* Московсько-литовська війна 1500-1503 рр. за українські землі. Київ, 1998; *Он же.* Битва на р. Ведроші 15 липня 1500 р. // Український історичний журнал. 1998. № 5. С. 52–63; *Он же.* Московсько-литовська боротьба за давньоруські землі на межі 70–80-х років XV ст. // Київська старовина. № 5 (359). Київ. 2004. С. 39–52.

московско-литовских отношениях, А. А. Казаков отмечал: «маловивченою залишається прикордонна війна 1486–1494 рр.», а также «дипломатичні стосунки в першій половині 80-х років XV ст. (до 1487 р.)»[78]. Таким образом, уже в начале работы представлена непривычная датировка первой московско-литовской пограничной войны. Целью диссертационного исследования заявлено «конкретне і всебічне вивчення складної і вкрай напруженої військово-політичної боротьби між Московською державою та Великим князівством Литовським, що тривала в кінці XV – на початку XVI ст. за давньоруські землі та встановлення її наслідків»[79]. По утверждению автора, им впервые осуществлен военно-аналитический обзор московско-литовских войн конца XV – начала XVI в.[80] Однако при ознакомлении с текстом напрашиваются совсем другие выводы. Работа представляет собой компиляцию и даже прямой плагиат из исследований М. К. Любавского, К. В. Базилевича, А. А. Зимина, А. Л. Хорошкевич, М. М. Крома и др. Во многих местах текст состоит из переводов на украинский язык выдержек из их работ, часто без ссылок[81]. Несмотря на полный и добротно составленный обзор источников, реально использованы только посольские книги и некоторые летописи. Новая датировка пограничной войны, как выясняется при ознакомлении с текстом диссертации, исходит не из самостоятельного анализа источников, а заимствована у К. В. Базилевича, писавшего о том, что русско-литовские «порубежные столкновения происходили с начала восьмидесятых годов, но серьезный характер они приобрели лишь с конца 1486 г.»[82].

Историко-географические погрешности диссертации вопиющи. По утверждению автора, к западу от владений князей Воротынских располагались вотчины родственных им князей Новосильских; в западной части Смоленского повета сохранялось Вяземское княжество[83]. Ошибочное отождествление двух городов с одинаковым названием Ржева (Ржева Пустая и Ржева Володимерова) привело к пространным

[78] *Казаков О. О.* Московсько-литовська боротьба за давньоруські землі в кінці XV – на початку XVI ст. С. 7.

[79] Там же.

[80] Там же. С. 8.

[81] См., например, с. 68–69 диссертации с обширным заимствованием из книги К. В. Базилевича (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 290–291), с. 81–83 – из книги М. М. Крома (*Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 98–99 по второму изданию).

[82] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 283. Сравните с текстом А. А. Казакова: «прикордонні сутички... тривали упродовж 80-х років XV ст. З кінця 1486 р. вони набули серйозного характеру» (*Казаков О. О.* Московсько-литовська боротьба за давньоруські землі в кінці XV – на початку XVI ст. С. 58).

[83] Там же. С. 60.

измышлениям о московско-литовской борьбе за верховья Волги[84]. Кроме того, названия некоторых географических объектов в диссертации искажены, ряд волостей отнесен не к своим центрам (например, новгородские к числу торопецких), заимствованы устаревшие историко-географические представления (например, о размещении вотчин князей Глинских в верховьях р. Москвы)[85].

В итоге можно утверждать, что заявленный пересмотр «застарілих положень та оцінок, що мали місце в історичній науці» в диссертации А. А. Казакова не может быть признан по причине прямых заимствований этих положений и оценок из работ других исследователей. Новая интерпретация событий, к которой стремится автор, заметна только там, где ошибочно трактуется историко-географический контекст, а выводы хоть и соответствуют современным представлениям, но не оригинальны.

При сравнении двух работ, освещающих проблему московско-литовских отношений на рубеже 70–80-х гг. XV в., первая из которых написана А. А. Казаковым в соавторстве с В. М. Мордвинцевым, а вторая самостоятельно, обнаружилась практически полная идентичность текстов.

Литовский историк Э. Гудавичус упоминает пограничные столкновения или инциденты, происходившие с 1486 г.[86] Неприкрытое разорение и покорение зависимых земель, которое началось в 1486 г., приобрело в следующем году характер непрерывной войны, которая при описании событий 1490–1491 гг. называется «малой» пограничной войной[87]. Успешной для ВКЛ была только оборона на мценско-любутском рубеже, но во время войны 1492–1494 гг. крепости Мценск и Любутск были потеряны[88]. По словам историка, в начале 1493 г. Литве была официально объявлена война, и ВКЛ снова потеряло ряд городов и волостей. Среди последних перечислены Алексин, Тишилов, Рославль, Таруса, Оболенск[89], которые или никогда ВКЛ не принадлежали, или не были потеряны к тому времени (если имеется в виду литовский, а не рязанский Рославль; именно последний упомянут на московской стороне в договоре 1494 г.). Также среди возвращенных ВКЛ городов не могло быть Лучина и Брянска[90] – они не были захвачены. Э. Гудавичус не видит большого масштаба войны 1492–1494 гг. По его словам, хуже территориальных потерь были

[84] *Казаков О. О.* Московсько-литовська боротьба за давньоруські землі в кінці XV – на початку XVI ст. С. 61–62.

[85] Там же. С. 60–61, 64.

[86] *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 344.

[87] Там же. С. 347.

[88] Там же. С. 348, 489.

[89] Там же. С. 490.

[90] Там же. С. 493.

моральные последствия. Заключенный договор не давал никаких гарантий, а только фиксировал начало русского вторжения[91].

В белорусской историографии не сложилось единого взгляда на хронологию московско-литовского конфликта. До настоящего времени отсутствует монографическая работа академического уровня, в которой рассматривалась бы не только первая московско-литовская пограничная война конца XV в., но и вообще отношения Москвы и Вильны в XV–XVI вв. Из немногочисленных статей, научно-популярной, учебной и справочной литературы складывается впечатление, что в белорусской исторической науке господствует представление о начале войны после смерти Казимира Ягайловича и ее завершении «вечным» миром 1494 г.[92]

У белорусских историков можно выделить два основных подхода. Первый выделяет крупномасштабные боевые действиям в начале правления Александра Казимировича (1492–1494 гг.), второй – невзирая на изменения в руководстве ВКЛ – второй половине 80-х гг. XV в. – 1494 г. При этом необходимо заметить, что между сторонниками обоих подходов больших противоречий нет. Никто не отрицает ведения боевых действий до 1492 г. Но некоторые считают их только подготовкой к открытой войне. Кто-то – мелкими пограничными стычками или делами местных князей. Иные – таким же по проявлению событиями, но скрытыми по характеру, что диктовалось стремлением обеих сторон не ввязываться в большую войну и не переносить на нее внимание с более значимых направлений.

---

[91] Там же. С. 494.

[92] *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Мн., 2005. С. 130; *Сагановіч Г. М.* Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1492–94 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2. Беліцк–Гімн. Мн., 1994. С. 185–186; Кананоўіч У. І. Усходняя палітыка Казіміра ў апошняй чвэрці XV ст. // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: Тэзісы дакладаў. Ч. 2. Мн., 1993. С. 112–115; *Он же.* Змаганне за спадчыну Рурыкавічаў (Палітычныя дачыненні Вялікага Княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы ў XV–XVI стст.) // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 5. С. 2–7; *Салей С. М.* Усходні напрамак знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага ў 1385–1569 гг. // Шлях у навуку. Мн., 1997. С. 142–145; *Сагановіч Г. М.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001. С. 108; *Снапкоўскі У. Е.* Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст. Мн., 2003. С. 124 (Текст о войне почти дословно переписан из энциклопедической статьи, автор которой – Г. Н. Саганович); *Шэйфер В. А.* Узаемаадносіны Вялікага княства Літоўскага і маскоўскай дзяржавы ў канцы XV – першай трэці XVI ст. у ацэнцы пачынальнікаў найноўшай беларускай гістарыяграфіі // Веснік ГрДУ. № 2 (20). 2003. С. 3–6; *Сагановіч Г. М.* Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1492–94 // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі–Кадэнцыя. Мн., 2005. С. 370; *Доўнар А. Б.* Войны ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай у канцы XV – першай трэці XVI ст. // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2008. С. 411.

Представляется, что на позицию сторонников начала войны с 1492 г. повлияло свидетельство Хроники Быховца, в которой недвусмысленно утверждалось: «Tohoź hodu (1492 г. – *В. Т.*) na zimu począł walku na welikoie kniaźenije Litowskoje weliki kniaź Moskowski Iwan Wasiljewicz»[93]. В целом же необходимо отметить, что представления о времени ведения военных действий, их характере и событийной стороне складывались исходя из состояния источниковой базы. Так, например, посольские книги, освещающие отношения ВКЛ и Великого княжества Московского, сохранились только с 1487 г. Первые же материалы в них свидетельствовали об идущей московско-литовской войне, и в связи с чем ряд исследователей начальной датой войны указал именно 1487 г. Посольские книги дают наибольшее количество информации о первой пограничной войне[94]. События и вообще весь ход войны могли бы остаться неизвестными, если бы не они. При этом информация о самом начале войны (в посольской книге отсутствуют два первых листа) сохранилась только в выписках из посольских книг[95].

В другом источнике – разрядных книгах (фиксировали мероприятия московского правительства по назначению, размещению и направлению служилых людей)[96] – события московско-литовской конфронтации фиксируются только с 1492 г., что также может служить основанием для начала отсчета времени ведения войны.

Дополнительные известия официально-тенденциозного характера можно найти в московском летописании[97], а некоторые события отразились и в белорусско-литовских летописях и хрониках[98]. Данные отдельных актов Метрики ВКЛ заполняют пробелы при изучении историко-географических обстоятельств войны.

---

[93] Список Быховца // ПСРЛ. Т. 17. М., 2008. Стб. 552.

[94] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

[95] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. II. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Составитель Б. Н. Морозов. (Далее: «Выписка из посольских книг»). М.; Варшава, 1997. С. 14–15.

[96] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.

[97] Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. (Софийская вторая летопись). М., 2001; Полное собрание русских летописей. Т. 8 (Летопись по Воскресенскому списку). М., 2001; Полное собрание русских летописей. Т. 12 (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). М., 2000.

[98] Хроника Быховца. М., 1966; ПСРЛ. Т. 17 (Западнорусские летописи). М., 2008; ПСРЛ. Т. 32 (Хроника Литовская и Жмойтская и Хроника Быховца). М., 1975; ПСРЛ. Т. 35 (Летописи белорусско-литовские). М., 1980.

§ 1.2. Датировка войны

Основание датировать начало войны 1492 г. исследователи видели в отсутствии масштабных боевых действий с использованием великокняжеских войск ранее этого времени, а также в том, что смерть короля и великого князя Казимира будто бы прекратила действие предшествовавших договоров, чем воспользовалась Москва.

Можно ли мелкие пограничные стычки, которые постоянно сопровождали повседневную жизнь пограничья, переводить в ранг войны? Если нет, то нужно связывать начало войны с привлечением к военным действиям великокняжеских («регулярных» по польской терминологии) войск. Так утверждали те исследователи, которые вели отсчет войны с 1492 г. Но не стоит забывать, что уже в 1489 г. 11 московских воевод во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым пришли под Воротынск, город сожгли, а жителей вывели в плен[1]. Так же и в 1487 г. на пограничье с московской стороны действовали не только слуги местных удельных князей, но и представители великокняжеской администрации. Пример тому – захват вотчин князей Крошинских и управление ими великокняжеским дьяком Василием Долматовым[2].

Характер взаимоотношений двух государств, находящихся в состоянии войны друг с другом, ярко проявлялся как в период, предшествовавший смерти Казимира, так и позже. Московский посол боярин Иван Андреевич Лобан Колычев, выехавший из Москвы 20 марта 1492 г. (т.е. до смерти короля и великого князя 7 июня), должен был говорить крымскому хану Менгли-Гирею: «А землю, господине, королеву государя нашего люди со всех сторон емлют»[3]. На возможный вопрос хана: «Отколе королеву землю емлют» – следовало назвать Новгород, Псков, Тверь и Московскую землю. Кроме того, упомянуть захваты Воротынских и Белевских князей с их землями и городов тех Воротынских и Одоевских князей, что остались служить королю[4]. Московский посол боярин Константин Григорьевич Заболоцкий, выехавший в Крым 30 августа 1492 г. с целью известить хана о смерти Казимира, передавал намерение Ивана III самого «всести на конь», идти ратью против детей короля и «недружбу свою... им чинити, сколко... бог пособит»[5]. В заявлении московского великого князя предшествовавшие действия

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // СИРИО. Т. 35. СПб., 1882. № 8. С. 35; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. (Софийская вторая летопись). М., 2001. Стб. 325.

[2] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 1, 3.

[3] Там же. Т. 41. № 34. С. 139.

[4] Там же. С. 139–140.

[5] Там же. № 36. С. 158.

отделялись от новых, хоть и аналогичных, намерений. Теперь его врагов представляли иные лица. Но твердым оставалось желание продолжить войну, которую теперь планировалось активизировать: сам великий князь пожелал возглавить войско.

Прямых ссылок на потерю силы всех договоров после смерти одного из субъектов, который их заключал, не встречается. Заметно противоположное стремление опереться на существовавшие ранее отношения при их обновлении. В первом же посольстве великого князя литовского Александра к Ивану III было выражено желание «помнячы докон(ч)анье предковъ твоихъ с нашими предки и твоего отца з нашымъ отцомъ (договор 1449 г. Казимира с Василием II. – *В. Т.*), и на насъ, на дети... ажъ бы еси тыи крывды и шкоды, и грабежы, котории ся стали отчыне нашои, к Великому князству Литовскому, в землях и въ водахъ с твое земли, то нам оправилъ»[6]. Заключение нового соглашения виделось литовской стороной в прямом соответствии с ранее оформленными договорами при Казимире и Василии II и вплоть до времен Витовта и Василия I[7]. Можно понять стремление нового великого князя литовского «отчыну нашу в целости мети, какъ было за предковъ нашых» или чтобы «зъдавна котории места прыслухали к нашому г(о)с(по)д(а)рьству, к Великому князству Литовъскому, за великого кн(я)зя Витовта и за великого кн(я)зя Жыкгимонъта, и пры отцы нашомъ, короли его м(и)л(о)сти, абы то нине слухано к н(а)шому Великому кн(я)зству по-давному»[8]. Однако в таких обстоятельствах, когда одно государство испытывает внутренние трудности («нежитье»), связанные со смертью старого правителя, более значимой следует считать позицию другой, наступающей стороны. По словам великого князя Александра, именно «в нашомъ нежитьи твои (Ивана III. – *В. Т.*) вкраинники позабрали земли и воды нашы, и слугъ нашых через старии рубежи»[9].

Соседи часто стараются воспользоваться занятостью внутренними проблемами государства и активизируют военные действия. Такая опасность ясно осознавалась в самом ВКЛ. Еще не став великим князем литовским, Александр Казимирович, обращаясь к жителям ВКЛ, писал о своем скором избрании: «...ажбы некотории неприятели, побачивши тую нашу пригоду (т.е. смерть Казимира. – *В. Т.*), Боже уховаи, не сягнули на тое панство, на отчину нашу, на Великое кн(я)ж(ес)тво Лит(о)вское и русское, для того есмо тут застали (т.е. остался в ВКЛ, чтобы

[6] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. V., 1993. № 9. P. 62.

[7] Ibid. № 27.1. P. 77–78; № 15.2. P. 69. Речь идет, очевидно, о договорах 1449 и 1408 гг.

[8] Ibid. № 23.2. P. 74; № 27.2. P. 78.

[9] Ibid. № 34. P. 86.

возглавить его. – В. Т.)»[10]. Так же четко понималась необходимость собственного, отдельного от Польши, правителя в ВКЛ. Представители панов рады ВКЛ в обращении к жителям тех же земель (Витебской, Волынской, Киевской, Полоцкой и Смоленской) заявляли: «Королевича, его м(и)л(о)сти сына Александъдра у Великом кн(я)ж(е)стве Литовском зоставили есмо для того, ажъ бы земля была безъпечна (обезопашена. – *В. Т.*) отъ сторонъ неприятельских»[11].

Ожидание московского нападения побудило правительство ВКЛ осуществить ряд внешне- и внутриполитических акций. Прежде всего, были налажены отношения и испрошена помощь у Польши («людми и пенезми»)[12]. Определенный расчет был и на «царя заволского» (хана Большой орды), которого уговаривали «абы намъ был помочонъ противъ тог(о) нашого непрыятеля»[13]. «Радни и помощни» могли быть магистры Тевтонского и Ливонского орденов[14]. Хуже обстояло дело с крымским ханом Менгли-Гиреем. Как раз в это время разгорелась борьба вокруг строящейся татарами на Днепре крепости Тягин[15], конфронтация нарастала, и после (уже в 1495 г.) «царь перекопский» прямо «войну пустил в нашу землю»[16]. Явно недобрососедскими выглядели у правительства ВКЛ отношения и с верным московским союзником, «воеводой волоским» (молдавским) Стефаном[17].

В 1493 г., уже после ответного похода московских воевод на города Поугорья и Верхней Оки, великий князь Александр выражал смоленскому наместнику Юрию Глебовичу готовность «со всими нашыми землями» выступить «безъ мешканья» против неприятеля «ку обороне панъства нашого и всих добрыхъ людеи подданыхъ нашыхъ». Вперед будто бы был выслан новогородский наместник пан Юрий Пацович[18]. Таким образом, к началу 1493 г. в ВКЛ была, наконец, осуществлена мобилизация военных ресурсов на войну с Москвой. Но, очевидно, сам великий князь литовский осознавал мизерность своих возможностей. Приоритетной стала задача заключения мира, даже путем значительных уступок. С панами радой было условлено на переговорах отступиться от претензий на Великий Новгород, Великое княжество

[10] Ibid. № 3. P. 54. Документ составлен после 7 июня (смерть Казимира), но до 20 июля 1492 г. (избрание Александра на сейме великим князем литовским).
[11] Ibid. № 3. P. 55.
[12] Ibid. № 17.1. P. 70; № 17.2. P. 71.
[13] Ibid. № 18. P. 71.
[14] Ibid. № 19. P. 72; № 21. P. 73.
[15] Ibid. № 4. P. 56.
[16] Ibid. № 47. P. 96.
[17] Ibid. № 8. P. 62.
[18] Ibid. № 16.1. P. 69.

Тверское, Великое княжество Рязанское и т.д., «aby dokonczanie tym sie newzruszyło»[19].

Приход к власти в ВКЛ великого князя Александра, действительно, стал рубежом между двумя периодами как, в целом, внешней политики государства, так и, в частности, в ходе московско-литовской пограничной войны. Правительству ВКЛ срочно пришлось налаживать связи с отделившейся Польшей, подтверждать договоры с другими соседями, изыскивать внутренние возможности для ведения войны. Состоянием нестабильности, уязвимостью обороны ВКЛ поспешил воспользоваться великий князь Иван III. Такая естественная реакция Москвы на ослабление западного соседа и была воспринята рядом исследователей в качестве начала настоящей войны.

Таким образом, датировка первой пограничной войны ВКЛ с Великим княжеством Московским остается открытой. И если окончание войны не может вызвать сомнений – 5 февраля 1494 г., день заключения мирного договора («вечное докончанье»)[20], то ее начало твердо определить сложно. Поскольку война так и не была объявлена[21], а во время ее ведения не прерывались дипломатические связи. Обе стороны обвиняли друг друга, отрицая враждебность своих действий и стремясь перевести вину на соседа. Ситуация осложняется тем, что основной источник, содержащий абсолютное большинство данных о литовско-московских отношениях (посольские книги), сохранился только с 1487 г., хоть известно, что, например, в 1484 г. в Москве находился посол от короля Казимира Ян Забережский[22].

В сентябре 1487 г. в Москву прибыло посольство от венгерского короля Матвея Корвина во главе с дьяком Иваном[23]. В ответной речи великого князя Ивана III, озвученной венгерскому послу дьяками Андреем Одинцом и Федором Курицыным, заявлялось следующее: «Наш пак посол Федор, как до нас дошол и грамоту королеву утверженую до нас донесл, и мы, видев грамоту утверженую брата своего королеву, тогды ж с Божьею волею почали есмя дело делати и наступили есмя на своего на вопчего недруга на Казимира на короля на Полского и

[19] Ibid. № 27.3. P. 79.

[20] ДДГ. № 83. С. 329–332; LM. Kn. 5. № 78.2. С. 134–136.

[21] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XV вв. С. 201; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 93. В Устюжской летописи под 1492 г. сохранилось следующее известие: «Тое же зимы король литовскии изшел Андреян, и на его место сын его князь (седе) Александр и разметные послал» (ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 98). Однако больше нигде объявление войны со стороны ВКЛ не находит подтверждения.

[22] СИРИО. Т. 41. № 11. С. 43.

[23] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 250.

не съ одну сторону»[24]. Посол Федор (Курицын) вернулся в Москву в конце 1486 или начале 1487 г.[25] Таким образом, московское правительство официально уведомляло третью, враждебную Казимиру, сторону о начале в конце 1486 – начале 1487 г. войны с Великим княжеством Литовским. И еще раньше, с послом Федцей Кузминским, венгерскому королю были отправлены уверения, «что нам с Королем с Полским миру нет»[26]. Однако, как выясняется из инструкций, данных отправлявшемуся в Венгрию послу Штибору, под «почином и наступом» на короля Казимира понимались захват Великого княжества Тверского, чей правитель «был заодин» с королем, а также удержание у «недруга» ряда городов и волостей, среди которых названы Великие Луки и Ржева (Пустая)[27]. Речь идет о событиях 1478 и 1485 гг., которые трудно расценивать как военные действия, направленные непосредственно против короля Казимира. Становится очевидной дипломатическая уловка, несомненной целью которой являлось побуждение к военным действиям против Польши и Великого княжества Литовского еще одной стороны. При этом даже факт сохранявшихся московско-литовских дипломатических связей объяснялся не стремлением заключить мир с Казимиром, а всего лишь желанием решить порубежные дела[28].

Тем не менее к тому же времени относятся более определенные данные о начале конфронтации на московско-литовской границе.

Согласно с первыми страницами московско-литовских посольских книг в 1487 г. (возможно, уже и в 1486 г., если относить те события, о которых сообщали послы, к более раннему времени) на границе не было спокойствия. Может быть, пограничные стычки (т.е. война с таким характером ведения) начались еще раньше? В инструкции московскому послу в Крым князю Василию Ноздреватому предписывалось на вопрос о целях приезда упомянутого выше Яна Забережского в Москву отвечать, что король прислал того «о порубежных делех»[29]. К тому же московский великий князь неоднократно давал понять, что король польский и великий князь литовский его враг, с которым дол-

[24] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. I. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 161. То же повторено в грамоте, посланной королю Матвею Корвину (Там же. Стб. 166). Курсив мой. – *В. Т.*

[25] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 250.

[26] Там же. Стб. 162. См. также повторения этого заявления: Там же. Стб. 163, 166–167, 170.

[27] Там же. Стб. 169–170.

[28] Там же. Стб. 170.

[29] Там же.

жен воевать и крымский хан[30]. Таким образом, если война и не шла в первой половине 80-х гг. XV в., то подготовка к ней активно велась, и уже возникали какие-то конфликты на границе.

Крымские посольские книги велись с 1474 г. Из них можно узнать если не о событиях, которые реально происходили между Москвой и Вильно, то о намерениях и пожеланиях московской стороны, например, утвердить мирные отношения с западным соседом или, наоборот, подбить крымского хана на войну с ним. Периоды стремления к миру и желания войны московской стороны в крымских посольских книгах отразились очень точно. В 1474–1480 гг. Иван III последовательно называл Казимира своим врагом, с которым должен был бороться и крымский хан. В 1481–1482 гг. отношения между Москвой и Вильно смягчились, чувствовалось стремление Ивана III отговорить хана от похода на ВКЛ[31]. Наконец, встречались прямые свидетельства о попытках установления мирных отношений Москвы и Вильно, хотя неудачных[32]. Даже после охлаждения московско-литовских отношений[33] Иван III не планировал враждебных действий против ВКЛ, так как «нынеча делает свое дело с казанским»[34]. 3 мая 1482 г. московский великий князь снова подталкивал Менгли-Гирея идти на ВКЛ, хотя у хана и был заключен договор с королем Казимиром[35]. Сам московский князь, как и позднее, военных действий против ВКЛ не начинал[36]. Новый этап обострения отношений наблюдался с начала 1486 г. С этого времени засвидетельствованы не только заявления о враждебных отношениях и подстрекательство хана к набегам на территорию ВКЛ, но и факты непосредственного московского наступления.

В марте 1486 г. московскому послу боярину Семену Борисовичу, который отправлялся в Крым, впервые предписывалось отвечать на возможные вопросы хана Менгли-Гирея следующим образом: «Послы меж их (Иваном III и Казимиром. – *В. Т.*) ездят о мелких делех о порубежных; а гладости никоторые и миру осподарю нашему великому князю с королем нет»[37]. И после, чтобы подтолкнуть хана к активным

[30] Там же. С. 3, 5, 10, 11, 12, 20, 46, 48, 55, 60.

[31] СИРИО. Т. 41. № 6. С. 27.

[32] В начале 1482 г. «король ко мне (Ивану III. – *В. Т.*) присылал послов своих о любви и о докончаніе, и яз к нему своих послов послал» (Там же. Т. 41. № 7. С. 29).

[33] «Он [король] нынеча с моим осподарем любви и докончанія не хочет» (Там же. Т. 41. № 7. С. 30).

[34] Там же. Т. 41. № 7. С. 30.

[35] Там же. Т. 41. № 8. С. 32–34.

[36] В марте 1484 г. Иван III через посла боярина В. И. Ноздреватого уверял крымского хана, что «а каково будет мне с королем дело, и аз тобя без вести не держу» (Там же. Т. 41. № 10. С. 38). Понятно, о каком «деле» идет речь, и, значит, войны еще не было.

[37] Там же. Т. 41. № 13. С. 48.

действиям против ВКЛ, открыто заявлялось: «А осподаря нашего великого князя люди безпрестанно емлют королеву землю»[38]. Характерно, что московский посол должен был отговаривать хана идти «в Путивлю, или на Северу», а направить его на Подолье или Киевщину[39]. Северщина уже представлялась сферой московских интересов, поэтому Москва не была заинтересована в ее разорении.

Таким образом, уже в начале 1486 г. между сторонами велись боевые действия. Московско-литовская война началась. В сентябре того же года в ответе хана Менгли-Гирея она получает свое название – «литовская»[40].

К тому же 1486 г. относятся и другие, более конкретные, известия о войне, как уже начавшейся.

В начале июня 1486 г.[41] через посла Зеньку Казимир Ягайлович передал Ивану III жалобу мценского и любутского наместника князя Дмитрия Путятича о том, что «съ твоее (московского великого князя. – *В. Т.*) земълі люди нашимъ людем вкраинным мецняномъ и любучаномъ многие шкоды починили в татбах и въ розбоехъ, и в грабежох тыми разы недавно»[42]. Также с ведома, а скорее всего, по приказу Ивана III 8 мая (накануне Николина дня) 1486 г. люди великого князя рязанского Ивана Васильевича пришли под Мценск, «место выжъгли, села повоевали и многие шкоды починили и люди головами в полонъ повели»[43]. Необходимо заметить, что нападению подверглись не пограничные князья и их вотчины, а великокняжеские владения, управлявшиеся державным наместником. Это свидетельствует о таком уровне конфронтации, который уже нельзя представить мелкими пограничными столкновениями или «разборками» местных князей. Нужно думать, что оба нападения осуществлялись с расчетом именно на реакцию верховских князей – вассалов Казимира. Целью было желение ослабить позиции литовской великокняжеской власти в регионе с господством полусамостоятельного княжеского землевладения, чтобы обеспечить на него влияние Москвы.

Осенью 1487 г. в Москву прибыло посольство великого князя литовского Казимира во главе с князем Тимофеем Владимировичем Мосаль-

[38] Там же. № 13. С. 48.

[39] Там же. С. 50.

[40] Там же. С. 51.

[41] Документ имеет дату: индикт 4, июнь 3, что выпадает именно на 1486 г.

[42] Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // РИБ. Т. 27. СПб., 1910. № 128. Стб. 445; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anuħutė. V., 1994. № 128. P. 139.

[43] АЗР. Т. 1. 1340–1506. СПб., 1846. № 58. С. 71 (документ ошибочно датирован 1456 г.); РИБ. Т. 27. № 129. Стб. 445–446; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4. № 129. P. 139.

ским. 6 октября князь выступил перед московской стороной с речью[44]. Все содержание последней, смысл и даже терминология свидетельствовали о трактовке событий, которые разворачивались на московско-литовском пограничье, как начале войны. Слово «война» звучало неоднократно, хотя под ней понимались отдельные враждебные действия со стороны Москвы, а не вообще все события.

Среди многочисленных жалоб на действия московских удельных князей, наместников и даже великокняжеского дьяка встречаем перечень событий еще 1486 г. Выясняется, что «тому год минул», как на пограничные земли ВКЛ обрушился вал нападений[45]. Важно обратить внимание на то, что события датируются 1486 г. Именно с него началось непрерывное давление на пограничье ВКЛ. В то время как на северном участке московско-литовской (ранее – новгородско-литовской) границы было еще тихо, а около бывшего Тверского княжества, Можайска, Медыни, в Верхнем Поочье мирная жизнь была прервана. Ошибочно считать, что вся московско-литовская граница стала линией фронта. Оставались районы, вообще не затронутые опустошением – большая часть западной ржевской и некоторые отрезки вяземско-можайской границ. Но причиной была их природная обособленность, болота и леса «позаботились» об их защите. Вероятно, там московские владения (освоенные или по какой-либо причине полезные земли) не соприкасались с литовскими.

Представляется, что приведенный комплекс известий довольно убедительно свидетельствует о времени начала московско-литовской войны. С 1486 г. осуществлялся целый ряд мероприятий силами удельных московских князей, великокняжеских служилых людей и слуг зависимого от Москвы великого князя рязанского. Наблюдение за развитием событий уже первого года войны показывает продуманную направленность, хорошую спланированность и четкую скоординированность действий московских сил. Речь идет только об одном субъекте конфликта, так как военная инициатива оказалась на стороне Москвы.

Удачно охарактеризовали ход всей войны представители панов-рады в Москве князю Ивану Юрьевичу Патрикееву в 1493 г. По их словам, московский великий князь порушил старину, «написал себе имя свое высоко», а новина в итоге проявилась в том, что «нашому господару великие ся шкоды подеяли з вашого гасподара земли, войну на миру пустил, городы его милости и волости пожжены, а иныи побраны, и люди многии со многими статки их в полон поведены»[46]. Здесь в

[44] Ответ на речь литовских послов был представлен уже на следующий день – 7 октября.

[45] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

[46] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. (Далее: АЗР). № 110. С. 129. Тот же текст см.: СИРИО. Т. 35. № 22. С. 105;

сжатом виде можно увидеть и претензии Ивана III на владение всеми землями Руси, и реализацию этих намерений – через разорение и опустошение территории ВКЛ, ее захват и вывод плена. А вот и формула, которая объясняет необычный, «странный» характер войны: «войну на миру пустил», что в переосмыслении польских исследователей звучит как «война во время мира» («wojna podczas pokoju»).

Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. V., 1993. № 23.3. P. 75.

§ 1.3. Структура боевых действий

Боевые действия Великого княжества Московского во время первой пограничной войны можно структурировать следующим образом.

1. Мероприятия великокняжеской администрации. Они не были характерны для первых лет войны, хотя в особых формах и осуществлялись.

Среди них можно выделить следующие действия.

1.1. Походы мощных группировок великокняжеских войск с целью захвата или ослабления центров власти ВКЛ в пограничных регионах (Воротынск, Любутск, Мценск, Мезецк). На них обращали особое внимание исследователи, относя начало войны к 1492 г. Подобный поход был осуществлен в 1489 г. Он, как правило, игнорировался из-за желания начать отсчет войны со смерти Казимира Ягайловича. Походы по целям условно разделяются на 1.1.1. «побуждающие» (т.е. против средоточий власти ВКЛ или центров, правители которых «не осознали» свою судьбу быть подданными московского государя) и 1.1.2. захватнические (направленные на прямое присоединение территорий к Москве).

1.2. Действия представителей великокняжеской власти по занятию и освоению определенных территорий. Их не замечали исследователи, хотя масштаб московской экспансии был довольно значительным. Она направлялась и управлялась из центра, и целью был не только 1.2.1. захват (после чего территория могла быть легко возвращена), но и 1.2.2. колонизация территории жителями внутренних московских областей, обеспечивающая устойчивое приращение территории государства, хотя такой путь давал скромные результаты. Для его осуществления требовался продолжительный срок, рассчитывать можно было только на собственные людские и прочие ресурсы. Более привлекательными были другие средства ведения войны. Он находил обоснование в посольских спорах, когда пограничные волости объявлялись принадлежащими центру в Великом княжестве Московском. Позже захваченные и освоенные волости оставались, как правило, в составе уездов, в которые их включили во время войны. Аналогичные действия на пограничье осуществляли и удельные князья;

1.3. Грабительские нападения великокняжеских служилых людей с целью создать несносные условия жизни на пограничье, подорвать обороноспособность региона с расчетом на последующую реакцию местного населения. Прежде всего – пограничных князей, которые, чтобы избежать давления и с выгодой для себя, решались перейти на московскую службу. За границу уводились люди, скот, вывозилось имущество, прерывалась торговля, перерезались коммуникации. Местность опустошалась, доводилась до того состояния, когда уже не могла противостоять московскому наступлению.

1.4. Ответные нападения московских служилых людей, преследование вторгшихся в московские пределы литовских людей. Очень часто сложно определить, к какому пункту (1.3. или 1.4.) относится событие. Стороны могли по-разному его оценивать или представлять.

1.5. Концентрация войск недалеко от границы ВКЛ в стратегически важных пунктах (Великие Луки, Новгород, Торжок, Тверь, Можайск, Серпухов, Таруса, «берег»). Непосредственно в боевых действиях эти формирования могли не участвовать, но они выполняли важную функцию – прикрывали границы (не только литовские, но и с Полем) на направлениях возможного наступления противника и в определенной степени гарантировали удержание занятых территорий.

2. Действия московских удельных князей и отдельно великого князя рязанского, имевших владения на пограничье и оттуда осуществлявших рейды и самостоятельные нападения на земли ВКЛ (Иван Иванович Молодой из Твери, Борис Васильевич Волоцкий из Ржевы, Андрей Васильевич Углицкий из Можайска, Иван Васильевич из Переяславля-Рязанского). Масштабы операций из-за ограниченности ресурсов не были очень значительными. Способы ведения войны соответствовали великокняжеским. Данный пункт вообще обойден вниманием большинства исследователей. Условно можно подразделить на несколько пунктов.

2.1. Отдельные нападения на пограничные волости, которые иногда превращались в довольно продолжительные рейды в глубину территории ВКЛ. Тем самым оказывалось давление в основном на вяземских землевладельцев с целью ослабить их обороноспособности подтолкнуть к переходу на московскую службу.

2.2. Действия по 2.2.1. занятию и 2.2.2. освоению определенных территорий. Осуществлялись в направлении Торопецкого повета ВКЛ и на Вяземщине. Попыток колонизации не отмечено, хотя, возможно, в определенной степени она осуществлялась.

2.3.1. Препятствие торговле, 2.3.2. мелкие диверсии другого плана (засеки на дорогах). Безусловно, и они служили единой цели обессиливания и подготовке присоединения к Москве пограничных земель ВКЛ.

3. Деятельность князей, которые служили ВКЛ и находились в различной степени зависимости от него, но еще до войны или во время ее перешли на московскую службу (Федор Иванович Бельский, верховские князья). В своих поступках верховские князья преследовали и личные цели, хотя в той или иной степени все их действия были спровоцированы шагами Москвы. Деятельности верховских князей в историографии уделялось особое внимание, но часто она рассматривалась вне военного контекста. Внешние события в Верховских княжествах казались и даже сознательно представлялись их внутренним делом. Все, что происходило в регионе Верхней Оки, было инициировано и контролировалось Москвой, являясь частью и своеобразной

формой ведения войны. В результате политика Ивана III в Верховских княжествах ВКЛ достигла наибольших успехов. Тем не менее проблема принадлежности региона в первой пограничной войне была решена только частично, став одной из причин или предлогом для начала следующей. Запутанные события на верхнеокском участке границы тяжело структурировать, но условно можно выделить следующие направления ведения войны.

3.1. Нападения верховских князей и отдельно князя Ф. И. Бельского на владения родственников и иные пограничные земли ВКЛ, чтобы принудить к переходу на московскую сторону тех князей, которые оставались верными великому князю литовскому, и ослабить, подорвать линию обороны ВКЛ.

3.2. Переходы верховских князей на московскую службу, сопровождаемые погромом и опустошением литовских территорий и, прежде всего, захватом владений других князей. Подведенные к неизбежности перехода на московскую службу, верховские князья стремились прихватить владения соседей, что подогревалось обещанием московского правительства сохранить у них все захваченное.

Так обобщенно представляются формы ведения войны. Нужно отметить общую связь, запланированность и целесообразность всех мероприятий, которые осуществлялись на разных уровнях московской власти. По мнению К. В. Базилевича, в московских нападениях на пограничные земли ВКЛ, несмотря на кажущийся хаотичным характер, «отсутствовал элемент случайности или личной инициативы отдельных московских вотчинников»[1]. Как замечал А. А. Зимин, на юго-западе страны Иван III сам руководил военными дйествиями[2]. Что же могло противопоставить Великое княжество Литовское такой мощной организации и подготовленности к ведению войны?

На восточной границе ВКЛ была создана система обороны. Она начала складываться еще в начале XV в., когда сформировалась московско-литовская граница[3]. Во главе ряда периферийных княжеств и владений был поставлен смоленский наместник, который, кроме прочего

[1] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 283–284.

[2] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 96.

[3] О формировании московско-литовской границы: *Цемушаў В. М.* Літоўскамаскоўская граніца ў другой палове XV – пачатку XVI ст. // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Гальшаны–Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г.). Мн., 2007. С. 325–340; *Он же.* Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып 1 / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2008. С. 56–77.

(например, сбора дани), выполнял функции военного руководителя, главы ополчения. По словам М. К. Любавского, Смоленский повет с московской стороны был окружен «поясом княжеств и владений, отдававшихся в судебно-административном отношении наместникам, причем все эти княжества и владения в Смоленске имели свое военно-политическое средоточение»[4]. Однако далеко не все пограничные княжества и владения подчинялись государственным наместникам. Наместники были только в Мценске, Любутске, Серпейске, Брянске и Торопце. Другие города оставались центрами княжеских владений разной степени зависимости от великокняжеской власти.

Великий князь литовский имел возможность вмешиваться в земельные дела в пограничных княжествах. Известно, что в Вяземском княжестве хлепенской волостью Рогачев владел сын пана Ивана (Яна) Ходкевича, а в непосредственной близости от московской границы расположились князья Крошинские и Глинские[5]. Разбавление среды местных князей выходцами из других областей ВКЛ в определенной степени гарантировало интеграцию периферии с центром. К тому же пришлые земелевладельцы занимали самый край государства, на пути возможного удара с московской стороны.

Система обороны Вяземского княжества доказала свою устойчивость[6]. Методичное давление на вяземское пограничье не привело к ожидаемому результату. Подавляющее большинство вяземских землевладельцев осталось верным великому князю литовскому. В конце 1492 г. на сторону Москвы перешел только князь Андрей Юрьевич Вяземский, вотчиной которого было единственное село с деревнями на Днепре. Правда, в самой Вязьме он владел дворами, собирал пошлины, имел казну и людей[7]. Все его владения достались старшему вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу[8].

Не все подобные шаги против верховских князей[9] имели успех. Сдерживать своевольные стремления местных землевладельцев должен был ряд наместничеств ВКЛ, прежде всего – Мценское и Любутское. После

[4] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 286–287.

[5] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 73; № 1. С. 1–3; № 2. С. 6.

[6] О Вяземском княжестве в системе обороны ВКЛ см.: *Цемушаў В. М.* Перыферыйныя княствы ў сістэме абароны ВКЛ (Вяземскае княства ў 15 ст.) // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 крас. 2004 г. Мн., 2007. С. 95–102.

[7] Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5: (1427–1506). V., 1994. P. 67: СИРИО. Т. 35. № 19. С. 81.

[8] АЗР. Т. I. № 109. С. 127.

[9] Об употреблении терминов «Верховские княжества» и «верховские князья»: *Темушев В. Н.* Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей в 2 т. Т. 2. История. Тула, 2007. С. 257–277.

многочисленных походов, осад и опустошений окрестностей в ходе войны Любутск стал анклавом в окружении московских владений, Мценск превратился в форпост, выдвинутый далеко на правую сторону Оки. Все остальное правобережье уже было московским[10].

Однако зыбкая среда верховских князей не выдержала. Ряд привилеев, сохранявшихся или появлявшихся у пограничных князей, оставлял возможность отказаться от службы господарю (послать ему «отказ» или «целование королю с себя сложить») и перейти на московскую сторону вместе с вотчинными владениями[11]. Это обстоятельство в сочетании с московским давлением и конфликтом вутри корпорации облегчало присоединение верховий Оки к Москве.

Тем не менее расширение московской власти на верховья Оки не было простым делом и во многом зависело от позиции местных князей[12]. Даже военный захват не гарантировал присоединения определенной территории к Москве. Московские походы 1492–1493 гг. затронули Любутск, Мценск, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Опаков. Большинство из них, за исключением Мезецка и Серпейска, было сожжено. Однако ни один из Мосальских князей не перешел на службу к великому князю московскому, а три других сожженных города (Любутск, Мценск, Опаков) принадлежали не удельным князьям, а управлялись великокняжескими наместниками или частными владельцами. Присоединения их к Москве в 1494 г. не произошло. У Опакова была занята только часть волости, которая заходила на левый берег р. Угры[13]. Таким образом выравнивался участок границы, естественным обозначением которой на значительном протяжении стала р. Угра.

Территории, на которых московская власть не имела достаточно твердой опоры, оставлялись, возможно временно, за ВКЛ. Переход на московскую службу пограничного князя также не гарантировал распространения новой власти на все его владения. Воротынские князья, которые владели большим массивом земель вдоль течения Угры, после перехода на московскую сторону практически все потеряли, несмотря на то что эти земли были их вотчинными владениями. В обороне границ государства правительство ВКЛ делало ставку на князей Воротынских, которая, очевидно, не оправдалась[14].

---

[10] ДДГ. №. 83. С. 330.

[11] Первый случай, когда князь, который перешел на службу к другому правителю, не сохранил за собой свою вотчину – бегство в Москву князя Федора Ивановича Бельского.

[12] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 91–92.

[13] В грамоте 1494 г. говорится о том, что за ВКЛ сохранился Опаков по Угру (ДДГ. № 83. С. 330). Значит, можно сделать вывод о том, что у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила до Москвы.

[14] О роли князей Воротынских в обороне восточной границы ВКЛ см.:

Если окинуть взглядом всю протяженность московско-литовской границы, испытавшей военные действия первой войны, то можно убедиться, что территории под великокняжеским управлением в полном составе сохранились за ВКЛ. Под московским давлением была утрачена часть владений верховских князей. Но главное сохранилось – Мценско-Любутское наместничество и линия обороны вдоль Угры[15]. Вяземские князья держались, но не смогли ничего противопоставить зимнему 1492/1493 гг. наступлению мощного московского войска (5 полков во главе с воеводой Даниилом Васильевичем Щеней)[16]. Вяземское княжество было полностью присоединено к Москве и постепенно стало средоточием поместного землевладения[17].

Тенденция преобразования Вяземского княжества в край поместного землевладения хорошо иллюстрирует последовательную политику московских властей. Возможность утраты пограничного региона, в котором к тому же оставались на своих местах местные землевладельцы, могла сохраняться довольно долго. Гомейская земля в 1537 г. была возвращена ВКЛ во многом из-за того, что после московского захвата в 1500 г. из нее не была выведена местная шляхта. Насаждение поместного землевладения с одновременной ликвидацией местного вотчинного свидетельствует о стремлении твердо закрепиться в только что присоединенном регионе. Политически ненадежные вяземские землевладельцы, многие из которых были насильно приведены к присяге, не могли служить опорой московской великокняжеской власти.

Системе оборсны восточной границы ВКЛ, основу которой составляли периферийные княжества и наместничества, противостояла подобная система удельных княжеств Великого княжества Московского. Явно намеренным выглядит выделение литовскому беглецу князю Федору Ивановичу Бельскому вотчины в новгородских землях на границе с Торопецким поветом ВКЛ[18]. Именно отсюда организовывались набеги людей князя Бельского на торопецкие волости в 1489 и 1490 гг. Непосредственно против Вяземского княжества были направлены действия

Темушев В. Н. Река Угра – вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь, 2004. С. 305–318.

[15] *Темушев В. Н.* Река Угра – вековой страж московско-литовской границы. С. 313.

[16] ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 235; ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 122.

[17] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 123–124.

[18] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 283, 287.

великого князя Ивана Ивановича Молодого из Тверской земли и удельного князя Андрея Васильевича Углицкого из Можайска. Рядом с границей размещался также массив земель Волоцкого удела князя Бориса Васильевича (Волок Ламский, Ржева, Руза, Вышгород, Шопкова слобода). Из Ржевского уезда оказывалось давление на Торопецкий повет.

В 1486 г. в Москве произошло переоформление договоров с теми удельными князьями, которые еще сохранились, – Андреем Васильевичем Большим Углицким и Борисом Васильевичем Волоцким, а Михаил Андреевич Верейский и Белозерский под московскую диктовку написал духовную[19]. В отличие от великого князя литовского, стремившегося крепить верность удельных князей путем подтверждения их прав и привилегий, а также раздачей новых владений, в Москве продолжалось наступление на удельные права родственников великого князя. Регламентировались и контролировались все их действия, закреплялось их подчинение великокняжеской власти. Удельные князья в Великом княжестве Московском были обречены. Характерна их судьба. Князь Андрей Углицкий умер в заточении в 1493 г. после ареста в 1491 г. «за измену»[20]. Старший сын князя Михаила Андреевича Василий в 1483 г. сбежал от гнева Ивана III в ВКЛ[21], а верейско-белозерский князь вынужден был в своем завещании оставить все свои владения великому князю[22].

Система обороны московской границы имела активный характер и была ориентирована не на сдерживание, а скорее на развертывание наступления. В этой связи возникают вопросы: какие боевые действия со стороны ВКЛ были противопоставлены московской угрозе, и осуществлялись ли попытки «прощупать» оборону московской границы?

Несмотря на крайнюю малочисленность войск, которые находились и могли быть использованы на местах московских ударов, почти полное пренебрежение восточным направлением внешней политики Казимиром Ягайловичем, реакция со стороны ВКЛ была ощутимой. Власти ВКЛ попытались урегулировать проблему дипломатическим путем. Но отработанный механизм решения пограничных проблем перестал действовать. То, что ранее могло найти понимание на местном уровне, теперь передавалось в верхние инстанции, становясь делом посольств, сталкиваясь с глухой стеной государственной политики. В ответ на жалобы о нарушениях границы, захватах и грабежах из Москвы

[19] ДДГ. № 80–82. С. 301–329.

[20] *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 164.

[21] ПСРЛ. Т. 28. (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)). М.; Л., 1963. С. 151.

[22] ДДГ. № 80. С. 302.

шли соответствующие протесты о литовских действиях. В посольских книгах легко заметить неопределенность и некоторую абстрактность московских жалоб, в отличие от конкретных, подробных перечней и документальных свидетельств со стороны ВКЛ. Момент, когда Москва отказалась от дипломатического решения, ступив на путь войны, точно отразился в словах боярина Семена Борисовича хану Менгли-Гирею в марте 1486 г.: «А осподаря нашего великого князя люди безпрестанно емлют королеву землю»[23]. Вот тот рубеж, который отделил время, когда Москва могла пойти на контакт, от ее твердого намерения начать конфронтацию.

Попытки дипломатического решения конфликта не прерывались на протяжении всей войны, которая формально как бы и не велась. Но ситуация требовала иных действий. На пограничье литовская сторона вела пассивную и активную оборону. Структура боевых действий ВКЛ не такая сложна, как московская, ее можно классифицировать по нескольким категориям.

1. Единичный большой поход объединенных войск восточной части ВКЛ из Смоленска к верховьям Оки с целью освобождения потерянных там городов (1492 г.). Поход был успешен, но Иван III прислал мощное войско, которое ликвидировало достигнутый результат.

2. Действия мелких формирований мценско-любутского, брянского и торопецкого наместников, задачами которых были: 2.1. диверсии на московской границе с Полем и 2.2. нападения на московские земли в ответ на опустошения москвичей. Вероятно, уничтожение московских сторожей, которые следили за опасностью с Поля, осуществлялось с целью ослабления московской границы. Что касается грабительских по характеру налетов на калужские, алексинские и другие земли (если они на самом деле произошли, т.к. заявления московской стороны о них вызывают сомнения), то можно объяснить их местью за соответствующие действия, но нельзя отрицать и возможности преступных действий со стороны преставителей властей ВКЛ.

3. Нападения на московское пограничье вяземских и верховских князей, наместников пограничных земель ВКЛ, прочих землевладельцев. Сведения о них содержатся исключительно в речах от московских послов и бояр и имеют часто неопределенный характер, без конкретизации времени, места и последствий. Представляется, что пограничные стычки перерастали во взаимную месть, в которой уже невозможно определить, кто виноват.

4. Борьба между собой верховских и вяземских князей, часть которых служила ВКЛ, а часть – Москве. Сюда же нужно относить те

[23] СИРИО. Т. 41. № 13. С. 48.

действия, которые осуществляли князья, державшиеся литовской стороны.

5. Организация преследования московских войск и людей, которые возвращались с пленом и добычей после грабительских нападений на владения ВКЛ или после перехода на московскую службу. Они сопровождались боями, которых было не так много на протяжении всей войны. Один из таких боев (за Воротынском в 1489 г.) принес победу ВКЛ.

Масштаб военной активности литовской стороны был сравнительно небольшим. Инициатива и безусловное доминирование в войне принадлежало Великому княжеству Московскому. С учетом этого обстоятельства определяется следующая структура развертывания боевых действий на пограничье.

Боевые действия на московско-литовской границе можно условно разделить на три основных направления: А) северо-запад (Торопецкий повет), Б) запад (против Вяземского княжества) и В) юго-запад (в сторону Оки и Угры)[24]. Наиболее активно война велась на втором и третьем направлениях. Первое находилось в стороне и было отрезано от основного театра военных действий малоосвоенными пространствами, которые создавали условную границу между Бельским княжеством ВКЛ и Ржевской землей (в составе удела Бориса Васильевича Волоцкого).

Здесь необходимо заметить, что на северо-западном направлении ведения войны существовала значительная территориальная проблема, решению которой не будет уделено надлежащего внимания в данной работе.

Среди пограничных новгородских земель были такие, которые еще с XIV в. выплачивали дань (черную куну) ВКЛ – это т.н. чернокунство[25]. Выплата черной куны с ряда новгородских волостей гарантировала безопасность южной границы Новгорода Великого. Непосредственно к Чернокунству относились Холмский погост и волости Морева, Молвятицы, Стерж, Кунско, Березовец, Лопастицы, Буйцы и Жабно. От собственно чернокунства отделялись Великие Луки и Ржева, которые были исконными новгородскими владениями. Кроме черной куны с них выплачивались ВКЛ и другие налоги (с Ржевской земли «коровщина» («яловщина») и тиунская пошлина). Великолукская и Ржевская земли приближались к статусу совместного новгородско-литовского

[24] Выделил эти направления Ю. Г. Алексеев, но для первых двух он обозначил не регионы, на которые наступали, а места, откуда велось наступление (*Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 333).

[25] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 11–12, 85, 140, 177 и др.; *Фролов А. А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI – начале XVIII века // Очерки феодальной России. Вып. 9. М., 2005. С. 106–120.

владения[26]. Известно, что в Ржевской земле собирал черную куну и чинил суд литовский наместник, новгородскими были землевладение и некоторые доходы. После присоединения Новгорода к Великому княжеству Московскому (1478) некоторое время ВКЛ предъявлял претензии на черную куну, от чего не отказывался сначала и Иван III, однако выплаты прекратил и литовских данников и волостелей не пускал[27].

Пожалование князю Ф. И. Бельскому волостей из числа чернокунских и размещение в Великих Луках мощного контингента московских войск делалось для того, чтобы закрепить эти территории за Москвой[28]. В результате еще одним достижением войны для московской стороны стало окончательное присоединение значительной территории, так как после заключения «вечного» мира 1494 г. власти ВКЛ оставили претензии на чернокунство.

Таким образом, на северо-западном направлении боевых действий, несмотря на периферийность, также решались очень важные тактические задачи – закрепление за Москвой литовско-новгородских совместных владений и оказание давления на Торопецкий повет ВКЛ, тесно связанный с чернокунством[29].

Таким же удачным для Москвы было западное направление. На протяжении нескольких лет Вяземщина подвергалась опустошительным нападениям из-за границы и постепенному захвату волостей. В результате оказалась в таком положении, что не сумела в необходимый момент дать отпор московскому войску. Именно для западного направления боевых действий характерно выделение двух периодов войны: 1486–1492 гг. – подготовительный период «скрытой» войны, 1492–1493 гг. – решительные действия по реализации результатов первого периода.

На юго-западном направлении московская политика была очень продуманной. Осторожными действиями можно было достигнуть более значительных успехов, чем открытым военным давлением. Москва использовала определенные рычаги в отношениях с местными князьями, точечные удары по пунктам сопротивления и в результате малыми средствами сделала многое. После первых успехов развитие наступления в регионе Верхней Оки и далее было сознательно приостановлено. Продолжение войны могло, по мнению Ю. Г. Алексеева, привести к конфликту со всеми государствами Ягеллонов, что, безусловно, не

[26] Не нужно путать Ржеву Пустую – новгородскую и Ржеву Володимерову – к тому времени уже московскую.

[27] СИРИО. Т. 35. № 4. С. 15; № 8. С. 34; № 8. С. 38; № 12. С. 48; № 14. С. 54; № 24. С. 115; Выписка из посольских книг. С. 40.

[28] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 287.

[29] *Фролов А. А.* Статус земель южного пограничья Новгородской земли. С. 115.

могло не насторожить Ивана III[30]. Таким образом, третье направление боевых действий не было до конца реализовано. Вопрос принадлежности остатков Верховских княжеств, а также Северской земли решался в следующей войне – 1500–1503 гг.

Традиционное деление хода войны на третьем направлении на два периода не выдерживает критики, т.к. не только в 1492, но уже в 1489 г. был предпринят поход значительных великокняжеских московских войск на наиболее крупные центры власти ВКЛ в регионе – Любутск и Мценск.

Тем не менее вслед за другими исследователями в ходе войны можно выделить два периода. Давно замечено, что военные действия до 1492 г. и после отличаются по содержанию очень ощутимо. Период 1486–1492 гг. заполнен мелкими нападениями московских служилых людей на пограничные земли ВКЛ, рейдами московских удельных князей в глубину пограничной зоны, захватом близких к границе волостей. Военные действия 1492–1493 гг. за малым исключением направлялись с московской стороны на главные центры власти ВКЛ и в завершали начатое в первые годы войны. К тому времени относятся более-менее активные действия и с литовской стороны. Поэтому совершенно справедливо выделять в ходе войны два периода – первый – 1486–1492 гг. и второй – 1492–1494 гг. Именно первому более соответствуют определения российских исследователей «хитрая» или «странная» война. Как московские, так и литовские центральные власти в это время считали за лучшее не использовать великокняжеские войска, а довольствоваться силами наместников, служилых и удельных князей, владевшими землями вдоль границы. Результатом первого периода войны был подрыв обороны восточной границы ВКЛ[31]. Во второй период на первый план вышли действия больших контингентов войск, которые осуществляли крупные операции. Для Москвы добывались города, закреплялись княжеские владения. Иной, более масштабный характер боевых действий после смерти короля и великого князя Казимира (7 июня 1492 г.) был замечен и литовской стороной. Вступивший на престол ВКЛ Александр Казимирович, обращаясь в посольской речи к Ивану III по поводу новых московских нападений, говорил: «Ино самъ того посмотры, гораздо ль то деятьсе, чого перъво сего за отца нашого от тебе дел знаменитыхъ не было»[32].

---

[30] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 333.

[31] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 290.

[32] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. V., 1993. № 9. P. 63.

§ 1.4. События войны

В главе по принципу хронологической последовательности и в соответствии с направлениями ведения боевых действий представлен перечень событий первой пограничной войны.

Датировка многих событий носит условный характер, что связано в большинстве случаев со спецификой источника, их отразившего. В посольских книгах откладывались сведения о произошедших событиях спустя некоторое (иногда значительное) время. Иногда хронологическими привязками служат упоминания церковных праздников, но чаще приходится довольствоваться довольно неопределенными временными отрезками (осень, лето и т.д.), и не исключено, что некоторые из них могут оказаться ложными. События, попавшие на страницы Разрядных книг, к сожалению, часто перепутаны, продублированы и даже искажены. Их бывает довольно сложно сопоставить с известными по другим источникам сведениями. С другой стороны, встречаются указания на такие походы московских сил, которых больше нигде не найти.

Направления ведения боевых действий (юго-западное, западное и северо-западное) четко отделяются друг от друга. Выход за рамки выделенных направлений встречается редко.

Отдавая дань историографической традиции, весь ход войны разделен на два периода. При этом отдельно, вне рамок самой войны, поставлены события, предшествовавшие ей по времени, но, несомненно, повлиявшие на выработку тактики ведения боевых действий, определение направлений, объектов и субъектов нападений.

В перечне представлены в основном конкретные события. Замечания сторон о многих «кривдах», татьбе и разбое на границе, без указания на место, время и объекты нападения, оставлялись без внимания. Тем не менее отрицать реальность постоянной тревоги на московско-литовской границе и осуществление мелких диверсий, грабежей и т.д. не следует.

Согласно выработанным структурам боевых действий (для московской и литовской сторон) каждое событие пронумеровано. Для литовской стороны к номеру категории события добавлена аббревиатура ВКЛ.

После обозначения категории события и времени, когда оно состоялось, следует его описание с характеристикой состава нападающих, указанием объектов нападения и, по возможности, определением потерь сторон, целей и результатов каких-либо действий.

Отдельные очерки, иногда лишь косвенно относящиеся к самому событию, дополняют различного рода сведениями основное содержание статей. Дается развернутая характеристика встречающихся ге-

графических объектов, с экскурсами в историю их присоединения к Москве или Вильно и определением их местоположения; выносятся предположения и делаются выводы об очередных этапах ведения войны; осуществляется наблюдение за масштабами захватов территории ВКЛ и т.д.

Предложенный формализированный подход к анализу хода первой пограничной войны между Великими княжествами Московским и Литовским позволит по-новому взглянуть на сущность их отношений рассматриваемого периода, увидеть своеобразие происходящих событий, но в то же время их продуманность, целесообразность и обусловленность ситуацией того исторического периода.

1.1.1. Осень 1474 г. Московское войско во главе с воеводой Семеном Беклемишевым послано великим князем Иваном III к Любутску. Любутские волости были опустошены, но город выстоял[1].

2.2. ВКЛ. Осень 1474 г. «Любучане» внезапно пришли во владения князя Семена Одоевского (служил Москве и, видимо, участвовал в недавнем походе на Любутск), успевшего собрать лишь немногих людей, и в бою убили только его[2].

Князь Семен Одоевский был убит во владениях рядом с Любутском, из которого и было организовано нападение. А. В. Антонов обратил внимание на упоминание в духовной грамоте Ивана III 1504 г. города Любутска с Веприным, «что за Одоевскими князми»[3]. По его убедительному предположению, «Одоевские» – сыновья убитого князя, а возможная локализация Веприна – районы р. Выпринки (левый приток Черепети) в 35 км на юго-запад от Любутска или р. Выпрейки (правый приток Оки) в 30 км к северо-востоку от города[4]. Т.о., князь Семен после перехода на московскую службу сохранил земли в родном уделе (в случае первой локализации) или получил новые владения в Великом княжестве Московском рядом с Тарусой и Алексином (вторая локализация Веприна, которая кажется предпочтительнее). Т.о, князь Семен был убит в Веприне или во владении недалеко от Любутска.

1.2.1. После 15 января 1478 г.[5] Князь Иван Владимирович Оболенский-Лыко прибыл из Великих Лук, где был наместником[6], в Ржевскую

[1] ПСРЛ. Т. 6. С. 198; Т. 8. С. 178.

[2] ПСРЛ. Т. 8. С. 178.

[3] ДДГ. № 89. С. 360.

[4] *Антонов А. В.* К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. Тула, 2001. С. 262.

[5] Дата ликвидации независимости Великого Новгорода (ПСРЛ. Т. 25. С. 321).

[6] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anuħutė. V., 1994. № 140. P. 149; ПСРЛ. Т. 6 (Софийские летописи). СПб., 1853. С. 222; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государ-

волость (Ржевы Пустой) «и судилъ и грабил людъ – што хотелъ, то на них бралъ». Также поступали и оставленные в Ржеве слуги князя. После этого от новгородского наместника князя Лыко были присланы еще слуги, которые привели к крестному целованию на имя Ивана III всех людей «и от мала и до велика»[7]. Возможно, вскоре Ржева получила отдельного наместника – князя Константина (Ушатого?), который снова привел жителей к присяге (причем дважды), присвоил дани, идущие не только на короля, но и на новгородских владыку и бояр, а также взимал произвольные поборы[8]. Люди терпели от грабежей, откупов, многие разбежались (к Пскову, в Пуповичи к пану Зеновьеву, в Великие Луки и другие места). Особенно пострадала волость Влицы (Влицкая), где Константин стоял две недели. Жалобы представителей ржевских волостей имели результат: Иван III дал грамоту, согласно которой местные жители должны были давать сокольщину и платить пошлины, «какъ издавна бывало»[9]. При этом Константину великий князь «не велелъ там судит», что, вероятно, означало лишение должности наместника. Находился в Ржевской волости Константин до 2 августа (Ильина дня)[10], но и после продолжал собирать дань с людей, которые раньше платили королю («до Матъки Божъи», то есть до Рождества Богородицы 21 сентября).

Действия московских властей нельзя рассматривать как чисто военные. Тем не менее они носили явно враждебный характер по отношению к королю и великому князю Казимиру. Занятие Великих Лук и Ржевы («Лутцкой город, да Ржевской город») вслед за Великим Новгородом и Тверью самим Иваном III расценивалось как «почин и наступ на Казимира на Короля», о чем он и сообщал венгерскому королю Матвею Корвину, побуждая того начать войну против Польши[11].

Ржеву Пустую, о которой идет речь, часто путают с Ржевой Володимеровой на Волге. Не избежал этой ошибки и такой крупный исследователь, как К. В. Базилевич[12]. Локализация Пустой Ржевы, статус уездного центра которой перешел в 1536 г. к Заволочью, как и опреде-

стве первой половины XVI в. (наместники и волостели). М., 2000. С. 133.

[7] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491). № 140. С. 148, 151.

[8] Ibid. P. 148, 150.

[9] Ibid. P. 148.

[10] Ibid. P. 150.

[11] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. I. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 167–170.

[12] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 285.

ление ее административной системы, принадлежат Л. А. Бассалыго и В. Л. Янину[13].

1.2.1. После 15 января 1478 г. Князь Иван Владимирович Оболенский-Лыко прислан своего слугу Бурца в Бардовский погост Ржевской волости. Литовский наместник Еська был ограблен и убит. После на двор убитого наместника прибыл князь Константин: все имущество было ограблено (на 200 рижских рублей), население вновь приведено к присяге, обременено поборами, вывезено жито. Также дважды был ограблен двор нового наместника Стехно Федковича (на 100, а потом еще 130 рублей), дочь и челядь были выведены в Москву. Был ограблен и дом Пацки Еськовича (на 100 рублей). «Люди судил и грабилъ, и брал што хотелъ» князь Константин с 6 декабря («осеньнего Николина дня») до 21 сентября («до Матъки Божъи»), а после уехал в Москву, оставив в волости своих слуг. Вместе с Константином в волости бесчинствовали новгородские бояре[14].

1.2.1. 9 мая (или 6 декабря) 1478 г. («на Николен день»). Князь Константин приехал в Будкинскую треть Ошевского погоста Ржевской волости[15], схватил и убил «королева» наместника Онисима, а также некоторых других главных («головных») людей[16], очевидно, являвшихся сторонниками Казимира и представлявших администрацию ВКЛ. Был пленен некто Зенька, за которого получен выкуп в 20 рублей; дом и имущество Зеньки ограблены на 100 рублей, взяты кони («полтретядцать»). После выплаты выкупа Зенька с семьей бежал в Острее к наместнику Богдану, но последний вернул его обратно с назначением наместником от имени короля. Как только слуги пана Богдана отъехали от Ржевской волости, и сам он покинул Острее, князь Константин с людьми напал ночью и едва не схватил Зеньку, а его старшего сына и челядь отправил пленными в Москву. Имущество новоявленного литовского наместника в Ржеве вновь было ограблено, при этом было взято жита 1000 бочек[17]. С того времени Зенька жил в Острее, и, таким образом, администрация ВКЛ была вытеснена из пределов волости.

Упомянутые Острее и Пуповичи – центры волостей находились возле самой границы на литовской стороне, по соседству с Пусторжевс-

---

[13] *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 140–160.

[14] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491). № 140. С. 152.

[15] О локализации Будкинской трети: *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы. С. 151.

[16] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491) / Parengë L. Anuħutë. V., 1994. № 140. P. 149.

[17] LM. Kn. 4. № 140. P. 149.

кой и Луцкой землями – совместном литовско-новгородском владении. Сразу после присоединения к Москве Новгорода московская власть распространилась и на его совместные владения, откуда производились нападения непосредственно на территорию ВКЛ. За обладание Остреем, Пуповичами и рядом соседних волостей шла активная борьба уже после заключения мира 1494 г.

1.3. Около 1484 г. Нападение московских людей («Ивана Таваркова тати») на отчину князя Тимофея Владимировича Мосальского (Недоходов и др.)[18], захват коней («полтретьятцатеро»), одежды и прочего имущества на 20 московских рублей, убийство 2 человек[19].

Это событие, по словам самого князя – посла Казимира, находившегося в Москве и лично произносившего посольские речи с жалобами на действия московской стороны, произошло «третьего лета», т.е. за три года до осени 1487 г., когда прибыло посольство. В духовной грамоте Ивана III 1504 г. упомянута «на Шане слобода, что Товарков садил, по Угру ж»[20]. Ко времени составления завещания Иваном IV Грозным (1572) слободка превратилась в опаковскую (города Опакова) волость Товарков (Таварков)[21]. Несомненно, появление слободки на левой стороне Угры при впадении р. Шани, как раз недалеко от Недоходова связано с деятельностью «татей» Ивана Товаркова. Возможно, захват и освоение левобережья Угры был начат московской стороной еще до начала войны 1486–1494 гг. Приращивалась, очевидно, территория Медынского уезда. Около 1484 г. нападению подвергалось уже правобережье Угры.

I период войны
(начало 1486 – середина лета 1492 г.)

Юго-западное направление

1.3. Весна 1486 г. «Татьба», разбой и грабеж жителей Любутска и Мценска людьми Ивана III («мецняномъ и любучаномъ многие шкоды починили») – сочетание тайного и явного грабежа территории Мценско-любутского наместничества[22]. Цель – удар по средоточию власти ВКЛ в Верхнеокском регионе.

Мценско-любутское наместничество представляло собой выдвинутый далеко на восток оплот власти великого князя литовского. Вокруг

[18] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 3.
[19] Там же; № 8. С. 36.
[20] ДДГ. № 89. С. 355.
[21] Там же. № 104. С. 440, 441.
[22] LM. Kn. 4. № 128. P. 139.

располагались владения верховских князей (Воротынских, Одоевских и Белевских), чью верность великому князю литовскому необходимо было подкреплять.

2.1. До 8 мая 1486 г. (канун Николина дня). Нападение людей великого князя рязанского Ивана Васильевича на Мценск. Город (очевидно, без замка) был сожжен, окрестные села ограблены, люди выведены в плен[23]. Цель – та же самая.

4. ВКЛ. Лето 1487 г. Приход людей князей Мезецких на вотчину князей Одоевских, служивших Москве (вероятно, на Одоев и окрестности)[24], грабеж, вывод в плен (женщин и детей)[25].

По утверждению в посольской речи окольничего московского великого князя Петра Михайловича Плещеева, первыми напали на вотчины московских служилых людей именно люди князей Мезецких (служивших ВКЛ). Московская акция была осуществлена в ответ с целью отбить плен.

3.1. Август 1487 г. Нападение людей князей Ивана, Василия и Петра Семеновичей Одоевских и Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского), служивших Москве, на Мезецк, взятие плена и захват имущества. Местные Мезецкие князья догнали грабителей, произошел бой, в результате которого Мезецкие потерпели поражение[26].

Это первое серьезное военное столкновение войны. Бой между московскими и литовскими отрядами произошел 13 августа 1487 г.[27] Со стороны ВКЛ участвовали князья Мезецкие – Михаил Романович, Иван Говдыревский, Федор Сухой, Петр, Василий Федоров с людьми и люди князя Семена Федоровича Воротынского. Несмотря на поражение, Мезецкие взяли плен, а других ограбили[28].

С этими событиями связана проблема перехода на московскую службу ряда верховских князей и, в частности, князя Ивана Михайловича Воротынского. К отъезду в Москву (первая половина 1487 г.)[29]

---

[23] LM. Kn. 4. № 129. С. 139; АЗР. Т. I. № 58. С. 71.

[24] Половина Одоева и определенные территории вокруг него по-прежнему принадлежали князьям, служившим Москве с 60-х – начала 70-х гг. XV в. (*Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 71–72).

[25] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 4.

[26] Там же. № 1. С. 3; № 2. С. 7–8; № 4. С. 16.

[27] В соответствии с источником событие произошло в понедельник накануне Успения Пречистой Богородицы, то есть до 15 августа. Этот день в 1487 г. выпадал на среду (подсчитано по формулам Д. Перевозчикова и Е. Ф. Карского: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 44–47). Таким образом, понедельник – это 13 августа.

[28] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 5; № 2. С. 7–8; № 4. С. 16–17.

[29] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 77.

И. М. Воротынский владел третью Воротынска (две другие – его дяди Дмитрий и Семен), а также Перемышлем[30].

1.3. Лето 1487 г. Нападение «татей» во главе с Иваном Таварковым со стороны медынского наместника Василия Давыдовича Пестрого на вотчину князя Тимофея Владимировича Мосальского Недоходов, захват коней (13) и имущества на 15 московских рублей[31].

Вероятно, это одно из трех нападений людей медынского наместника, о которых упоминал в посольских речах князь Тимофей Владимирович Мосальский, когда говорил о действиях против своей вотчины. По его словам, после троекратного прихода на Недоходов людей Василия Давыдовича Пестрого, «от сих часов за полтора года» произошло еще одно нападение на его отчину людей князя Ивана Михайловича Перемышльского (см. ниже)[32]. Значит, описываемое событие было еще раньше, то есть летом 1487 г., как и сказано в посольской речи октября 1487 г.

В результате трех нападений на недоходовские земли 70 человек, некоторых из которых называют поименно, были взяты пленники (за одного из них – княжеского слугу Лягу был получен выкуп от смоленского боярина Филиппа Полтева[33] в 15 рублей), пограблено коней, одежды и имущества на 190 рублей[34].

2.1.? До середины осени 1487 г. Приход московских людей на вотчину смоленского наместника князя Тимофея Владимировича Мосальского Недоходов[35].

Центр этой вотчины находился недалеко от правого берега Угры, но к ней относились и земли на ее левом берегу. Наиболее близкие к недоходовским московские владения – калужские, хотя могли участвовать и люди из Медыни. Возможно, это то событие, о котором было сообщено в речи посла князя Тимофея Владимировича Мосальского летом 1489 г. со ссылкой на более раннее время («от сих чясов за полтора года»). Тогда в направлении Недоходова действовали люди князя Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского) («полтретьятцать»), взяли коней и имущества (на 50 рублей)[36]. Следовательно, нападение могло быть осуществлено с юга – непосредственно из владений воротынского князя.

---

[30] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 132.

[31] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 4.

[32] Там же. № 8. С. 36.

[33] О смоленских боярах Полтевых см.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 206.

[34] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 36.

[35] Тамже. № 1. С. 3.

[36] Там же. № 8. С. 36.

4. ВКЛ. До конца 1487 г. Согласно желобе князя Ивана Васильевича Белевского (возможно, служил Москве с конца 1487 г.)[37], князья Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские (служили ВКЛ) грабили и захватывали в плен его людей для последующей продажи[38].

2.2. ВКЛ. Конец марта – начало апреля 1488 г. Поход людей из Любутска вдоль Серпуховской дороги до р. Лопасни (левый приток Оки), победа над великокняжескими людьми Федки Ордынца («неделю в четвертую поста»), кражи денег, коней и другого имущества на 25 рублей[39].

Довольно значительный грабительский поход в глубь московской территории за Серпухов до р. Лопасни. Московские схватили одного «розбойника» – слугу мценско-любутского наместника князя Ивана Юрьевича Трубецкого[40]. Очевидно, нападение осуществлялось с ведома последнего. Это и другие наступательные действия с территории Мценско-любутского наместничества свидетельствуют о довольно мощных военных ресурсах великокняжеской власти ВКЛ на Верхней Оке.

1.3. До конца 1488 г. Приход московских полков (!) из Калуги на города Верхнего Поочья (Любутск и Мценск?), убийства людей, пленение, захват имущества[41].

Вполне возможно, это нападение было направлено против центра великокняжеской власти в регионе и не затронуло владений местных князей.

1.3. До конца 1488 г. Приход людей князя Глазынича[42], Василья Пестрого и Митки Губастова, захват Меска, Бышковичей, Лычина (князей Д. Ф. и С. Ф. Воротынских) и Недоходова (князя Т. В. Мосальского)[43].

Вероятно, нападение производилось со стороны Медыни в направлении правобережья низовья Угры, чтобы надавить на верных Казимиру князей. Интересно, что вместе с московскими служилыми людьми участвовал князь Иван Васильевич Глазына (Глазынич, Пузына), брат смоленского окольничего Олехны Васильевича Глазыны[44]. До конца

[37] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 77.

[38] СИРИО. Т. 35. № 2. С. 8.

[39] Там же. № 4. С. 17.

[40] Там же.

[41] Там же. № 6. С. 19–20.

[42] В публикации посольских книг ошибочно указано: «приходили люди с Лазычина, а Василья Пестрого, а Митка Губастово» (СИРИО. Т. 35. № 6. С. 20).

[43] Там же. № 6. С. 20.

[44] Известен с 1486 до 1500 г. С 1495 по 1499 г. являлся наместником в Лучине Городке (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4, Ziemia smoleńska i wojewydztwo smoleńskie XIV–XVIII wiek Warszawa, 2003. № 54. S. 52; № 84. S. 56). О роде Глазыничей см.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 288; *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. I. Wiadomosci histo-

1486 г. Иван Глазына вместе с сыновьями стремился бежать в Москву, но удалось это сделать ему одному – сыновей по дороге переняли[45].

3. ВКЛ. Осень 1488 г. Нападение значительного войска князей Д. Ф. и С. Ф. Воротынских «з знамями и с трубами войною» на медынские волости, которые были ограблены и сожжены, много людей убито, а другие взяты в плен[46].

Вероятно, эта акция была осуществлена в ответ на предшествовавший приход московских людей с Глазыничем. Впечатляет масштаб мероприятия и его организованность, на что обратил внимание М. М. Кром[47].

2.2. ВКЛ. Декабрь 1488 г. («в Филиппов пост, перед Рождеством Христовым»). «Наезд» из Любутска на калужские волости «лихих» людей, убийства, грабежи[48].

Всего калужане трижды приходили воевать любутские волости.

1.4. Декабрь 1488 г. Московский сын боярский Борис Федоров сын Челищева в погоне за «лихими» людьми, приходившими из Любутска, вступил в бой с подоспевшим «воеводкой любутским» Ваской Протасьевым, взял его и еще трех человек в плен[49]. При этом любутские люди успели бежать со всем награбленным.

«Воеводка» Василий (Васка) Иванович Протасьев – отдельный любутский наместник, подчиненный мценскому и любутскому наместнику Ивану Юрьевичу Трубецкому. (Не является ли он родственником Григория Протасьева – мценского наместника?)

1.1.1. Весна 1489 г. Поход московского войска во главе с князем Василием Ивановичем Косым (Кривым) Патрикеевым (всего 11 воевод) на Воротынск, против князей Дмитрия и Семена Федоровичей Воро-

---

ryczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. T. I. W., 1899. S. 293–294; *Idem.* Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 75; *Пташицкий С. Л.* Князья Пузыны. СПб., 1899; *Власьев А. Г.* Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. I. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906. С. 343–347.

[45] LM. Kn. 6. № 147. P. 125. Дата бегства И. В. Глазыны в Москву определяется по времени наместничества в Смоленске Миколая Миколаевича Радивиловича, при котором это произошло – с 1482 по конец 1486 г. (LM. Kn. 4. № 72–74. P. 114–115; № 77. P. 116; № 92–94. P. 121–122; № 97. P. 124; № 100. P. 125; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. № 40. S. 50). 23 января 1487 г. Миколай Радивилович упоминался как бывший смоленский наместник. Эту должность занимал уже Иван Ильинич (LM. Kn. 4. № 100. P. 125).

[46] Там же. № 8. С. 39. Возглавляли поход люди князей Воротынских: Иван Щепель, Иван Бахта, Феодор Волконский, Звяга Иванов и Сеня Павлов (Там же). Среди них выделяется Феодор Волконский – возможно, один из волконских князей, потерявший на службе свой титул.

[47] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 53.

[48] СИРИО. Т. 35. № 6. С. 21; № 8. С. 37.

[49] Там же. № 6. С. 21; № 8. С. 37; № 12. С. 49.

тынских. Осада и сожжение города (очевидно, только посада), захват и пленение бояр и боярынь и других людей (всего 7000)[50].

Это одно из самых значительных событий первой пограничной войны. Целью было ослабление средоточия власти ВКЛ на Верхней Оке с одновременным воздействием на князей, которые оставались верными Казимиру. Непосредственным итогом похода был отъезд на московскую службу князя Дмитрия Федоровича Воротынского[51].

5. ВКЛ. Весна 1489 г. При возвращении московского войска из похода на Воротынск «изгоном» его нагнали воеводы ВКЛ «со многою силою», разбили и вернули пленных[52].

Этот один из значительных успехов войск ВКЛ, тем не менее, не имел никаких последствий[53].

3. ВКЛ. Весна («сее зимы, в велики пост») 1489 г.[54] Приход «не тайно, явно войною» людей князей Дмитрия Федоровича и Семена Федоровича Воротынских на московские волости за Окой, грабежи, захват в плен женщин и детей[55].

3.2. Декабрь 1489 г.[56] Переход на московскую сторону князя Дмитрия Федоровича Воротынского вместе со своей вотчиной, «дольницей» и казной брата Семена; принуждение бояр и слуг брата Семена к присяге и службе на свое имя. Захват и установление наместников в городах Серенск и Бышковичи, волостях Лычино и Недоходов, удержание города Козельска[57].

Под властью князя Дмитрия Федоровича Воротынского оказалась большая территория, прилегавшая к Воротынску от запада до юга. Относительно Козельска от имени Ивана III в ответе литовскому послу пану Станиславу Петрашковичу утверждалось, что тот город со всеми местами по «особной» докончальной грамоте Василия II с Казимиром

---

[50] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 35; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 325.

[51] Там же. № 9. С. 40; № 12. С. 47.

[52] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 325.

[53] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 290.

[54] В тот год Пасха выпала на 19 апреля (подсчитано по формуле К.-Ф. Гаусса: *Леонтьева Г. А.* Палеография, хронология, археография, геральдика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000. С. 33), поэтому из календарных зимних дней для поста (7 недель) ничего не оставалось. Вероятно, имелась в виду «природная» зима, когда еще не стаял снег.

[55] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 39.

[56] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 77–78.

[57] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47–48; № 14. С. 54; Выписка из посольских книг. С. 42. Козельск не так давно (12 марта 1488 г.) был дан князю Дмитрию в качестве держания (*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. S. 392; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 79).

отходил к Москве[58]. Однако в договоре 1449 г. такая запись отсутствует, а свидетельство об «особной» грамоте нигде не находит подтверждения.

Через некоторое время захваченное князем Дмитрия было, видимо, возвращено. Во всяком случае, в 1492 г. они являлись уже владениями его брата Семена (см. ниже).

1.3. В. До конца апреля 1490 г. Приход московских людей во главе с Хотетовским под город Опаков (принадлежал Сапежиным детям), грабеж города, вывод плена[59].

Это нападение на Опаков (на правом береге Угры), как и на Дмитров, свидетельствует о стремлении ослабить оборону восточной границы ВКЛ. Опаков также имел земли за Угрой, но по договору 1494 г. они отошли к Москве[60]. После перехода на московскую сторону в 1492 г. Опаковом завладел князь С. Ф. Воротынский, но в свое владение он получил только территорию до р. Угры («городъ Опаковъ съ волостьми по Угру»)[61], то есть левобережье Угры напротив Опакова было уже до этого твердо закреплено за Москвой. В 1495 и 1496 гг., приобретя вновь Опаков, Василий Сапежич жаловался великому князю Александру, что вся его вотчина отошла за Угру к великому князю московскому и хорошо бы было получить что-нибудь взамен[62].

Характерно, что нападение на Опаков возглавлял Хотетовский. Не из тех ли князей Хотетовских – мценских бояр?[63] Представляется, что на то время Хотетово (на северо-запад от Мценска, на другой стороне Оки) по-прежнему оставалось в составе ВКЛ.

2.1. ВКЛ. Весна 1490 г. Грабеж людьми из Мценска московских сторож на р. Шать (на 70 руб.) и на р. Донец (на 150 руб.)[64] с целью ослабления московской границы с Полем.

По Ю. Г. Алексееву, нападения жителей Мценска угрожали всей системе сторожевой службы в Поле[65], что расценивается, безусловно, негативно.

3. ВКЛ. 1490 (?) г. «Мечнянин» Остапок Воронцов с товарищами пограбил деревню Ермакова Лопатина в Мстиславле на 100 рублей[66].

Имеется в виду «уезд Мстисловль», который от тарусских князей в середине XIV в. отошел к Москве, потом (около 1381 г.) стал рязан-

[58] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 51.
[59] Там же. № 12. С. 49.
[60] ДДГ. №. 83. С. 330.
[61] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.
[62] РИБ. Т. 27. № 56. Стб. 566; № 130, 649–650.
[63] *Любавский М.К.* Областное деление. С. 52–53.
[64] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 50; № 16. С. 66.
[65] *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 321.
[66] СИРИО. Т. 35. № 16. С. 66.

ским, а примерно с 1461–1462 гг. – снова московским. Находился на север от Тулы[67].

1.3. До конца октября 1491 г. Приход войной на Мценскую «державу» людей Васки Голохвастова, вывод в плен (100 чел.) и грабежи[68].

2.1. ВКЛ. Лето 1491 г. «Наезд» людей из Мценска, Брянска и других «мест украйных» на московские сторожи в Поле, было награблено «на многое рублев»[69].

2.1. ВКЛ. Лето 1491 г. «Мечняне» (жители Мценска) ограбили сторожи «олексинцов» (из города Алексина на Оке, недалеко от Любутска) на 50 рублей[70].

2.1. ВКЛ. Лето 1491 г. «Мечняне» ограбили сторожи у р. Шать на 50 рублей[71].

3.1. До начала весны 1492 г. Во время отъезда князя Федора Ивановича Одоевского (служил ВКЛ) его двоюродные братья Иван, Василий и Петр Семеновичи (служили Москве) захватили мать князя Федора, «засели» вотчину и удел последнего (половину Одоева и волости) с его боярами и урядниками, выкрали казну[72].

Иван III позже это трактовал как внутренний спор Одоевских князей «о вотчине о болшом княженіе по роду по старейшиньству»[73].

3.1. До начала весны 1492 г. Нападение людей князя Дмитрия Федоровича Воротынского вместе с калужанами и перемышлянами на брянские земли, грабеж четырех волостей, захват коней (70) и имущества на 200 коп грошей[74].

Дмитрий Федорович Воротынский уже действовал по приказу своего нового господина – тревожил пограничные земли ВКЛ. Брянск после 1486 г. стал центром наместничества[75] (в начале 1492 г. наместник – князь Семен Федорович Соколинский)[76]. Возможно, нападение было организовано от волостей Кцын и Хвостовичи, принадлежавших ему и находившихся поблизости от брянских земель.

---

[67] *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности (заселение и объединение центра). Л., 1929. Карта; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. I // Записки Императорского русского археологического общества. Т. 12. Вып. 2. Новая серия. Кн. 5. СПб., 1901. С. 162; *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С. 72.

[68] СИРИО. Т. 35. № 14. С. 55.

[69] Там же. № 16. С. 63.

[70] Там же. С. 66.

[71] Там же. С. 66.

[72] Там же. № 15. С. 57; Выписка из посольских книг. С. 44.

[73] Там же. С. 59; № 16. С. 65.

[74] Там же. С. 58, 59.

[75] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 62.

[76] СИРИО. Т. 35. № 15. С. 58.

3.2. Начало 1492 г. В отсутствие князя Андрея Васильевича Белевского (служил ВКЛ) его брат Иван схватил их третьего брата Василия, насильно заставил последнего принять примягу на имя Ивана III, занял вотчину князя Андрея, а бояр, слуг и черных людей привел к присяге на свое имя[77].

1.1.1. 1492 г. Поход 5 московских полков во главе с князем Даниилом Дмитриевичем Холмским, Яковом Захарьичем, князем Владимиром Андреевичем Микулинским и др. «в Северу ко князьям»[78].

Про боевые действия во время этого похода и вообще, состоялся ли он и где проходил, ничего не известно. Возможно, ряд обозначенных выше событий в регионе Верхней Оки был непосредственно связан с приходом «в Северу ко князьям» мощного контингента московских великокняжеских войск. Отсюда и переход некоторых верховских князей на московскую сторону и вторжение князя Дмитрия Федоровича Воротынского на брянские земли (только они и относились к Северу – Северской земле, Севершине).

Формулировка «в Северу ко князем» в Разрядных книгах встречается несколько раз[79] и относится, как выясняется, к движению московских воевод на соединение с князьями Стародубскими (скорее всего, Семену Ивановиуч и его сыну Василию, но, возможно, одному из них и Василию Ивановичу Шемячичу). Следовательно, можно предположить, что уже ок. 1492 г. существовали какие-то связи между московским правительством и северскими князьями. Во всяком случае, от них ожидалась реакция на появление значительного контингента московских войск. Чуть позже (осенью 1493 г.) великий князь литовский Александр начал так и оставшуюся незаконченной дипломатическую игру с предложением вернуть князей «с Москвы» – Семена Ивановича Можайского, Василия Ивановича Шемячича, Василия Михайловича Верейского и Ивана Васильевича Ярославича. Разумеется, они должны были уйти без своих владений. Нужно было, чтобы московский государь «гнев свои им отпустил, а отчин их им поступился»[80]. Желание «отпустити из своего панства» князей-эмигрантов или их детей было, возможно, вызвано сомнением в их верности. Заманчиво было столь легко решить проблему с политически ненадежными элементами, да еще и за счет московской стороны. Но продолжения переговоров в этом направлении не последовало.

[77] СИРИО. Т. 35. № 15. С. 58, 60.

[78] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 21–22; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 31.

[79] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 99, 115, 154.

[80] АЗР. Т. I. № 114. С. 136.

2.2. Начало 1492 г. Представитель любутского наместника Бориса Семеновича Александрова напал на владения сына боярского Челищева в Алексине, взял в плен 4 человек, учинил ущерб на 15 рублей[81].

2.1. ВКЛ. Лето 1492 г. Грабеж и уничтожение людьми из Мценска и Любутска московских сторожей[82].

2.2. ВКЛ. Лето 1492 г. Люди из Мценска и Любутска сожгли и пограбили волости и села московской окраины, набрали имущества и пленных[83].

Эти действия осуществлялись по приказу мценско-любутского наместника.

Западное направление

2.1. До осени 1486 г. Опустошение людьми князя Андрея Васильевича хлепеньских волостей (среди них, возможно, – Ждат и Понизовье) и сел, увод коней (150) и прочего скота (среди них 150 коров), грабеж имущества на 60 рижских рублей[84].

Хлепень (Хлепен) – город на левом берегу р. Вазузы, правого притока Волги[85]. В конце XV в. – один из трех городов Вяземского княжества (еще Вязьма и Козлов).

2.1. До осени 1486 г. Опустошение боярскими детьми князя Андрея Васильевича волостей вяземского князя Михаила Дмитриевича (Могилен, Негодын, Миценки), сожжение сел, грабеж церкви, вывод коней (70) и прочего скота (среди них 150 коров), вывоз имущества на 60 рижских рублей[86].

2.1. До осени 1486 г. Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича волости вяземского князя Михаила Дмитриевича Ореховны, сожжение сел, захват коней (8), коров (40) и имущества на 12 рижских рублей[87].

2.1. Осень 1486 г. Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича Дубровского двора и Дубровской волости, которые принадлежали вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу, захват волостного наместника под выкуп, грабеж дома наместника, вывод коней (300) и вывоз имущества на 40 рижских рублей[88].

---

[81] АЗР. Т. I. № 16. С. 66–67.

[82] Там же. № 18. С. 76.

[83] Там же. С. 76–77.

[84] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

[85] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887. С. 27.

[86] Там же. С. 2.

[87] Там же. № 1. С. 2.

[88] Там же; № 12. С. 49.

1.2.1. (2.2.1.?) 1486–1487 гг. Захват волостей князей Крошинских – Тешиновичи (Тешиново), Сукромна (Сукрома), Ольховец, Надславль, Лела, Отъездец (Отъезд) людьми великого князя; дальнейшее управление волостями дьяком Василием Долматовым[89]. В волостях Ольховец, Лела и Отъезд Василий Долматов посадил более 200 семей, в волостях Тишинове и Сукроме – более 300[90].

Василий Долматов – один из наиболее выдающихся преставителей московской великокняжеской администрации[91]. Вот как его характеризует Ю. Г. Алексеев: «Василий Долматов – характерная фигура нового времени, активный участник политики великого князя, авторитетный дьяк-секретарь, проводящий в жизнь реформы и выполняющий ответственные поручения государя всея Руси»[92]. Безусловно, привлечение такой фигуры для исполнения поручений великого князя свидетельствует о большом значении, которое придавалось вяземскому направлению ведения военных действий. Несмотря на то что Василий Долматов в источнике прямо назван дьяком Ивана III, известно, что в то время он служил титульному великому князю Ивану Ивановичу Молодому[93]. Последний держал Тверь, которая имела границы непосредственно с владениями Крошинских (в дальнейшем часть их волостей растворилась в составе Зубцовского уезда). Поэтому очень возможно, что захват волостей князей Крошинских было делом удельного тверского князя, хотя, конечно, инициатива могла исходить от Ивана III. В дальнейшем в волости Тишиновши (Тешиновичи) упоминается тиун князя Андрея Васильевича, что свидетельствует об определенном интересе в этом регионе и данного удельного князя.

В ответе на посольство князя Т. В. Мосальского в самом начале 1488 г. московская сторона утверждала, что волости Крошинских «издавна тянут к Можайску к нашему великому княжеству Московскому»[94].

2.1.2. До середины осени 1487 г. Появление в хлепеньской волости Ждат дворского тиуна князя Андрея Васильевича (тиун управлял бы-

[89] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 1, 3; № 18. С. 74.

[90] Там же. № 18. С. 74; Выписка из посольских книг. С. 35.

[91] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подъячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 155; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 87. М., 1971. С. 233–234; *Алексеев Ю. Г.* Кто такой Василий Долматов? // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 237–243.

[92] *Он же.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 201.

[93] *Он же.* Кто такой Василий Долматов? С. 241; *Он же.* У кормила Российского государства. С. 198.

[94] СИРИО. Т. 35. № 2. С. 6. См. также: Выписка из посольских книг. С. 36.

лой волостью князей Крошинских – Тишиновичами), опустошениеволости, сожжение сел, захват коней, коров и прочего скота, имущества[95].

Возможно, отправление в волость Ждат именно тиуна свидетельсвуют о подготовке ее территории для организации слобод и присоединения к владениям князя Андрея Васильевича. Необходимо заметить, что нельзя отождествлять центр этой волости с позднейшим городом Гжатском[96] (современный Гагарин). Хлепеньская волость Ждат (Джат) находилась с правой стороны р. Гжать напротив г. Хлепень[97].

2.1. До середины осени 1487 г. Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича волостей вяземского князя Михаила Дмитриевича (Могилен, Негодин, Миценки)[98].

2.2. До середины осени 1487 г. Захват волости Ореховна и организация в ней слободы представителями князя Андрея Васильевича[99].

Вероятно, территория волости после предыдущих испытаний запустела, поэтому была готова для заселения московскими выходцами. В ответе на посольство князя Т. В. Мосальского в самом начале 1488 г. московская сторона утверждала, что князь Андрей у князя Михаила Вяземского «земель к Можайску не имывал», а держит земли, которые «издавна к Можайску потягли к нашему великому князству Московскому»[100]. Очевидно, тогда же были заняты волости Могилен и Миценки (Мицонки), в которых, в соответствии с посольской жалобой 1490 г., были посажены наместники князя Андрея Васильевича[101].

2.3.2. До середины осени 1487 г. Грабеж слуг вяземского князя Михаила Дмитриевича, которые везли дань из Волости Негодин (12 рижских рублей, 8 коней с возами, имущество на 10 рижских рублей). Осуществили его люди князя Андрея Васильевича[102].

2.3.2. До середины осени 1487 г. Уничтожение пословой дороги, создание новой на волость Дуброву (Дубровскую) и двор Дубровский людьми князя Андрея Васильевича[103].

2.3.1. До середины осени 1487 г. Увеличение торговых пошлин (мыта) князем Михаилом Вяземским[104].

---

[95] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

[96] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 283.

[97] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 381; *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 237, 247.

[98] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

[99] Там же. № 1. С. 2; «Выписка из посольских книг». С. 35.

[100] Там же. № 2. С. 6.

[101] Там же. № 12. С. 49; Там же. № 18. С. 74.

[102] Там же. № 1. С. 2.

[103] Там же.

[104] Там же. С. 3.

События в основном иллюстрируют жалобу старшего вяземского князя Михаила Дмитриевича на действия со стороны Можайска. Были опустошены волости не только около границы (Могилен, Негодин, Миценки, Ореховна), но и расположенные далее к Вязьме (Дуброва). Начался процесс заселения обезлюдевших волостей, заведения в них слобод (Ореховна). Пограничные волости князей Крошинских, вероятно, были захвачены вместе с жителями и избежали опустощения. Уже в 1487 г. последние стали плацдармом для наступления на хлепеньские волости, в большинстве находившихся во владении князя Михаила Вяземского. Началась подготовка к колонизации хлепеньской волости Джат. Кроме того, слуги князя Андрея Васильевича полностью контролировали пути сообщения Вяземского княжества и препятствовали торговле.

Власти ВКЛ также подняли торговые пошлины («а мыты и пошлины новые уставили»). Были часты различные злоупотребления в отношении московских купцов, которые шли через литовскую территорию[105]. По посольским книгам создается впечатление, что московским купцам была объявлена настоящая торговая война.

1.2.1. и 1.3. До середины осени 1487 г. Приход людей московского великого князя на вотчины князей Глинских («засели» две волости – Щательшу и Судилов[106]), грабеж церкви (на 10 коп грошей), сожжение дворов, увод в плен (4 женщины), кража коней (100), коров (150), овец (200) и прочего имущества более чем на 100 коп грошей.

Вотчина князей Глинских располагалась на запад от уже известных владений князя Михаила Вяземского (Миценки, Моглилен, Ореховна). Таким образом, представители Ивана III (действовали, возможно, из Вереи, Кременца или Медыни) поддержали мероприятия удельного князя Андрея и двинулись далее в глубину Вяземского княжества. Характерно, что Щательша (Шатешь) и Судилов (Сулидов), так же как и Могилен (Могилна), Миценки (Миченки), вскоре появились в составе можайских волостей[107].

3. ВКЛ. До конца 1487 г. По утверждению московского удельного князя Андрея Васильевича, его людям и «иным нашим украинным людем» со стороны украинных князей и прочих людей причинялись разбои, наезды и грабежи, много людей побито и уведено в плен, захвачено имущество, уничтожено, ограблено и уведено в плен множество сторожей. Известны такие жалобы не только от князя Андрея, но и от других московских «украинников»[108].

---

[105] Там же. № 2. С. 8–12; № 7. С. 22–33; № 8. С. 36, 38; № 11. С. 41–46; № 16. С. 62–63; № 16. С. 64–65; Выписка из посольских книг. С. 39, 41.

[106] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 4.

[107] Упоминаются в завещании Ивана III 1504 г. (ДДГ. № 89. С. 355).

[108] СИРИО. Т. 35. № 2. С. 7.

Это пример неопределенности заявлений о враждебных действиях литовской стороны, из которых нельзя узнать о времени, месте и конкретных потерях в московском пограничье. Тем не менее совсем отрицать литовские нападения нет причины.

2.1. Осень 1487 г. Приход «войною» служилых людей князя Ивана Ивановича Молодого со стороны Твери под Хлепень (принадлежал князю Михаилу Вяземскому), грабеж города, захват в плен, опустошение волостей Джать (Ждат) и Понизовье – «выбрали и выжгли», опустошение волости Труфанов (вяземского князя Бориса Дмитриевича) – «звоевали и огнем выжгли», опустошение волостей Негомир и Сочовки (князя Василия Бывалецкого) – «звоевали и выграбили»[109].

События иллюстрируют дальнейшее московское наступление на хлепеньские земли (север Вяземского княжества). Относительно их существовала обоснованная претензия московской стороны, которая опиралась на московско-литовский договор 1449 г. В нем сказано: «А Федора Блудова, а Александрова Борысова сына Хлепенъского, и кн(я)зя Романова Фоминског(о), и их братьи и братаничов отчыны, земли и воды все мое, великого князя Васильево (московского великого князя Василия Темного. – *В. Т.*)»[110]. Центры волостей Негомир и Сочовки находились на разных берегах Вазузы, на юг от Хлепеня. На восток от них размещались волости князей Крошинских, которые к тому времени были уже московскими.

Возможно, объединено два события – приход детей боярских князя Андрея Васильевича под Хлепень и опустошение хлепеньских волостей людьми князя Ивана Молодого. Они упоминаются через несколько лет (июль 1490 г.) в посольских жалобах литовской стороны[111].

В жалобах 1492 г. отмечается, что люди великого князя волость Негомир «засели». При этом было осуществлено нападение и на центр владений князя Василия Бывалецкого – Бывалицу[112].

2.1. До конца 1488 г. Рейд людей князя Андрея Васильевича на Дмитровскую волость (центр – Дмитровец на Угре напротив устья р. Вори), убийства, пленения, захват имущества[113].

Город Дмитров (Дмитровец) относился к Смоленской земле (повету) и являлся важным форпостом обороны восточной границы ВКЛ. Линия городов-крепостей вдоль верховья Днепра (Дорогобуж), Угры (Лучин, Ощитов, Дмитров, Опаков, Бышковичи, Залидов, Воротынск)

---

[109] СИРИО. Т. 35. № 4. С. 16; № 12. С. 49; № 14. С. 54. В выписках из посольских книг называется проводырь людей тверского князя – князь Василий Оболенский (Выписка из посольских книг. С. 37).

[110] ДДГ. № 53. С. 161–162.

[111] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 49.

[112] Там же. № 18. С. 74.

[113] Там же. № 6. С. 20.

и Оки (Любуцк, Мценск) составляла мощную преграду для вторжений. Значение Дмитрова (Дмитровца), контролировавшего округу, было осознано уже в начале XV в. В 1408 г. он был сожжен московским войском[114]. С целью ослабить оборону ВКЛ и одновременно распространить влияние на земли вокруг него и было осуществлено нападение на Дмитровскую волость 1487 г. Возможно, про те же события говорится в посольских книгах под 1489 г. со ссылкой на события двухлетней давности. Тогда было разграблено 50 деревень, взято 42 коня и имущества на 70 рижских грошей[115].

Город находился на правом берегу Угры, но на левом берегу ему принадлежали значительные территории[116], которые доходили на севере до волости Ореховны – той самой, которую чуть ранее захватил князь Андрей. Как видим, от Ореховны наступление продолжалось в направлении Дмитрова. Дмитров и после 1494 г. остался в составе ВКЛ и даже не потерял своих заречных земель. Городок некоторое время управлялся наместником – Ивашкой Сопежичем, владельцем соседнего Опакова.

2.1. До конца 1488 г. Приход людей князя Андрея Васильевича на волость князей Глинских Турье, сожжение деревень (200), убийства и захват плена (150 чел.), грабеж имущества на 500 рублей[117]. После приходили «розбоем» люди из волостей Сосновец и Холм (недалеко от верховья р. Протва, напротив волости Турье), которые опустошили 32 деревни и награбили на 100 рублей[118].

Волость располагалась вдоль левого притока Угры Туреи. Нападение велось с востока детьми боярскими князя Андрея Можайского (вероятно, из Ореховны), а также отдельно силами холмского волостеля (волости Брагин Холм?)[119], сосницкого доводчика и другими[120]. Через Холм (Брагин Холм) шла дорога от Можайска на Вязьму – та самая, по которой сопровождали послов[121]. Вероятно также, что здесь упомянут доводчик (судебный исполнитель, помощник волостеля) не из волости Сосновец, а из лежащего поблизости от Брагина Холма погоста Сосницкого на р. Воре, известного по карте Генерального межевания[122].

---

[114] ПСРЛ. Т. 25 (Московский летописный свод конца XV в.). М., 2004. С. 237.

[115] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

[116] Там же. Т. 35. № 56. С. 268.

[117] Там же. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

[118] Там же. № 8. С. 37.

[119] Если речь идет о представителе московской администрации в волости Брагин Холм, то следует сделать вывод о ее соответствующей принадлежности.

[120] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

[121] Там же. № 18. С. 79.

[122] Генерального плана Гжатского уезда часть III-я. В 1 дюйме – 2 версты. 1780.

3. ВКЛ. Осень 1491 г. Люди Олешки Хоткевича (Ходкевича) напали на тверские земли в Лествицино, где ограбили 20 деревень, вывели в плен 15 человек с женами и детьми, совершили убийства, захватили имущества на 150 рублей; и в Гридину слободку Золотилова, в которой ограбили и сожгли 15 деревень, взяли в плен 10 человек с женами и детьми, совершили убийства, вывезли имущества на 100 рублей[123].

Известно, что сыну Ивана Ходкевича принадлежала волость Рогачев (на запад от Хлепеня, около р. Осуги). Возможно, Олешко и есть сын пана Ивана Ходкевича: «а волость пана Иванова сына Рогачевъ тежъ засели и извоевали»[124]. Гридина слободка Золотилова (с. Золотилово) находилась рядом – с правой стороны р. Вазузы[125].

1.1.1. 9 марта 1492 г. (?). Поход 4 московских полков во главе с Яковом Захарьичем (большой полк), князем Федором Васильевичем Телепнем Оболенским (полк правой руки), князьями Иваном Михайловичем Репней Оболенским и Федором Юрьевичем Прозоровским (передовой полк) и князем Петром Семеновичем Одоевским (сторожевой полк) к Смоленску[126].

Трудно сопоставить это сообщение Разрядной книги с каким-либо известным по другим источникам событием. Возможно, это лишь отражение назначения в поход, который не состоялся.

Северо-западное направление

3.1. До конца 1488 г. «Наездки», грабежи, насилия и другой ущерб торопчанам (жителям Торопца) со стороны князя Федора Ивановича Бельского[127].

Князь Ф. И. Бельский сидел на север от Торопца в Мореве и оказывал оттуда методическое давление на пограничные земли ВКЛ. Торопчане называются «данниками» Казимира, что свидетельствует об ограниченности их зависимости от ВКЛ. Москва имела обоснованные претензии на Торопец, так как он имел тесную связь с чернокунством и Новгородом[128].

---

[123] СИРИО. Т. 35. № 16. С. 63, 66; № 36. С. 195.

[124] Там же. № 18. С. 73.

[125] На р. Держе рядом с городом Погорелое Городище расположена д. Золотилова (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде, в 2-вер. масш. S:W:B:2). Погорелое Городище отождествляют с тверским городом Хорвачем.

[126] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 30–31.

[127] Там же. № 6. С. 20.

[128] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 95.

2.2. ВКЛ. До конца 1488 г. Опустошение новгородских волостей (вероятно, Велила, Морева и др.) со стороны торопецкого наместника князя Семена Соколинского, убийства слуг князя Ф. И. Бельского, вывод плена[129].

Опустошение произведено в ответ на предшествовавшее московское нападение. Под новгородскими волостями, скорее всего, имеются в виду те, которыми владел князь Ф. И. Бельский.

3.1. До лета 1489 г. Опустошение сел витебских бояр в торопецких волостях людьми князя Федора Ивановича Бельского: в Казаринской волости сожжено сначала 50 дворов, потом еще 50, выведен плен, ограблено («выбрали») 150 дворов; сожжены села около Торопца, выведен плен; на Столпне сожжено 50 дворов, выведен плен (22 чел.), захвачено имущество («животы и състатки»); на Воротигорцах и Понизовье сожжено 30 дворов, выведен плен (10 чел.), захвачено имущество; в Селку (Селци) сожжен сначала 1 двор, потом еще 10, выведен плен (20 чел.), уведены кони («полчетвертнатцать»), захвачено имущество; в Унцове сожжено 10 дворов, 3 человека повешено (?)[130], захвачено имущество; на Наволце сожжено 10 дворов, захвачено имущество; в Мирилове сожжено 10 дворов, захвачено имущество; в Тяполове сожжено 20 дворов, захвачено имущество; в Полесье повешено 6 человек; сожжены другие дворы, ограблено имущество, взяты в плен торопецкие землевладельцы. Казна ВКЛ не получила доходов с торопецких волостей за 11 лет (всего – 8562 руб. грошей – «полдевяты тысячи рублев грошей и шестьдесять рублев и два рубли грошей)[131].

Речь идет о двух нападениях: 1-е на казаринскую волость и села около Торопца, 2-е – все остальное.

3.1. Середина весны («перед семою суботою за неделю»)[132] 1489 (?) г. Люди князя Федора Ивановича Бельского, «наехавши войском, волость звоевали», сожжено 500 дворов, взято в плен 500 человек, много убито, поранено и повешено[133].

---

[129] СИРИО. Т. 35. № 6. С. 21.

[130] В тексте источника «три головы обесили» (Там же. № 8. С. 35).

[131] Там же. Понятно, что дань не выплачивалась с 1478 г. – времени присоединения Новгорода к Москве. Поэтому погром Торопецкого повета нужно относить именно к 1489 г.

[132] Вероятно, имеется в виду 7-недельный пост перед Пасхой и т.н. «святая суббота», за неделю до которой происходило упомянутое событие.

[133] Там же. С. 35–36.

3.1. 29 июня (?) (На святого Петра Запусты)[134] 1489 г. Бояре князя Федора Ивановича Бельского воевали торопецкие волости, 30 дворов сожгли, 50 человек взяли в плен[135].

2.2.1. До лета 1489 г. Наместник волости Вселуки (Ржевской земли) Василий Давыдович захватил часть (половину?) торопецкой волости Дубны[136].

Была занята не «половина земли» волости Дубна, а только некоторая ее часть[137]. Более проникновения на запад с ржевской стороны не замечено, но в верховьях Волги было много неосвоенных мест, которые, вероятно, постепенно колонизировались.

1.2.1., 1.3. До конца октября 1491 г. Наместник в чернокунстве (в данном случае – Холме) Андрей Колычев наслал людей на торопецкий погост Бологой, были захвачены пленные, некоторых из которых утопили в озере, остальных привели к присяге. Затем в нападении участвовал сам Колычев с людьми, убили торопецкого наместника и других людей, вывели плен, опустошили Торопецкую и Казаринскую волости. Значительные части обеих волостей были присоединены к чернокунству[138].

От Холмского погоста (чернокунства) Торопец и его волости лежали на юго-восток. Казарина и сам Торопец размещались на юг от территорий, которые ранее воевал князь Федор Иванович Бельский. С востока «осваивал» торопецкую волость Дубну ржевский вселукский наместник. Таким образом, наступление на Торопецкий повет велось с трех сторон. Нетронутой оставалась только самая южная часть повета.

Казаринская волость, в которой располагались села витебских бояр, четко отделяется от остальной Торопецкой волости, благодаря чему делается предположение о ее принадлежности к Витебску[139].

---

[134] Возможно, имеются в виду т.н. Петровки, Петров день – 29 июня. Он тесно связан с постом (запусты – заговение). Если опираться на данную датировку, то возникают сомнения в годе двух событий, которые шли одно за другим. Письмо Казимира было отправлено 30 мая 1489 г. Скорее всего, посол князь Мосальский уже не добавлял к своим речам в Москве что-либо новое, чего не было в письме короля и великого князя.

[135] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 36.

[136] Там же. № 8. С. 36.

[137] *Темушев В. Н.* Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. Мн., 2007. С. 241–250.

[138] СИРИО. Т. 35. № 14. С. 55.

[139] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 193. На самом же деле Казаринская (Казариновская) волость отделяется не от Торопецкого повета, а от Торопецкой волости – такой же составляющей общей административно-территориальной единицы, в которую, несомненно, входили обе волости.

3. ВКЛ. Весна 1492 г. Торопецкий наместник Зенка с людьми пришел войной на Холмский погост, награбил на 1000 рижских рублей и сжег двор наместника Андрея Колычева, также опустошил и волость, сжег 60 деревень, много людей побил, а 30 человек с женами и детьми взял в плен (ущерб от этих действий составил 700 рижских рублей)[140].

Видимо, нападение торопецкого наместника являлось местью за подобную акцию со стороны холмского наместника.

3. ВКЛ. Начало 1492 г. Нападение литовских людей на Хрянский стан – Лугскую волость Великих Лук, грабеж деревень на 200 рижских рублей, захват в плен 16 человек, при этом было повешено 8 человек[141].

II период войны (август 1492 – начало 1494 г.)

Юго-западное направление

1.1.1. Август 1492 г. Поход московского войска во главе с князем Федором Васильевичем Телепней-Оболенским «со многими людми войною безвестно», захват и сожжение городов Любутск и Мценск, пленение наместника Бориса Семеновича Александрова, мценских и любутских бояр с женами и детьми и других людей (1500 чел.), грабеж имущества[142].

Это была одна из последних акций по уничтожению системы обороны ВКЛ на верхней Оке. Больше опор власти ВКЛ тут не осталось. Непосредственным итогом похода явился переход на московскую сторону ряда князей, которые держались почти до конца: Семена Федоровича Воротынского, Андрея и Василия Васильевичей Белевских, Михаила Романовича Мезецкого[143].

Любутск и Мценск были заняты и оставались под московской властью до заключения мира 1494 г. Согласно Разрядной книге, по условиям договора «взяли назад город Мценеск литва»[144]. Таким образом, несмотря на обладание городом, московская сторона сочла целесообразным возвратить его ВКЛ. То же произошло и с Любутском.

3.1. Август 1492 г. Приход князей Ивана Михайловича Воротынского (Перемышльского) и братьев Одоевских на Мосальск (принадлежал

---

[140] СИРИО. Т. 35. № 16. С. 63, 68.

[141] Там же. № 16. С. 64, 67.

[142] ПСРЛ. Т. 12. С. 233–234; Т. 28. С. 157; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32; СИРИО. Т. 35. № 18. С. 73; № 56. С. 267; Выписка из посольских книг. С. 46; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506) / Parengë E. Banionis. V., 1993. № 9. P. 63.

[143] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 81.

[144] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 38.

великому князю литовскому). Город был ограблен и сожжен, князья Мосальские с женами, детьми и многими людьми выведены в плен, нанесен большой ущерб[145].

Как заметил М. М. Кром, Мосальск относился к владениям великого князя литовского, но не принадлежал князьям Мосальским, которые уже утратили княжеские права и являлись простыми вотчинниками[146].

3.2. Ноябрь–декабрь 1492 г.[147] князь Семен Федорович Воротынский с князьями Михаилом Романовичем Мезецким и братьями Василием и Андреем Васильевичами Белевскими при переходе на московскую сторону захватили города Серпейск и Мезецк[148], волости вяземских князей (Великое Поле, Волста Верхняя, Слободка, Мощиновичи, Середее)[149]. Михаил Романович Мезецкий привел силой в Москву братьев Семена и Петра (отправлены в заточение в Ярославль)[150].

Масштабы приобретений князя Семена были еще большими. В соответствии с перечнем 1494 г., в котором обозначалось, чего «поступился князь велики (Иван III. – *В. Т.*) великому князю Александру», за воротынским князем числились: города Мосальск, Серпейск, Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечно, Лучин и множество волостей к ним, а также волости смоленского владыки (Любунь, Ближевичи, Печки) да волости вяземских князей (Великое Поле, Волста Верхняя, Слободка, Мощиновичи, Середее)[151]. Безусловно, среди перечисленных пунктов были те, которые в качестве вотчин принадлежали князьям Воротынским еще с середины XV в. (Городечно), но значительная часть – это захваты. После похода войск ВКЛ в начале 1493 г. значительную часть территории князь Семен потерял (Серпейск, вероятно, Залидов, Опаков и др.). Однако после зимнего похода московских войск все было

[145] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 73,77; Выписка из посольских книг. С. 47; ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 225.

[146] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 62.

[147] Там же. С. 99–100. М.б, об этих событиях упомянуто в крымских посольских книгах: «которые городы у литовского осподарь мой осенесь поималъ» (СИРИО. Т. 41. № 41. С. 186). Благодаря этому фрагменту датировку события можно уточнить.

[148] ПСРЛ. Т. 12. С. 234; Т. 20. Вып. 1. М., 2005. С. 358; Т. 28. С. 322; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32–33; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506). № 14. P. 67.

[149] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 137. Волости в переговорах 1494 г. записаны за вяземскими князьями, однако известно, что Великое Поле принадлежало некогда Яну Гаштольду и относилась к Дорогобужу (Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. V., 1998. Kn. 3 (1440–1498). P. 46).

[150] ПСРЛ. Т. 12. С. 235; Т. 20. С. 358; Т. 24. С. 211.

[151] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136–137.

возвращено и, возможно, владения воротынского князя были даже увеличены.

Характерно, что ряд городов (Бышковичи, Залидов и Опаков) князь Семен получил от Ивана III с волостями только до Угры. Территории на левобережье реки, видимо, еще до 1492 г. были заняты и освоены московскими властями и отведены другим административным центрам. Их принадлежность Боровску и Медыни даже особо не оспаривалась литовскими послами во время переговоров 1494 г.[152]

5. ВКЛ. Конец 1492 – начало 1493 г. Смоленский окольничий Ивашка (Иван) Кошка напал на людей (бояр?) князя Семена Федоровича Воротынского, едущих с семьями, своими людьми и имуществом за пределы ВКЛ, пленил их и увел в Смоленск[153].

1. ВКЛ. Начало 1493 г. Поход войска ВКЛ во главе со смоленским наместником Юрием Глебовичем и князем Семеном Ивановичем Можайским при участии князей Друцких со Смоленска в регион Верхней Оки, захват городов Серпейска и Мезецка, опустошение волостей, убийства и пленения людей, захват казны князя Михаила Романовича Мезецкого[154].

Активизация действий ВКЛ стала реакцией на отпадение значительной территории (Воротынск, Серпейск, Мезецк и др.)[155]. Вероятно, представители литовской великокняжеской власти уже не рассчитывали на верность местных жителей, а потому вели себя как захватчики. Судьба Любутска и Мценска литовскими командующих не заботила, хотя их освобождение следовало считать приоритетной задачей.

1.1.2. Февраль 1493 г.[156] Поход московского войска (5 полков и полки верховских князей) во главе с князьями Федором Васильевичем Рязанским, Михаилом Ивановичем Булгаковым-Колышкой, Александром Васильевичем Оболенским, воеводой великого князя рязанского Ивана Васильевича Инкой Измайловым и др., вместе с Воротынскими, Одоевскими и Белевскими князьями и князем Михаилом Романовичем Мезецким, захват городов Мезецк (добровольная сдача), Серпейск (сдача после приступа), Мосальск, Городечно, Опаков, Лучин, Мощин,

[152] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118.

[153] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506). № 14. P. 67.

[154] СИРИО. Т. 35. № 22. С. 107; ПСРЛ. Т. 12. С. 234; Т. 28. С. 322–323; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 22; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 33. Князь Михаил Мезецкий едва избежал пленения, «он сам одною головою из города ушол» (СИРИО. Т. 35. № 22. С. 107). Следовательно, Мезецк до похода литовских сил находился под московским контролем.

[155] Летописец замечает, что этот поход произошел «в погоню» за князем Семеном Федоровичем Воротынским (ПСРЛ. Т. 20. Вып. 1. С. 358).

[156] Войско вышло из Москвы 29 января (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 22; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 33).

Дмитров, Залидов и др., сожжение городов (вероятно, только укреплений), пленение «литвы», смолян и городской знати (530 чел.)[157].

Этим локальный успех войска ВКЛ был сведен до нуля. При приближении московских сил командующие войсками ВКЛ бежали в Смоленск, бросив в городах гарнизоны[158]. Думается, кроме плененных, никто не противостоял московскому наступлению[159]. В обращении великого князя Александра к смоленским владыке, окольничим, князьям, боярам, мещанам и всем людям по поводу сдачи городов Серпейска, Мезецка, Вязьмы и других было сказано: «Которыи люди наши были на тых замкох, под которыми жъ замковъ подобывано, недолги часы замкох ся держали и неприятелем нашым подобно не хотели твердо отъпирати», и выражена надежда, «што ж нашого доброго будете тверъдо смотрети, а намъ верно послужити такъ, как жо, дали Богъ, замокъ нашъ Смолнескъ будеть в целости захованъ»[160].

В выписках из посольских книг сохранилось аргументированное оправдание похода с московской стороны: великого князя литовского заранее уведомили об отъезде князя Семена Воротынского с вотчинами, однако пришли князь Семен Можайский и смоленский наместник Юрий Глебович войной и заняли уже чужие города, «и государь своих слуг велел боронити»[161].

Возможно, за отдельную фазу этого похода следует принимать указание Разрядной книги на действия князей Дмитрия и Семена Воротынских, занявших Мосальск[162]. Более вероятно, что Семен Воротынский назван ошибочно (чуть далее по тексту в Разрядной книге говорится о его приезде в Москву), а речь идет о походе августа 1492 г. князей Ивана Воротынского и Одоевских (см. выше).

1.5. 1493 г. Концентрация войск на южных рубежах Великого княжества Московского (на берегу): сын Ивана III Юрий Иванович и брат Борис Васильевич, а также князь Михаил Иванович Оболенский, из

[157] СИРИО. Т. 35. № 22. С. 104, 106; Т. 41. № 41. С. 186; ПСРЛ. Т. 8. С. 225; Т. 12. С. 234; Т. 20. М., 2005. С. 358; Т. 28. С. 322–323; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 22–23; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 33; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506). № 16.1. P. 69; № 23.2. P. 74. Согласно Воскресенской летописи, противоречащей Разрядной книге, Мезецк не был сожжен (ПСРЛ. Т. 8. С. 225).

[158] «Смоленскый же воевода панъ Юрьи Глебовичь и князь Семен Ивановичь Можайской, слышавъ рать силу великого князя идущу противу ихъ, и во граде посадиша князей и пановъ многыхъ въ осаде, а сами побоявшеся и побегоша къ Смоленску» (ПСРЛ. Т. 20. Вып. 1. С. 358).

[159] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 174.

[160] Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506). № 16.3. P. 70.

[161] Выписка из посольских книг. С. 49.

[162] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32.

Твери князь Осип Андреевич Дорогобужский, князь Михаил Федорович Микулинский и Иван Борисович Бороздин, в Серпухове князья Василий Иванович Оболенский, Борис Михайлович Туреня Оболенский, в Тарусе князь Иван Лыко Оболенский и др. [163]

Западное направление

1.2.1. Осень 1492 г. Люди Ивана III во главе с Василием Лапиным и Андреем Истомой пришли войной и «засели» город Хлепень (князя Михаила Дмитриевича Вяземского) и волость Рогачев (сына пана Ивана Ходкевича), взяли в плен наместников и других людей, пограбили имущество («животы и статки»)[164].

Позднее Хлепень был объявлен московским в соответствии со старыми договорами (что соответствовало действительности), а Рогачев отнесен к Тверской земле[165].

Это событие можно было бы принять за отраженное в Разрядной книге под 7001 г.: «А изо Твери князь великий велел итить воевать в Литовскую землю по полком жа»[166]. Однако иной вариант Разрядной книги перед перечислением тех же командующих полками передает следующее: «А изо Твери воеводы»[167]. Следовательно, речь идет лишь о концентрации войск в районе Твери, происходившей, видимо, уже в 1493 г. Кроме того, воеводы полков (князь Данила Васильевич Щеня и др.) были рангом явно повыше, чем предводители отрядов (Василий Лапин и Андрей Истома).

4. ВКЛ. Конец 1492 г. В ответ на переход князя Андрея Юрьевича Вяземского на московскую службу князь Михаил Вяземский захватил вотчину (село на Днепре), дворы, пошлины и казну беглеца[168].

Это единственный случай перехода одного из многочисленных вяземских князей на московскую сторону. Владения изменника были небольшими, к тому же ему не удалось сохранить и их.

1.5. Зима 1492–1493 гг. (?) В Тверь отправлен сын великого князя московского Василий Иванович с воеводами князем Данилой Васильевичем Щеней, Юрием Захарьичем, князем Петром Никитичем Обо-

[163] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 23–24; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 36.

[164] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 73; Выписка из посольских книг. С. 46; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506). № 9. P. 63.

[165] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 77; Выписка из посольских книг. С. 47.

[166] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 35.

[167] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 23.

[168] СИРИО. Т. 35. № 19. С. 81; № 22. С. 107; LM. Kn. 5. № 14. P. 67.

ленским, князем Федором Семеновичем Хрипуном Ряполовским и Петром Борисовичем Бороздиным[169].

1.5. Зима 1492/1493 гг. Концентрация московских войск из Твери в Можайске: князь Василий Иванович Косой Патрикеев и Семен Иванович Воронцов (большой полк), князь Петр Никитич Оболенский и Федор Семенович Хрипун Оболенский (передовой полк), князья Осип Андреевич Дорогобужский и Петр Васильевич Нагой Оболенский (полк правой руки), князь Владимир Андреевич Микулинский, Иван и Петр Борисовичи Бороздины (полк левой руки)[170].

1.1.2. Зима 1492/1493 гг. Поход московского войска во главе с князем Данилой Васильевичем Щеней (большой полк), князем Иваном Михайловичем Репней Оболенским (передовой полк), князем Михаилом Даниловичем Щенятевым (полк правой руки), князем Андреем Ивановичем Куракой Булгаковым (полк левой руки) и окольничим Андреем Васильевичем Сабуровым (сторожевой полк) на Вязьму, захват ее, пленение вяземских князей, приведение к присяге как князей и панов, так и других жителей[171].

Большая часть войска была, видимо, уже придвинута к границе и ожидала приказов в Можайске. Оттуда и был совершен поход на Вязьму.

Согласно уникальному известию устюжских летописцев, кроме Вязьмы был занял еще и Дорогобуж, и также ошибочно действиям воеводы Д. В. Щени приписан захват Мценска («И взяша Вязьму, Дорогобуж, Мченеск и много панов привели»)[172].

Вяземские князья вскоре были возвращены на свои места, но через несколько лет всех их отправили в глубь Великого княжества Московского. Вяземщина стала краем московского поместного землевладения[173]. В белорусско-литовском летописании отсутствуют сведения о возврате на свои вотчины вяземских князей, зато говорится о гибели в заточении старшего вяземского князя Михаила Дмитриевича[174]. Осведомленный в литовско-московских отношениях устюжский летописец сообщает о том, как панов «служивых» из захваченных городов «князь

[169] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 35–36.

[170] Там же. С. 36–37.

[171] Там же. № 22. С. 104, 106; Т. 41. № 41. С. 186–187; ПСРЛ. Т. 8. С. 226; Т. 12. С. 235; Т. 28. С. 323; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32, 37. В Разрядной книге 1475–1605 гг. запись о взятии Вязьмы повторяется под разными годами (7000 и 7001), причем в первом случае среди воевод названы князья Данила Васильевич Щеня и Василий Иванович (очевидно, Косой Патрикеев) (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32).

[172] ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 51. См. также: Там же. С. 98.

[173] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 123–125.

[174] ПСРЛ. Т. 35. С. 122.

великии розослал по городом в засаду, а князь Михаила Вяземскага послал на Двину, и там умре в железех»[175].

Северо-западное направление

1.5. 1492–1493 гг. (?) В Новгороде размещено войско во главе с князем Данилой Александровичем Пенко, князем Иваном Владимировичем Лыко Оболенским и дворецким Василием Михайловичем Волынским[176].

1.5. 1493 г. Отправка великим князем Иваном III в Великие Луки 5 полков во главе с князем Данилой Александровичем Пенко (большой полк), князем Семеном Романовичем Ярославским и Василием Борисовичем Бороздиным (передовой полк), Дмитрием Ивановичем Киндыревым (полк правой руки), Андреем Колычевым и князем Константином Федоровичем Ушатым или князем Андреем Юрьевичем Прозоровским (полк левой руки) и Андреем Рудным (сторожевой полк)[177].

Возможно, в Разрядной книге отражена подготовка еще одного значительного похода на ВКЛ. И действительно, «тово же году ходили воеводы против Литвы»[178] из Новгорода и Пскова, а из Московской земли (точнее – Тверской) им «в помочь». Были перечислены те же воеводы, кроме князя Василия Федоровича Шуйского (из Пскова) и князя Петра Васильевича Нагого Оболенского (из состава (помочи»)[179] Состоялся ли поход – неизвестно. В приведенной цитате слово «ходили», возможно, представляет собой более позднюю вставку. Ср. с другим вариантом Разрядной книги: «Того же лета против Литвы: из Новагорода воевода Яков Захарьич...»[180]. Здесь подразумевается не движение на территорию ВКЛ, а концентрация войск напротив его границы. Т.о., можно предположить стремление московской стороны прикрыть на тот момент потенциально опасный для нападения регион. Вероятно, активизация боевых действий со стороны ВКЛ вызвала такую реакцию московского правительства.

[175] ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

[176] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 32, 37. Сообщение повторено под 7000 и 7001 гг.

[177] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 23; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 34–35.

[178] В приведенной цитате слово «ходили», возможно, представляет собой более позднюю вставку. Сравните с другим вариантом Разрядной книги: «Того же лета против Литвы: из Новагорода воевода Яков Захарьич...» (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 23). Здесь подразумевается не движение на территорию ВКЛ, а концентрация войск напротив его границы.

[179] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 35.

[180] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 23.

Вот так проходят перед нами события той малоизвестной войны, войны во время мира... Сведения не обо всех событиях отражены в посольских книгах. Что-то дополнено материалами разрядных книг, взято из летописей, но, очевидно, остались и пробелы. Тем не менее собранной информации хватает, чтобы исследователи могли сделать выводы о характере войны, ее общем ходе, последствиях и т.д.

§ 1.5. Итоги войны

Необходимо рассмотреть условия «вечного мира» 1494 г., но предварительно – к обстоятельствам их принятия и споров вокруг них.

Стремление к установлению мирных отношений и закреплению их через династический брак проявилось с литовской стороны в первых же после смерти Казимира Ягайловича дипломатических контактах с Москвой. Точнее, попытки восстановить связи сначала шли не напрямую в Москву, а косвенным путем через Новгород и лично его воеводу Якова Захарьича. В середине лета 1492 г. полоцкий наместник пан Ян Заберезинский через писаря Лаврина сообщил новгородскому воеводе Якову Захарьичу о намерении осуществить сватовство[1]. Московского воеводу, действия которого полностью контролировались из центра, сначала предостерегли от посольства в ВКЛ, но позже изменили позицию, поскольку «межи государи съсылка бываетъ, хоти бы и полки сходилися»[2]. Якову Захарьичу была направлена инструкция о поведении. Линия, выработанная с самого начала и которой в дальнейшем придерживалось московское правительство, заключалось в следующем. Чтобы начать переговоры о браке дочери Ивана III с Александром Казимировичем, необходимо было сначала заключить мирное соглашение («абы межи государей згода была»)[3]. Литовская сторона поддержала такое условие, с пожеланием, «ино бы межи ихъ милостью была любовь и докончанье по тому, какъ отци ихъ жили въ любви и въ докончаньи; а што здавна слушало ко обоимъ паньствомъ, то бы и ныне было по тому»[4]. На осень 1492 г. литовско-московская граница, очевидно, претерпела уже значительные изменения, и возврат к первоначальному ее состоянию вряд ли встретил бы понимание.

Официальное посольство со стороны ВКЛ во главе с панами Станиславом Глебовичем и Иваном Яцковичем Владыкой (Владычкой) появилось в Москве в начале ноября 1492 г. Целями посольства были объявление о появлении на престоле ВКЛ нового великого князя Александра Казимировича и «обидных» делах на пограничье[5]. Интересно, что еще одна цель посольства (сватовство и заключение мира) была представлена сначала «кулуарно» на пирах, в беседе с московскими боярами, и объяснялась инициативой исключительно рады литовского господаря[6]. Посредником между послами и великим князем московским выступил князь Иван Юрьевич Патрикеев. Через последнего

[1] СИРИО. Т. 35. № 17. С. 68.
[2] Там же. С. 69.
[3] Там же. С. 71.
[4] Там же. С. 71–72.
[5] LM. Kn. 5. № 9. P. 62–63.
[6] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 74, 75.

было передано желание Ивана III принять со стороны ВКЛ послов, которые получат полномочия на заключение соглашения, и только после утверждения мира можно будет начать разговор о браке[7]. С этим послы отъехали из Москвы.

Через несколько дней (16 ноября) письмо, которое отражало уже определенную позицию московской стороны, было отправлено от имени князя Ивана Юрьевича трокскому пану и полоцкому наместнику Яну Юрьевичу. В письме, в ответ на пожелание правительства ВКЛ сохранить старые границы («что здавна слушало ко обоимъ панствомъ, то бы и ныне было по тому») и чтобы предотвратить возможные от него претензии, отмечалось: «Ино государь нашъ князь велики великого княжества Литовского за собою не дръжитъ ничего, а дръжитъ зъ Божьею волею земли свои, что ему далъ Богъ»[8]. Ответ пришел в конце декабря 1492 г. Великий князь литовский был готов прислать в Москву «свои послы великии», но пан Ян Юрьевич был обеспокоен, чтобы послы не вернулись «без доброго конца»[9].

Наладилась переписка, но до реальных шагов по установлению мира дело не доходило. В декабре 1492 г. Ян Юрьевич выразил настороженность в успехе переговоров. В начале января 1493 г. Иван Юрьевич Патрикеев объявил, что только тогда, «коли промежи государей великіе люди ездят», дело и движется[10]. В то время происходила активизация военных действий (поход войск ВКЛ, а потом московской рати в Верхнеокский регион и, возможно, захват Москвой Вязьмы), поэтому московско-литовские контакты прекратились.

Новые попытки восстановления прерванных связей были осуществлены снова через Новгород. В марте 1493 г. под предлогом приобретения кречетов там появился сокольник пана Яна Юрьевича Забережского (Заберезинского)[11]. Настоящая цель приезда сокольника была сразу осознана московской стороной: «не кречатов деля», а «передняго для дела», под которым понимались прерванные переговоры. Тем не менее в Москве были найдены кречеты, организован их эскорт к пану Яну, а также подготовлено челобитье ему от имени воеводы Якова Захарьича. В челобитье литовская сторона была обвинена в прекращении движения к установлению мирных отношений и в том, что «великіе зацепки съ вашіе стороны състалися»[12]. О последних в письме пан Ян справедливо замечал: «Наш государь сягнул не по чюжее, по свое, что з веку

[7] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 77–78.
[8] Там же. С. 79.
[9] Там же. С. 79–80.
[10] Там же. № 19. С. 83.
[11] Там же. № 20. С. 85.
[12] Там же. С. 87.

слушало ко отчине осподаря нашего, великому князьству Литовскому» и призывал к возмещению потерь и заключению мира «по старине»[13].

Стремление к миру, инициатором которого и на этот раз выступили власти ВКЛ, необходимо связать с событиями начала 1493 г., когда после локальных успехов в регионе Верхней Оки ВКЛ потерпело там значительное поражение и примерно тогда же утратило Вязьму. Необходимо было как можно быстрее остановить дальнейшее московское наступление на ослабленной восточной границе ВКЛ.

Сразу за ответом на челобитье новгородского воеводы (18 мая 1493 г.) из ВКЛ было отправлено посольство во главе с Андреем Олехновичем и Войткой Яновичем. Оно прибыло в Москву 29 июня с грамотой от великого князя литовского от 18 мая[14]. Не имея полномочий на заключение мира, послы предъявили претензии в нарушении традиционно существовавших порядков («старину оставляете, а въ новые дела въступаете»)[15]. Главным было возобновление переговорного процесса, и следующее посольство в том же составе прибыло в сентябре в Москву уже для организации приезда великих послов[16].

17 января 1494 г. великое посольство во главе с панами Петром Яновичем Монтигирдовичем, воеводой трокским и маршалком земским, и Станиславом Яновичем Кезгайло, старостой жомойтским, достигло Москвы[17]. Первоначальная позиция посольства была очевидной: заключить мир по тому образцу, что уже был реализован Казимиром и Василием II Темным в 1449 г., и закрепить между государствами распределение владений, существовавшее со времен Витовта и Василия I Дмитриевича[18].

Между тем в инструкции послам, отправлявшимся в Москву, великий князь Александр с панами-радой «намовил и установил» пойти на значительные уступки. Конечно, изначально нужно было ориентироваться на условия старого договора, по ходу переговоров замечать, «какъ тамъ тая речъ пойдеть», чтобы вести к утверждению своей позиции. В случае же, если послы Петр и Станислав «не възмогуть к тому прыперети», планировалось оставить Великий Новгород в московской стороне, а зато в литовскую сторону внести Лифлянты (Ливонию). Твердо нужно было стоять и за Великое княжество Тверское (чтобы было записано так же, как в договоре 1449 г.), но затем оставить претензии на влияние в нем на Козельск, отчины Мезецких князей и Хле-

[13] СИРИО. Т. 35. № 20. С. 88.

[14] СИРИО. Т. 35. № 22. С. 103; LM. Kn. 5. № 23.1–23.3. P. 74–76.

[15] СИРИО. Т. 35. № 22. С. 105.

[16] СИРИО. Т. 35. № 23. С. 108.

[17] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 112; ПСРЛ. Т. 8. С. 227; Т. 12. С. 237–238; Т. 17. М., 2008. Стб. 552.

[18] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 113; LM. Kn. 5. № 27.1. P. 77–78.

пень. Если же и на это условие великий князь московский не согласится, послы могли поступиться, «aby dokonczanie szło pred sia». То же касалось и великого князя рязанского. А вот князей Новосильских с их отчинами нужно было отстоять полностью или хотя бы указать согласно старым формулировкам (1449 г.). Планировалось просить московскую сторону отпустить в ВКЛ Вяземских, Мезецких и Мосальских князей и при этом сохранить за ними их отчины. Если же московский государь выразит обеспокоенность в возможной казни этих князей «za ich wystupy», то напомнить о князьях-эмигрантах из Москвы (Семен Иванович Можайский, Семен Иванович Шемячич, Василий Михайлович Верейский), чтобы Иван III «hniew swoy im otpustił», предоставил им старые отчины, а великий князь Александр их отпустит «iz swoieho panstwa»[19]. Обмен князьями подразумевал возврат ВКЛ значительных территорий с одновременным воссозданием в составе Великого княжества Московского крупных уделов. Неудивительно, что такой фантастический проект не был даже озвучен в ходе переговоров. Чуть позже (в 1495 г.) князей Вяземских и Мезецких великий князь Александр назовет уже предателями, которые «нашы были слуги, а зрадивши насъ через присяги свои и втекли до твоей м(и)л(о)сти земли, какъ то лихии люди»[20].

23 января послов приняли на дворе Ивана III. Непосредственно беседу вели бояре князь Василий Иванович Патрикеев, князь Семен Иванович Ряполовский и Дмитрий Владимирович. Позиции литовских послов князь Семен противопоставил вовращение к распределению земель при великих князьях московских Семене Ивановиче и Иване Ивановиче и великом князе литовском Ольгерде. В результате стороны со ссылкой на «незгоду» прежних времен отказались от малореальных проектов и начали решать «как межи государей пригожъ делу быти»[21].

Литовская сторона сразу пошла на значительные уступки. Были забыты интересы в Новгороде, Пскове, Твери и оставлялись Москве ощутимые доходы с ряда новгородских волостей (чернокунства). Однако «новины», которые приобрел московский государь (Вязьму, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Опаков, волости князей Воротынских, «отрубленную» часть Торопецкой земли), послы требовали вернуть[22].

Через два дня там же и с тем же составом участников переговоры продолжились. На этот раз ряд заявлений был сделан московской стороной. Во-первых, литовский великий князь предлагал московскому то, что и так ему принадлежит («онъ нашего же намъ поступается»). Во-вторых, хорошо бы было, чтобы Александр Казимирович посту-

[19] LM. Kn. 5. № 27.3. P. 78–80.
[20] Ibid. № 43. P. 93.
[21] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 114–115.
[22] Там же. С. 115; LM. Kn. 5. № 27.3. P. 78–79.

пился тем, что написано в грамотах времен великих князей московских Семена и Ивана Ивановичей и литовского Ольгерда; однако Иван III «выпускает» из тех грамот Смоленск и Брянск. В-третьих, предлагалось заключить соглашение по принципу, кто чем владеет («что ныне мы... дръжимъ къ своему государьству, то будемъ и дръжати; а что онъ держитъ къ своему государьству, то бы он и дръжалъ»)[23].

Таким образом, можно увидеть те две исходные позиции для ведения переговоров, что были представлены литовскими послами и московскими боярами. Наступало время поиска путей к сближению. В дальнейшем споры шли вокруг двух регионов – Вяземского княжества и смоленских пригородов с волостями, под которыми понимались и земли в верховьях Оки.

На первые уступки пошла литовская сторона: «для любви и докончанія меж государей и кровного связка» Москве оставлялись вяземские князья со своими вотчинами, которые служили Ивану III; те же вяземские князья, которые оставались в подчинении великому князю Александру, должны были по-прежнему владеть своими дольницами в Вязьме. При этом судьба самой Вязьмы нужно было решить после заключения договора и брака. Смоленские города и волости послы пожелали сохранить за Смоленском[24].

Чтобы решить судьбу смоленских владений, послы представили подробный список, составленный по памяти, а потому не содержавший многих пограничных волостей (например, князей Крошинских). Город Вязьма также был отнесен к числу смоленских[25]. Послы легко отступились от ряда волостей, которые считались «смоленскими из старины», но были представлены боярами как боровские (Трубна, Путын), медынские (Городечна, Нерожа, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сковородеск, Гостижа, Белые Вста, Вежки) и можайские (Турье, Тешинов, Сукрома, Ольховец, Отъезд)[26]. Представляется, что на то время новая административная принадлежность указанных волостей стала реальностью: они управлялись московскими властями и даже были заселены выходцами из центральных уездов. Определенным образом ряд волостей на левобережье р. Угры был отделен от своих старых центров уже в конце 1492 г., когда князь С. Ф. Воротынский завладел городами Бышковичи, Залидов, Опаков «с волостьми по Угру»[27]. Волости напротив указанных городов за Угрой (Городечна, Нерожа, Вежки и др.) были до этого времени интегрированы с другим московским центром.

[23] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 116.
[24] Там же. С. 118.
[25] Там же. С. 118–119.
[26] Там же. С. 119, 137.
[27] Там же. С. 136.

Бояре крепко держались за Вязьму, которой, по их словам, «всей пригож быти за нашим государем»[28]. Ее даже предлагали в текст договора не вписывать, но чтобы держал ее московский князь. Однако такое условие не удовлетворяло московскую сторону. Продолжение переговоров было поставлено в зависимость от положительного для Москвы решения судьбы города. В результате послы «о Вязьме спустили, что Вязьма вся великому князю и в докончанье ее вписати»[29].

После Вязьмы споры развернулись вокруг Мезецка и Любутска. Проблема Мезецка была связана с тарусскими князьями, часть которых в свое время (конец XIV в.) не смирилась с переходом их родового центра Тарусы к Москве и ушла на службу к Витовту, от которого и получила Мезецк с рядом волостей[30]. Даже была зачитана грамота великого князя Сигизмунда Кейстутовича на Мезецк. Литовская сторона соглашалась оставить Мезецким князьям на службе Москве только те волости, с которыми они прибыли в ВКЛ (Говдырев, Устье, Жабынь). Прочие, которые являлись пожалованиями великих князей литовских, сохранить за теми Мезецкими, которые остались на стороне ВКЛ.

Серенском еще при Ольгерде по половинам владели Москва и Вильно. Вероятно, во второй половине XV в. Серенск полностью принадлежал ВКЛ[31], но был занят в конце 1489 г. князем Д. Ф. Воротынским, который направлялся на службу в Москву. Литовские послы решили пожертвовать этим городом, а за это получить целиком Мезецк. Однако бояре поставили другие условия: если желаете Мезецка – отказывайтесь от Любутска, если полностью Любутска – уступите Мезецк[32]. Серенск каким-то образом выпал из переговоров и в результате оказался под московской властью. Зато благодаря твердой позиции литовских послов за ВКЛ был закреплен Любутск, а Мезецк распределен по частям между государствами в соответствии с тем, кому служили те или иные Мезецкие князья[33].

Совладение Мезецком и его волостями создавало фактор нестабильности в регионе Верхней Оки. Недаром князь Иван Патрикеев отрицательно воспринял идею раздела по долям Вяземского княжеств: «Так нелзе быти, за все будут брани да жалобы»[34]. Положение Мезецка осложнялось тем, что Мезецкие князья Семен Романович и Петр Федорович находились в московском плену. Им предлагалось решить,

[28] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.
[29] Там же. С. 120.
[30] *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 37.
[31] В договоре 1449 г. Серенск еще обозначен как совместное владение (ДДГ. № 53. С. 161)
[32] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 121.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 119.

на чьей стороне они останутся, но сделать этот выбор князьям пришлось уже после заключения договора (весной 1494 г.)[35], а до этого времени об их владениях «позаботились». С большими сложностями по возвращению вотчины столкнулся князь Петр Федорович Мезецкий, который после получения свободы рискнул вернуться на службу великому князю литовскому. В свое время он приобрел у дяди Ивана Андреевича треть Мезецка («и в месте и в селех»). Эта довольно значительная часть княжества оказалась каким-то образом у еще одного мезецкого князя Михаила Романовича[36]. Литовская сторона жаловалась, что и другие вотчины Мезецких князей – слуг великого князя Александра держат Белевские князья[37]. По литовским сведениям, мезецкими волостями Хостци, Орень и Бярятин управлял князь Дмитрий Воротынский[38]. Т.о., верным великому князю Александру Мезецким князьям не находилось места в родовом гнезде. Иван III же утверждал, что Мезецк целиком принадлежал ему («Месческ был весь наш»), и все, «что неписана в докончаніе, ино то все наше»[39]. Характерно в этой связи восприятие летописцев: они перечисляли Мезецк среди городов, которые достались Ивану III («и городовъ отступишася великому князю Вязмы и Серпейска, и Мезетцка, и Воротынска, и Одоева и иныхъ по Угру реку»[40]).

Интересно, что на переговорах не развернулось большой дискуссии вокруг довольно значительных территорий вдоль течения р. Угры с «королевскими» городами[41] Мосальск, Серпейск, Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечно и Лучин их многочисленными волостями (Недоходов, Лычино, Дмитров, Мощин и др.). Постепенно Серпейск, Городечно и волости[42], потом Лучин, Дмитров и волости, Мосальск были сохранены за ВКЛ[43].

---

[35] Там же. С. 132.

[36] Там же. № 28. С. 152. Трудно определить, захватил ли он сначала чужие владения и получил на это одобрение, или сразу действовал по согласованию с Иваном III.

[37] Там же. № 28. С. 152.

[38] Там же. № 24. С. 137.

[39] Там же.

[40] ПСРЛ. Т. 20. Вып. 1. С. 360. См. также: Там же. Т. 8. С. 227; Т. 12. С. 238.

[41] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136; Выписка из посольских книг. С. 52.

[42] Волости Городечно, Ковылна, Демена, Ужепереть с середины XV в. в качестве вотчины принадлежали князьям Воротынским (АЗР. Т. I. № 57. С. 70; Lietuvos Metrica = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. V., 1998. Kn. 3 (1440–1498). P. 37, 39). Удивительно, что от них так легко отказалась московская сторона. Возможно, ряд владений во второй половине столетия Воротынские утратили, например, после отъезда в Москву князя Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского), который мог ими владеть.

[43] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 119, 120. Дмитров в ходе переговоров обозначался

Согласуясь со списком смоленских пригородов, составленным литовскими послами, московская сторона представила развернутый перечень городов и волостей, которых «поступился князь велики великому князю Александру»[44]. Все владения отбирались у князей Воротынских (Семена и Дмитрия Федоровичей), которые различными способами приобрели их и держали некоторое время под московской властью. Представляется, что одной из основных причин перехода князя Семена к Ивану III в ноябре–декабре 1492 г.[45] было обещание закрепить за ним те территории, с которыми он придет на московскую службу. В своей грамоте великому князю литовскому Александру князь Семен жаловался: «И твоя милость, господине, мене не жаловалъ, города не далъ и въ докончанья не принялъ, а за отчину за мою не стоялъ, а боярина моего, господине, не жаловалъ, не чтилъ, как отецъ твой нашихъ бояр жаловалъ, чтилъ»[46]. Пренебрежение интересами местных князей со стороны центральной власти ВКЛ имело результатом уход от нее. Под московской опекой князь Семен почувствовал заботу не только об обеспечении владениями, но и о реальной их защите. Когда после нападения войск ВКЛ на Серпейск и Мезецк он утратил значительную территорию, в регион был организован наиболее мощный за всю войну поход московских сил, которые попросту уничтожили здесь остатки власти ВКЛ. Таким образом, владение князем Семеном городами Мосальском, Серпейском, Бышковичами, Залидовом, Опаковом, Городечно и Лучином было твердо гарантировано московской военной помощью.

Кроме того, необходимо заметить, что еще в декабре 1489 г. в Москву направился князь Дмитрий Федорович Воротынский[47]. Тогда он захватил и посадил наместников в Серенске и Бышковичах, волостях Лычино и Недоходов[48]. За ним же оставался Козельск. Князь Дмитрий, возможно, также был привлечен Москвой приобретением новых и сохранением старых владений. Однако думается, что его брат Семен Федорович, оставшийся верным Казимиру Ягайловичу, в скором времени «очистил» большинство занятых пунктов (за исключением Серенска и Козельска), а с конца 1492 г. уже сам держал Бышковичи, Лычино и Недоходов. Во всяком случае, до начала 1494 г. князь Дмитрий продолжал владеть только смоленскими волостями Фоминичи и Погостищи и

то городом, то волостью.

[44] Там же. С. 136.

[45] Датировка М. М. Крома: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 51.

[46] СИРИО. Т. 35. № 19. С. 84.

[47] Датировка М. М. Крома: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 77–78.

[48] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 48.

рядом тех волостей, котрые находились в стороне от рассматриваемого региона и в результате не были переданы литовской стороне[49].

Динамика королевских пожалований и собственных приобретений князей Воротынских представлена в таблице.

Табл. 1. Владения князей Воротынских в XV в.

Владельческая принадлежность	**Дата приобретения**	**Владения**	**Способ приобретения, статус владения**	**Административная принадлежность**
Федор Львович Воротынский	10 февраля 1447 г.	волости Городечна, Сколуговичи, Ужеперед, Ковылна, Демяна с Снопотцом, Немчиновский двор	пожалование в вотчину Казимира	«у Смоленскои державе»[1]
	1448 г.	Демена	подтверждение в вотчину Казимира[2]	
	5 февраля 1448 г.	Козельск	пожалование в наместничество Казимира[3]	
	28 марта 1455 г.	Демона, Городечна с Ужеперепетом, Ковылна, Краишина («по обе стороне Высы реки»), Кцин, Озереск, Перемышль, Логинеск, Немчиновский двор в Смоленске	пожалование «у вотчину и его детемъ» Казимира[4]	смоленские волости по списку 1494 г.: Демена, Городечна, Ужеперет, Колвына, Краишино, Озереск, Лагинеск[5]
	1480 г.	волость Лучин	пожалование Казимира[6]	смоленский пригород по списку 1494 г.[7]
Иван Михайлович Перемышльский (Воротынский)	до 1487 г.	город Перемышль[8]	[вотчина]	
	1494 г.	Тарбеев, Олопов, Озереск	держит под московской властью	перемышльская волость Озереск[9]
Семен Федорович Воротынский	(1480–1492 гг.)	волость Мощин	пожалование Александра[10]	смоленская волость Мощын по списку 1494 г.[11]

Продолжение Табл. 1

	1492 г.	город Мосальск с волостями Путогиным и Недоходовым, город Серпейск с волостями, город Бышковичи с волостями по Угру, город Залидов с волостями по Угру, город Опаков с волостями по Угру, город Городечна с волостями, город Лучин с волостями (волости Лычино, Жулин, Мошкова Гора,	владения, захваты, санкционированные Иваном III[12]	
		Ощитов, Дмитров, Мощин, Пустой Мощин, Вежична, Дегна, Ковылна, Демена, Ужеперет, Замошье, Залоконье, Волста Нижняя, Клыпино, Нездилово, Чарпа, Головичи); волости смоленского владыки (Любунь, Ближевичи, Печки)		
	Конец 1492 г.	волости вяземских князей (Великое Поле, Волста Верхняя, Слободка, Мощиновичи, Середее)	захват	вяземские волости[13]
	1494 г.	Бышковичи, Лычино, Вежичну, к Воротынску четыре залидовских села	захват после заключения мира[14]	
Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские	до конца 1488 г.	Меск, Бышкевичи, Лычино[15]	[пожалование Казимира в держание?][16]	Бышковичи и Лычин – смоленские волости[17]

Продолжение Табл. 1

Дмитрий Федорович Воротынский	12 марта 1488 г.	Козельск	в держание от Казимира[18]	
	декабрь 1489 г.	города Серенск, Бышковичи, волости Лычино, Недоходов	захват	«панов и слуг» Казимира IV[19]; Бышковичи, Лычин и Недоходов – смоленские волости[20]
	1494 г.	волости Фоминичи, Погостищи, Лугань, Местилов, Куинь (Кцинь?), Хвостовичи, Хостци, Орень, Борятин	держит под московской властью	к Смоленску (Фоминичи, Погост ищи), Мезецку (Орень и Борятин) и Козельску (Хостци)[21]
	1494 г.	Лагинеск и Краишино	послы отступились Москве	к Воротынску[22]

Примечания к таблице

[1] LM. Kn. 3. P. 37; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.
[2] LM. Kn. 3. P. 37.
[3] АЗР. Т. I. № 48. С. 61.
[4] Там же. № 57. С. 70; LM. Kn. 3. P. 39; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.
[5] Там же. С. 118.
[6] Там же. С. 136.
[7] Там же. С. 118.
[8] Там же. № 1. С. 4.
[9] Там же. № 24. С. 136.
[10] Там же. С. 136.
[11] Там же. С. 118.
[12] Там же. С. 136.
[13] Там же. С. 137. Волости обозначены за вяземскими князьями, но Великое Поле принадлежало Яну Гаштольду и тянуло к Дорогобужу, «селцо Мошенское» принадлежало князю Сеньку Глинскому (LM. Kn. 3. P. 47).
[14] СИРИО. Т. 35. С. 152.
[15] Бышковичи и Лычино в декабре 1489 г. захватил князь Дмитрий Федорович Воротынский, и можно сделать вывод, что они принадлежали его брату Семену.
[16] Там же. № 6. С. 20.
[17] Там же. № 24. С. 121.
[18] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. T. I. 1377–1499. W., 1930. S. 392; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 78–79.
[19] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47–48; № 14. С. 54.
[20] Там же. № 24. С. 121.
[21] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136, 137.
[22] Там же. С. 137.

Среди владений князя Семена необходимо обратить внимание на те, что не являлись захватами, а на вотчинном праве принадлежали роду князей Воротынских с середины XV в. Они не входили в первоначальный состав Воротынского княжества (решение о присоединении которого к Москве было принято довольно быстро), но именно на их удержание мог особенно рассчитывать князь Семен. Он даже упоминал грамоту от короля Казимира, в которой были перечислены волости, переданные отцу (Демона, Городечна, Ужеперепет, Снопот и Ковылна), а также называл прочие пожалования Казимира отцу (Лучин) и ему самому (Мощин)[50].

Как видим, московская сторона имела серьезные основания, чтобы на дипломатическом фронте претендовать на значительную часть территории ВКЛ. Однако вероятно, по причине сильной интегрированности региона в состав Смоленской земли и отсутствия опоры в среде местных землевладельцев, осторожности, расчета на быстрые дальнейшие успехи, московские власти решили уступить. Успехом Москвы можно считать продвижение к р. Угре (см. выше), которая фактически только с 1492 г. стала пограничной. (Традиционное мнение о пограничном характере Угры, которая будто бы разделяла литовские и московские владения со времен Витовта (начало XV в.), представляется ошибочным.)

Великий князь московский обещаниями владений и их защиты склонил к переходу на свою сторону одного из последних гарантов власти ВКЛ в Верхнеокском регионе, а потом попросту пожертвовал интересами нового подданного. Это характерный пример московской политики, направленной на борьбу с западным соседом без привлечения собственных военных ресурсов и с использованием противоречий среди князей пограничья ВКЛ.

Все-таки часть волостей, помещенных в списке смоленских пригородов, московский князь отказался возвращать («а в отступе их не было»). Во второй раз князь Д. Ф. Воротынский занял смоленские волости Порыски, Верх Серены, Липицы и Взбынов. Две первые находились недалеко от городов Козельск и Серенск[13], которые, вероятно, остались во владении князя Дмитрия, а другие являлись отчиной Ивана Бабина, служившего ему. Таким образом, понятна интегрированность перечисленных волостей с устойчивыми владениями князей Воротынских. Очевидно, остались за Москвой волости Лугань, Местилов, Куинь (Кцын?) и Хвостовичи князя Дмитрия Федоровича; Тарбеев, Олопов, Озереск князя Ивана Михайловича; Жеремин – одоевская; Логинеск и Крайшино – воротынские. Хотя послы объявили

[50] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

их королевским пожалованием («данье королево»), это не помогло[51]. Между тем Крайшино, Кцын, Озереск и Логинеск упоминаются среди пожалований короля Казимира в вотчину князю Федору Воротынскому и его детям (1455)[52].

Закрепленные за Москвой волости за некоторыми исключениями (Кцын и Хвостовичи были выдвинуты в глубь территории, которая осталась за ВКЛ) опоясывали массив земель исконных владений князей новосильского рода. Все князья Новосильские (Одоевские, Воротынские и Белевские) с вотчинами и данью почти без споров оставлялись в стороне великого князя московского[53].

На правом берегу Оки среди земель новосильских князей (возможно, в их окружении) размещался центр господарского наместничества ВКЛ – Мценск. Его литовская принадлежность не вызывала протестов с московской стороны[54]. Форпостом власти ВКЛ, анклавом на территории Великого княжества Московского, остался также и Любутск (см. выше).

В московско-литовских переговорах затронули еще один спорный регион, в будущем – арену активного противостояния не границе. Со стороны Великих Лук на запад постепенно, путем локальных захватов и колонизации, распространялись московские владения (в то время к Великим Лукам была взята волость Пуповичи). Однако в конце XV в. проблема еще не приобрела актуального характера. По предложению московских бояр было решено определить «великому Новугороду рубежъ съ Литвою по старому рубежу» и это обозначить в договоре[55].

1 февраля 1494 г. переговоры были окончены. Начались другие заботы – торжественное сватовство к великому князю. Послы посчитали за лучшее прийти уже на следующий день[56]. А 5 февраля перед ними был прочитан черновой список докончальной грамоты, который они «похвалили и велели съ того списка писати докончянье начисто»[57]. По предложению послов к тексту договора прибавили упоминание Брянска и других украинных мест и, главное, – требование «князей бы служебныхъ съ вотчинами не приимати»[58]. Таким образом гарантировалась целостность территории ВКЛ перед претензиями с московской стороны и в связи с возможными отъездами пограничных князей. Формула договора о непринятиии с вотчинами

[51] Там же. С. 136–137.
[52] АЗР. Т. I. № 57. С. 70; LM. Kn. 3. P. 39.
[53] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 120.
[54] Там же. С. 120, 136.
[55] Там же. С. 122.
[56] Там же.
[57] Там же. С. 123.
[58] Там же.

должна была предостеречь князей от перехода на московскую службу и в определенной степени укрепить их верность великому князю литовскому.

7 февраля 1494 г. обе грамоты (от имени великих князей Александра и Ивана III) были прочитаны дьяком Федором Курицыным и писарем Федкой Григорьевичем (Григорьевым). После этого великий князь московский целовал крест сам, а за великого князя литовского это сделали послы Петр и Станислав. К грамотам приладили печати (правда, золотую московскую не успели вылить)[59]. Только 22 апреля в Вильне перед московскими послами целовал крест великий князь Александр[60]. Договор был утвержден.

Наглядно увидеть территориальные измеения, которые произошли согласно московско-литовскому договору о «вечном» мире, помогает сравнение с аналогичным документом, составленным в 1449 г. В приведенной далее таблице распределены по владениям или зависимости от московской или литовской стороны пограничные русские земли и их князья.

Табл. 2. Распределение владений в договорах 1449 и 1494 гг.

Договор 1449 г.		**Договор 1494 г.**	
В московской стороне	В литовской стороне	В московской стороне	В литовской стороне
	Смоленск, смоленские места		Смоленск, смоленские места
	Любуцк, Мценск		Любуцк, Мценск
			Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Жулин, Лычино, Залидов, Бышковичи, Опаков по Угру, все «Вкраиныи» места
		Мезецкие князья – на обе стороны	
Ржева с волостями		Ржева с волостями	
	Ржевская волость Осуга		Ржевская волость Осуга
		Вязьма с городами, волостями, землями и водами	

[59] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 125. В самом договоре обозначена дата – «А писанъ на Москве, лета 7002, февраля въ пятый день», однако настоящей датой заключения «вечного» мира нужно считать 7 февраля.

[60] Там же. № 25. С. 142.

Продолжение Табл. 2

Серенск – совместное владение			
	Великий князь Борис Александрович Тверской	Тверь, тверские места	
Тарусские князья			
Федора Блудова, Александра Борисова сына Хлепенского, князя Романа Фоминского, их братьи и братаничей отчины		Федора Блудова, Александра Борисова сына Хлепенского, князя Романа Фоминского, их братьи и братаничей отчины	
Юрьева доля Ромейковича и князя Федорова места Святославича		Юрьева доля Романовича и князя Федорова места Святославича	
		Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстиславль, Таруса, Оболенск	
		Козельск, Людимск, Серенск, козельские, людимские, серенские места	
Мещера		Мещера	
Новгород Великий, Псков, новгородские и псковские места		Новгород Великий, Псков, новгородские и псковские места	
	Волости и оброки новгородские		
Великий князь Иван Федорович Рязанский		Великий князь Иван Федорович Рязанский и брат его князь Федор	
	Верховские князья	Новосильские князья: Одоевские, Воротынские, Перемышльские, Белевские с отчинами	

По словам Н. Б. Шеламановой: «“Вечный мир” 1494 г. не только не разрешил территориального спора России и Литвы, но как считают

некоторые исследователи (Я. Натансон-Лески, К. В. Базилевич), еще более его обострил, так как к стремлениям России объединить земли Древней Руси прибавились еще обострившиеся споры "верховских" князей за свои вотчины, разделенные между Россией и Литвой. Иван III воспользовался и дальше этими спорами в своей объединительной политике»[61]. Таким образом, границы, определенные договором 1494 г., не приобрели стабильный характер, они только закрепили промежуточные результаты распространения московской власти, которая непрерывно развивалась на земли ВКЛ.

Внешне результаты войны для Москвы выглядят довольно скромными, хотя бы в сравнении с выгодными для нее изменениями, которые произошли во время следующего конфликта 1500–1503 гг. В конце XV в. ВКЛ потеряло только относительно небольшую территорию Вяземского княжества и лишилось части и так полунезависимых владений Верховских князей. Однако на самом деле мир 1494 г. утвердил очень значительные изменения в политической ситуации Восточной Европы. Он не только закрепил усилия ряда московских князей по собиранию русских земель, но и открывал перспективы дальнейшего московского наступления. Фактически литовская сторона согласилась, что Тверь, Великий Новгород, Рязань и т.д. – города, которые находились ранее также и в сфере интересов ВКЛ, – теперь являлись вотчиной великого князя московского. Были оставллены претензии на территории совместного литовско-новгородского управления (чернокунство). Неопределенность новой границы предоставляла Москве возможность распространения своей власти в направлении полоцких и витебских земель, владений Мезецких князей.

Невидимыми глазу остались значительные военные успехи Великого княжества Московского. Почти полностью была уничтожена система обороны ВКЛ, перехвачена инициатива в пограничных делах и предупреждены любые действия литовских властей. В закреплении результатов войны проявилась некоторая осторожность московских властей. Возвращались захваченные города, кое-где восстанавливалась старая граница. Одной из причин явилось отсутствие опоры и симпатий к московской стороне во многих местах (М. М. Кром), однако не последнюю роль сыграло и сознательное прекращение наступления Иваном III, возможно, и с расчетом на дальнейший реванш (Ю. Г. Алексеев).

[61] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Дисс... к.и.н. Науч. рук. М. Н. Тихомиров. М., 1970. С. 4–10.

ГЛАВА 2

От устойчивой литовско-московской границы к разделу сфер влияния

§ 2.1. Московско-литовский договор 1449 г.

Первым договором, твердо определившим не только литовско-московскую границу, но и сферы влияния в Восточно-Европейском регионе двух крупнейших государств – Великих княжеств Литовского и Московского (далее: ВКЛ и ВКМ) – было соглашение 31 августа 1449 г.[1] Оба государства только избавились от внутренних неурядиц, утвердили центральную власть и стали укреплять свое положение на международной арене.

Одним из главных направлений их внешней политики стало возобновление борьбы за восточнославянские земли, еще остававшиеся независимыми или влияние на которые было утрачено во второй четверти XV в. Столкновение интересов двух центров объединения русских земель было неизбежным.

В этой связи договор о «вечном» мире 1449 г. стал этапом в развитии отношений великих княжеств, утвердив зоны господства двух государств в Восточной Европе и отразив процесс объединения русских земель двумя центрами. Впервые была четко зафиксирована граница между московскими и литовскими владениями и обозначены князья и города, находившиеся в той или иной «стороне». Русские земли были разделены, наступало время передела сложившейся политической карты. Стороны готовились к борьбе.

Договор 1449 г. не повлек существенных изменений границы, лишь определив ее. Точно фиксировался лишь небольшой спорный участок Ржевской земли.

В договоре упоминается и оговаривается принадлежность только тех территорий и (или) их владельцев, которые: 1) недавно вошли в состав одного или другого государства и на которые могли существовать претензии противоположной стороны; 2) являлись еще суверенными княжествами и землями, власть над которыми определялась договором.

Территории, прочно и давно входящие в состав двух государств, упоминаются только в титулатуре Василия II и Казимира IV. Василий Васильевич – князь великий московский, новгородский, ростовский, пермский «и иных»; Казимир – король польский и великий князь литовский, русский, жомойтский «и иных».

Все отдельно оговариваемые территории или их владельцы могли быть объектами интересов обеих договаривающихся сторон, и договор распределял их на сферы обладания или влияния. Часто заметить разницу между суверенными государствами (Великий Новгород, Вели-

[1] ДДГ. № 53. С. 160–163; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. V.: Mokslo ir enciklopedijř l-kla, 1994. Kn. 5: (1427–1506). № 78.1. P. 131–133; № 136. P. 251–254.

кий Псков) и территориями, прочно слившимися с ВКЛ или Великим княжеством Московским, довольно трудно.

К литовской стороне отнесены Смоленск и «смоленские места», Любутск, Мценск, «вкраинъныи места». К московской – Ржева с волостями, Мещера. Верховские князья (в данном случае Новосильские[2]), сохранявшие частичную автономию, оставались под литовской властью. Вотчины же Федора Блудова, Александра Хлепенского и Романа Фоминского, а также доля Юрия Ромейковича и места Федора Святославича должны были принадлежать Москве. Особое совместное управление, идущее со времен Ольгерда, сохранялось у Серенска[3].

Как несомненную победу московской стороны следует расценить фактический отказ ВКЛ от влияния на Великий Новгород и Псков[4]. В договоре 1449 г. оговаривались все возможные варианты вмешательства Казимира IV в дела Новгородской и Псковской земель. Он обязался «не прыимати» новгородцев и псковичей даже в случае их желания принять подданство ВКЛ. Использование в качестве предлога для вмешательства в дела Новгорода и Пскова «грубости» местных жителей ограничивалось обязательством Казимира IV уведомить о том Василия II и согласовывать с ним урегулирование возникающего конфликта («А в чомъ тобе, королю и великому кн(я)зю Казимиру, новгородъцы и пъсковичы зъгрубять, и тобе мене, великого кн(я)зя Васил(ь)я, обослав, да с нимя ся ведати»). Возможная война Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом («с немцы») также должна была вестись без участия ВКЛ. Литовский правитель обязался «межы ими не въступатисе». И, наконец, в случае возможного конфликта новгородцев и псковичей с Василием II у Казимира IV снова оказывались связанными договором руки («А коли мне, великому князю Васил(ь)ю, новгородцы и псковичы зъгрубять, а усхочу их показнити, и тобе, королю Казимиру, за них не въступатисе»)[5]. Таким образом, договор 1449 г. полностью парализовал возможность политического воздействия ВКЛ на Новгородскую и Псковскую земли.

Впрочем, за ВКЛ оставалась доля влияния в новгородских землях. С давнего времени существовали так называемые «чернокунства» – территории, платившие дань на обе стороны – ВКЛ и Великому Новгороду (Пусторжевская, Луцкая земли, Холмский погост, волости Велила, Морева и др., погост Березовский). Власть над ними сохранялась за ВКЛ. («А которыи волости или оброки потягнули Новгородские к

[2] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 78–79.
[3] ДДГ. № 53. С. 160–162.
[4] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 135.
[5] ДДГ. № 53. С. 162.

Литве зъдавна, и мне, кн(я)зю Василью великому, в то не въступатисе по давному».)[6]

С другой стороны, у Москвы оставалась лазейка для вмешательства в дела верховских князей, остававшихся под властью ВКЛ. С них великий князь литовский не имел права требовать больше того, что они платили («А верховъстии князи, што будуть издавна давали в Литву, то имъ и нинечы давати, а болшы того не примышляти»).

Определенная свобода действий сохранялась у великого князя рязанского Ивана Федоровича. Он хоть и являлся «братом молодшим» по отношению к Василию II и Казимир IV обязался его «не обидети», но в случае конфликта с великим князем литовским последний мог «показнити» рязанского великого князя (правда, и тут арбитром должен был служить московский правитель). Таким образом, у Казимира IV оставалась возможность вмешательства в рязанские дела[7]. Кроме того, рязанский великий князь мог и вовсе перейти на службу к Казимиру. Василий Васильевич не мог воспрепятствовать такому желанию Ивана Федоровича и обязался «не гневатьсе, не мстити ему»[8].

Несколько иное положение было у великого князя тверского Бориса Александровича. Он был «в стороне» Казимира IV, хоть и «в любви и въ доконъчаньи» с Василием II. Характерно, что в случае спорного судебного новгородско-тверского дела, при «неисправлении» новгородца, заставить выполнить судебное распоряжение последнего должен был великий князь московский, а при отказе повиноваться суду тверитянина дело окончательно рассматривал великий князь литовский[9]. Таким образом, зависимость Великого княжества Тверского от ВКЛ в договоре проявляется довольно в значительной степени.

Несмотря на то что Великое княжество Тверское было отнесено к сфере влияния ВКЛ, их отношения были довольно напряженными. Так, Казимир IV вынужден был уступить тверскому великому князю Борису Александровичу Ржеву, когда дело чуть было не дошло до военного столкновения. А сама Ржева была передана Борису Александровичу московским великим князем Василием Темным за поддержку в борьбе за московский престол, занятый князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Тверской правитель, вероятно, рассчитывал, что слепой и беспомощный Василий Темный будет более выгодным соседом, чем активный и воинственный Дмитрий Шемяка.

Увеличение тверской территории за счет Ржевской земли оказалось крайне недолговременным. В литовско-московском договоре 1449 г.

[6] ДДГ. № 53. С. 162.

[7] *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 186.

[8] ДДГ. № 53. С. 162.

[9] Там же. С. 161.

великий князь московский вел себя так, как если бы он не уступал Ржеву Твери, а литовский великий князь – не стремился отнять этот город у Бориса Александровича. Казимир IV обязался «не въступатисе» «во Ржеву з волостьми», причем в этой части договора единственный раз четко определяется новая литовско-московская граница[10]. Уже в 1462 г. Ржева досталась в удел четвертому сыну Василия Темного Борису[11].

Реально и Рязань, и Тверь, несмотря на декларированную свободу действий или даже зависимость от ВКЛ, довольно скоро оказались в сфере влияния Москвы.

Договор 1449 г. можно расценивать как рубеж, после которого экспансия ВКЛ на восточнославянские земли остановилась. Однако значение договора глубже. Два крупнейших государства Восточной Европы решали судьбу еще не попавших под их власть независимых государств, которым было суждено стать их добычей. В 1449 г. наступал перелом в отношениях между ними, когда стремление к дальнейшему увеличению территории на запад (для ВКМ) и восток (для ВКЛ) неизбежно вело к военному конфликту. До конца XV в. полномасштабных войн между ними не велось. Локальные столкновения территориальных интересов (из-за Ржевской земли, Верховских княжеств и т.д.), естественно, возникали. Существовали и определенные, обоснованные традицией, претензии на некоторые русские княжества и земли.

Долгое время между Москвой и Вильно существовал значительный буфер еще не распределенных территорий, затем в отношениях господствовало стремление к союзу перед лицом общего врага – Орды. Союзные отношения были скреплены династическими браками. Одно время ВКМ находилось в русле политики великого князя литовского Витовта. Именно тогда Москва сдает свои позиции в Смоленске, Вязьме, Верховских княжествах, фактически не вмешивается в действия войск ВКЛ против Новгорода и Пскова. Наконец, во второй четверти XV в. оба государства были отвлечены внутренними проблемами.

В 1449 г. происходит серьезное изменение политической ситуации в Восточной Европе. Два крупнейших государства упорядочивают свои отношения и распределяют сферы господства. Как оказалось впоследствии, далеко не все условия «вечного» мира соблюдались, прежде всего московской стороной. Связано это со многими причинами, главная из которых – недостаточное внимание центральной власти ВКЛ к своим восточным пределам, пренебрежение Казимиром IV интересами ВКЛ.

[10] Там же. С. 162.
[11] Там же. № 61. С. 193.

§ 2.2. Борьба за Ржеву и ржевский отрезок границы в середине XIV – начале XVI в.

Сведения источников о границе между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы – Великими княжествами Литовским и Московским – крайне фрагментарны. До настоящего времени характерен отказ исследователей от описания и показа на картах восточной границы ВКЛ или западной границы Великого княжества Московского на период с конца XIV (появление общей границы) до начала XVI в. (складывание устойчивой границы).

Основной источник, к которому прежде всего обращаются исследователи при реконструкции литовско-московской границы XIV–XV вв., – договорные грамоты двух государств. Как правило, текст самих договоров до начала XVI в. не дает необходимых географических ориентиров для точного фиксирования границы. Не было необходимости обозначать протяженность территории ввиду ее целостности, неизменности, устойчивости границ на протяжении длительного времени. Компактная территория, присоединяемая к Москве или остающаяся у Вильно, не разделялась, ее структура не разрушалась, а потому и не нуждалась в подробном описании, достаточно было лишь ее обозначения.

Исключением являются идентичные фрагменты двух мирных договоров между Великими княжествами Литовским и Московским 1449 и 1494 гг., в которых подробно описывается ржевский участок литовско-московской границы. Ни в одном литовско-московском договоре XV–XVI вв. подобного внимания к иному участку границы не обнаруживается.

Упоминание и подробное описание границы Ржевской земли связано, возможно, с недавним присоединением Ржевы к Москве и отсутствием в этом районе до середины XV в. размежевания между литовскими и московскими владениями (ржевскими волостями с одной стороны и Торопецким поветом и Бельским княжеством с другой).

Необходимость четкого определения пределов Ржевской земли стала актуальной, видимо, только в середине XV в. До этого времени Ржев постоянно переходил из рук в руки между Москвой, Вильно и Тверью[1]. Кроме того, внутренние неурядицы в Великих княжествах Литовском

[1] О перипетиях борьбы за Ржеву: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6. С. 149–162; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 138–143; *Темушев В. Н.* Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1. Мн., 2004. С. 71–80; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 164–165.

и Московском во второй четверти XV в. долго мешали сосредоточиться на урегулировании пограничных проблем. Непостоянство владения Ржевой не способствовало заботе о его территориальном устройстве и границах.

Тем не менее желание обладать Ржевой не покидало стороны, когда-либо владевшие ею. История Ржевы наполнена постоянным военным противостоянием.

В начале XIII в. Ржева (Ржевка) входила в состав Торопецкого княжества Мстислава Мстиславича Удалого. Под 1216 г. в летописях говорится о том, что «князь Святославъ оселъ бе городецъ Ржевку Мъстиславль съ полки»[2], т.е. Ржева называется городом Мстислава.

В начале XIV в. существовало особое Ржевское княжество. Известнен его князь Федор Ржевский[3], в 1314 г. посланный московским князем Юрием Даниловичем в Новгород, чтобы свести великокняжеских наместников (Михаила Тверского)[4]. Что характерно, новгородцы держались стороны московского князя и вместе с князем Федором вышли к Волге против тверского князя Дмитрия Михайловича. «Стояша же ту 6 недель, даже до замороза», пока не был заключен мир «на всей воли Новгородцкой», а в Новгород на престол сел Юрий Данилович с братом Афанасием[5]. В следующем году князь Афанасий вместе с князем Федором Ржевским был вынужден в отсутствие старшего брата, вызванного в Орду, отстаивать новгородский престол. Из Орды вернулся князь Михаил и тут же «со всею землею Низовьскою и с Татары» двинулся к Торжку, где его уже 6 недель поджидали новгородские силы[6]. Бой около Торжка был проигран новоторжцами и новгородцами. Затворившимся в городе новгородцам Михаил Тверской предложил мир в случае выдачи князей Афанасия и Федора Ржевского. В конце концов тверской князь согласился на одного Федора Ржевского, заключил мир, взяв с Новгорода «5 темъ гривенъ серебра», но затем «по миру»

[2] ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 120. В продолжении Лаврентьевской летописи: «Князь Святославъ обшелъ городець Ржевку Мстиславъ с полки» (ПСРЛ. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Т. 1. М., 1962. Стб. 492).

[3] М. К. Любавский называет его Федором Федоровичем. (*Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. С. 81).

[4] ПСРЛ. Т. 7. С. 186. В Новгородской первой летописи под 6822 (1315) г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Далее: НПЛ). М., 2000. С. 335).

[5] ПСРЛ. Т. 7. С. 186. «И ради быша новгородци своему хотению», – добавляет новгородский летописец (НПЛ. С. 335).

[6] Летописец сознательно не называет его великим князем, хотя Михаил Тверской занимал владимирский престол и не только имел титул великого князя, но и по праву должен был занимать новгородский престол (Там же. С. 336).

схватил и князя Афанасия, и новгородских бояр, а остальных людей стал «продавать»[7]. Тверскому князю, наконец, удалось посадить своих наместников в Новгород, но ненадолго. Уже в следующем году они были изгнаны[8].

Служа Москве, князь Федор Ржевский, вероятно, успел потерять свои владения. Если в 1335 г. часть ржевских городков названа литовскими, то, возможно, в начале XIV в. литовское проникновение в волжские верховья уже началось. Вероятно также, что ржевские земли на время вернулись под власть смоленских князей[9].

В 30-х гг. XIV в. наболее политически сильными государствами Восточной Европы были ВКМ, ВКЛ и Великий Новгород. За ними стояла Золотая орда, успешно манипулировавшая русскими князьями и до поры контролировавшая политическую жизнь всего региона. При этом полное доверие и одобрение действий с ее стороны получил московский князь. Хитрый политик Иван Данилович Калита сумел, лавируя между интересами нескольких государств, значительно увеличить влияние в русских землях. В его подчинении находились все «низовские» (по новгородской терминологии) князья, и сам Новгород вынужден был уступать притязаниям Москвы, считавшего в качестве владимирского великого князя новгородские земли своей вотчиной.

Придя в 1332 г. из Орды, Калита потребовал от Новгорода для нее дополнительной дани («прося у них серебра закамьское»)[10]. После отказа московский князь «за то взя у Новогородцевъ Тръжокъ и Бежецкій Верхъ»[11]. Чтобы иметь политические аргументы против Новгорода, он женил сына Семена на литовской княжне Айгусте, в крещении получившей имя Анастасии[12]. После этого Иван Данилович пришел с войском в Торжок «со всеми князи низовьскыми»[13], свел своих наместников из Новгорода и фактически развязал войну («воюющи волость Новгородцкую»)[14]. Калита был уверен, что помощи новгородцам ждать неоткуда – литовцев связал династический союз. Не имея сил противостоять коалиции московского князя, новгородцы поспешили к нему с челобитьем. Но Калита не принял новгородских послов и уехал из Тор-

[7] НПЛ. С. 336.

[8] Там же. С. 337.

[9] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 150.

[10] НПЛ. С. 344. В Воскресенской летописи, видимо, ошибочно: «сребра Закаменьское» (ПСРЛ. Т. 7. С. 203).

[11] ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 10. М., 2000. С. 206.

[12] ПСРЛ. Т. 7. С. 204.

[13] НПЛ. С. 345. В Никоновской летописи: «со всеми князи и со мъногою силою идее въ Торжекъ ратью» (ПСРЛ. Т. 10. С. 206).

[14] ПСРЛ. Т. 7. С. 204. В НПЛ: «теряя волость новгородчкую» (НПЛ. С. 345).

жка. Сам новгородский архиепископ отправился вдогонку, предлагая московскому князю в Переяславле 500 рублей, но Иван Калита вновь новгородцев «не послуша»[15]. По возвращении в Новгород архиепископ Василий тут же отправился в Псков, чего не было уже 7 лет. Новгород стремился срочно укрепить свое положение. В Пскове скрывался тверской князь Александр Михайлович, в 1327 г. примкнувший к антитатарскому народному восстанию.

Выступление Новгорода против Орды становилось очевидным. Это и отказ от выплаты дани с части владений, и союз с пособником врагов Орды Псковом (псковичи приняли владыку «с великою честью», и он крестил сына тверского князя Михаила[16]). Почувствовав политическую конъюнктуру, к новгородцам обратился литовский князь Наримонт Гедиминович. Вскоре он «приеха» в Новгород «на пригороды, что ему ркли въ Литве»[17]. Литовский князь получил «Ладогу, и Ореховыи, и Корельскыи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отцину и в дедину, и его детем»[18]. Фраза летописца «что ему ркли въ Литве» намекала на события 1331 г. Тогда шедший на поставление в архиепископы из Новгорода в Волынскую землю[19] Григорий Калика (после пострижения – Василий)[20] вместе с несколькими боярами был «на миру» схвачен Гедимином и вынужден пообещать сыну литовского князя Нариманту новгородские пригороды «въ вотчину и в дедину и его детемъ»[21]. Союз Новгорода с Литвой был, таким образом, вынужденным.

Впрочем, и отношения с Псковом не были безоблачными. Еще совсем недавно (1331 г.) псковичи («възнесшеся высокоумиемъ своимъ») с князем Александром Михайловичем, поддержанные литовскими князьями, старались поставить себе епископа (Арсения), отправив весьма представительную делегацию к митрополиту[22]. «Арсений жид со Пъсковичи» был посрамлен митрополитом и возвратился ни с чем[23]. Нового же новгородского архиепископа пытались схватить литовцы,

[15] НПЛ. С. 345; *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. 5, 6. М., 1996. С. 87.

[16] НПЛ. С. 345; ПСРЛ. Т. 10. С. 206.

[17] ПСРЛ. Т. 7. С. 203. См. также: ПСРЛ. Т. 10. С. 206. В. Н. Татищев пишет о том, что новгородцы сами позвали литовского князя («позван новгородцами») и «прияша его с радостию». (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 5, 6. С. 87).

[18] НПЛ. С. 346.

[19] Митрополит Феогност находился в то время в Волынской земле, во Владимире Волынском (ПСРЛ. Т. 10. С. 203; НПЛ. С. 343; ПСРЛ. Ермолинская летопись. Т. 23. СПб., 1910. С. 141).

[20] НПЛ. С. 342–343. Прежний новгородский архиепископ Моисей по своей воле постригся в монахи (НПЛ. С. 342).

[21] ПСРЛ. Т. 7. С. 203. См. также: ПСРЛ. Т. 10. С. 204.

[22] НПЛ. С. 343; ПСРЛ. Т. 15. С. 233.

[23] ПСРЛ. Т. 15. С. 233. Менее экспрессивно см.: НПЛ. С. 343; ПСРЛ. Т. 10. С. 205.

он откупился от разбойного киевского князя Федора и едва добрался до Новгорода[24]. Отношения с изменившим Псковом, в котором сидел, нарушая традицию и крестное целование Новгороду «из Литовьские руки»[25] тверской князь, были напряженными.

В 1333 г. сложилась коалиция (Новгород, Псков, Литва), которой противостояла Орда и зависимые от нее русские князья. Но противоречия Новгорода и Пскова оказались неразрешимы[26]. Видимо, и союз с Литвой был не в новгородских интересах. В 1334 г. архиепископ Василий ездил к митрополиту во Владимир[27], а последний, вероятно, повлиял на Ивана Калиту, который, вернувшись из Орды, принял новгородских послов и «взяша миръ по старине»[28]. Не случайно новгородский архиепископ еще раз отправился во Владимир к митрополиту Феогносту «со многими дары и съ честію»[29]. Еще одна политическая сила восстановила на время равновесие на политической арене Восточной Европы[30]. Князь Наримант вынужден был уйти в Литву (правда, оставив за собой кормление)[31], а Иван Калита «иде въ Новгородъ на столъ»[32].

В Восточной Европе накануне первого военного столкновения Москвы и Литвы сложилась новая политическая ситуация. Возобновился неизбежный союз Москвы и Новгорода, которому противостояли Псков и Литва. Политическое противостояние вскоре нашло продол-

[24] ПСРЛ. Т. 15. С. 233–234; Т. 23. С. 141. По замечанию Никоновской летописи с архиепископом было 600 человек. И их терроризировал князь Федор, который был с баскаком и малой дружиной всего лишь в 50 человек (ПСРЛ. Т. 10. С. 205). Новгородский летописец факт откупа вовсе умалчивает (НПЛ. С. 344).

[25] Там же. С. 343; ПСРЛ. Т. 15. С. 233.

[26] Уже в 1335 г. новгородцы хотели идти вместе с Иваном Калитой «и со всею Низовьскою землею» на псковичей, но московский князь повел с новгородцами «по любви речь» и отложил поход (НПЛ. С. 346).

[27] Там же. С. 346.

[28] ПСРЛ. Т. 7. С. 204; Т. 10. С. 207.

[29] ПСРЛ. Т. 10. С. 207.

[30] Более вероятно другое объяснение действий Ивана Калиты. Московского князя, очевидно, полностью контролировал хан Узбек, который во время войны с Новгородом прислал «по великого князя Ивана Даниловича» своего посла, призывая первого к себе (Там же. С. 206). Проинструктированный московский князь, вернувшись в Москву, действовал по отношению к Новгороду более миролюбиво. Видимо, Орда, оценив рвение Калиты по выколачиванию дополнительной дани с новгородцев, посчитала ее излишней, так как сближение Новгорода и Литвы были не в татарских интересах.

[31] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. С. 90–91. В 1338 г., когда на новгородские владения напали немцы, новгородцы неоднократно звали его на помощь, но литовский князь не только сам не приехал, но и возвратил в Литву своего сына Александра. При этом наместники литовского князя остались на местах (НПЛ. С. 349).

[32] ПСРЛ. Т. 7. С. 204.

жение в военных действиях. Несмотря на существование мирного договора Новгорода и Литвы, в 1335 г. «воеваша Литва Новоторжьскую волость на миру»[33]. Московский князь, долгое время находившийся в Новгороде, к нападению литовцев как раз прибыл в Торжок[34]. Калита собрал войско из новгородцев и «пожже городке Литовьскыи Осеченъ и Рясну и иных городковъ много»[35].

Осечен и Рясна, а также неупомянутые «литовские городки» относились к Ржевской земле. Сама Ржева, возможно, либо не принадлежала еще тогда Литве, либо не подверглась нападению. Вероятно, Ржева была частью бывшего Торопецкого княжества, став столицей уменьшившегося княжества после присоединения к ВКЛ Торопца[36]. Литовские претензии на Ржеву вполне понятны.

Первый захват Литвой непосредственно Ржевы необходимо, видимо, датировать 1356 г. Летом этого года «Сижского сынъ Иван седее съ Литвою во Ржеве»[37]. Таким образом один из удельных ржевских князей[38], уже лишившийся своих владений (его не называют самого Сижским князем, а всего лишь сыном Сижского князя), был посажен в Ржеву с помощью литовской силы. Но летом 1358 г. войска Волока Ламского (или Твери) и Можайска отбили ранее захваченную литовцами Ржеву[39].

---

[33] НПЛ. С. 347.

[34] Интересно сочетание летописных событий. Иван Данилович прибыл в Торжок, литовцы воевали Новоторжскую волость, великий князь сжег литовские городки (ПСРЛ. Т. 10. С. 207; РЛ. Т. 8. С. 233). Возможно, Литва имела какие-то территориальные притязания к части новгородских земель. Торжок (Новый Торг) находился в совместном управлении Новгорода и Владимира, и можно предположить, что к 1335 г. часть доходов с этого города и его волости стала поступать в ВКЛ. Своим приездом Иван Калита прекратил эти поступления, чем и вызвал военную активность литовцев.

[35] НПЛ. С. 347. При этом Никоновская летопись добавляет, что «убиша тогда Литва много мужей добрыхъ Новогородцкыхъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 207). Это замечание свидетельствует о том, что войско Иван Калита набирал именно из новгородцев. Интересно поведение великого князя после описанного события. Вскоре в Москву были вызваны знатнейшие люди Новгорода («князь великыи позва владыку к собе на Москву на честь, и посадника и тысяцкого и вятших бояръ»). «И владыка Василии ездивъ, и чести великои много видилъ», – добавляет летописец. Очевидно, Иван Калита рассматривал новгородские земли в качестве своей вотчины, а военную помощь новгородцев воспринял с благодарностью.

[36] *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. Из истории Смоленской земли // Russia mediaevalis. T. X. 1. München, 2000. P. 75.

[37] ПСРЛ. Т. 15. С. 66.

[38] Сижка – одна из волостей Ржевской земли. Городок Сижка находился совсем недалеко от Ржевы, при впадении речки Сижки в Волгу.

[39] В Никоновской летописи: «Того же лета (1358 г. – *В. Т.*) Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша» (ПСРЛ. Т. 10. С. 230). В Рогожском

С середины XIV в. литовские владения постепенно приближаются к московским. Достаточно недолгий срок обладания Ржевой (1356–1358 гг.), вероятно, все же помог Ольгерду совершить кое-какие действия по укреплению своего положения в регионе. В 1359 г. «Смольняне воевали Белоую»[40], следовательно, к этому времени город Белая был уже в составе ВКЛ, причем, как видно из летописной заметки, отвоевать Смоленскому княжеству свои бывшие владения не удалось. В качестве ответной меры в том же году великий князь литовский Ольгерд напал на Смоленск, захватил Мстиславль («а Литвоу свою въ немь посадилъ»), а затем зимой послал сына Андрея на Ржеву и вновь отвоевал ее[41]. Видимо, Ольгерд стремился основательно закрепиться в таком стратегически важном пункте, как Ржева, поэтому в 1360 г. сам приезжал «Ржевы смотрит[ь]»[42].

Укрепившись в районе верховий Волги, Двины и Днепра, литовские князья посчитали возможным повести дальнейшее наступление на соседние земли. Так, зимой 6869 (1361/1362) г. «литва волости Тферьскыи имали»[43]. Вероятно, пострадали волости тверского удельного князя Михаила Александровича Микулинского, так как вскоре именно он «ездилъ въ Литву о миру и взялъ миръ съ Олгердомъ»[44]. Владения князя Михаила Александровича тогда находились сравнительно далеко от границы с ВКЛ, однако вскоре нападению подвергся и бывший Холмский удел, занимавший пограничную западную часть Тверского княжества. В 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий, очевидно, из Ржевы, напал на близлежащие тверские волости Хорвач и Родню[45]. Однако сразу же за литовским нападением последовал поход серпуховского удельного князя Владимира Андреевича на Ржеву и захват ее («...князь Андреи Олгердовичь[ь] Полотьскыи воевалъ Хорвачь и Родню, а князь Володимеръ Андреевичь ходилъ ратию да взялъ Ржеву, а литву отъпустилъ изъ города»)[46]. Через восемь лет опять тот же князь Владимир Андреевич пытался завоевать для Москвы Ржеву, но неудачно[47]. Следовательно, до 1376 г. город вновь перешел к ВКЛ. По

летописце: «Того же лета (1358 г. – *В. Т.*) Волотьская рать да Можаиская взяли Ржевоу, а Литвоу выслали вонъ» (ПСРЛ. Т. 15. С. 68).

[40] Там же. С. 68.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 69.

[43] Там же. С. 72.

[44] Там же. С. 73 (1462/1463 г.).

[45] Там же. С. 81. О принадлежности волостей Хорвача и Родни к Твери см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 148.

[46] ПСРЛ. Т. 15. С. 81.

[47] Трехнедельная осада не дала результата. См.: Там же. С. 100.

мнению В. А. Кучкина, это произошло до лета 1372 г.[48] В 1390 г. согласно летописной заметке Ржева вместе с Волоком Ламским была передана великим князем Василием Дмитриевичем в удел все тому же Владимиру Андреевичу[49]. Как доказал В. А. Кучкин, вновь в руках Москвы Ржева оказалась до 1386 г., а скорее всего в 1381–1382 гг., когда великим князем литовским на время стал Кейстут – сторонник дружеских отношений с Москвой[50]. Существование московско-литовского договора, относящегося ко времени правления в Литве Кейстута (1381–1382), видно из анализа мирного договора 31 августа 1449 г. между Василием II Темным и Казимиром IV[51]. Московско-литовское соглашение 1381 или 1382 г. касалось непосредственно ржевских земель и регулировало отношения московской и литовской сторон в регионе, на то время являвшемся единственным местом соприкосновения московских и литовских владений. По мысли В. А. Кучкина, переход Ржевы к Москве был «следствием тех изменений сил в Восточной Европе, которые вызвала победа Дмитрия Донского над Мамаем в битве на Куликовом поле»[52].

Однако не все ржевские волости стали московскими. Как следует из договора 1449 г., волость Осуга осталась в правлении волостелей великого князя Кейстута («А которыи места волостили веда[ли] Осугу пры великом князи Кестутьи, и твоим волостелемъ по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не вступатисе»)[53]. Территория волости, очевидно, занимала пространство вдоль р. Осуги, впадающей в Вазузу вблизи от впадения последней в Волгу. С востока волость соседствовала с владениями Фоминско-Березуйского княжества, а с севера – тверскими землями.

Ржева находилась в составе Московского княжества до конца XIV в. В 1399 г., вероятно благодаря деятельности Орды, перед которой воз-

[48] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 152; *Он же.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980. С. 76, 91–93.

[49] ПСРЛ. Т. 15. С. 128. До нас дошел договор между Василием I и Владимиром Андреевичем Серпуховским, в котором серпуховский князь жаловался Волоком и Ржевой с волостями (ДДГ. № 13. С. 37). Великий князь московский не был уверен в обладании Ржевой, а потому внес в договор специальную статью, оговаривавшую случай потери города: «А ци какимь деломь отойметься от тобе Ржева, а дати ми тобе во Ржевы место Ярополчь и Медуши. А искать ны Ржевы, а тобе с нами с одиного; а найдем Ржеву, и Ржева тобе, а волости наши нам» (ДДГ. № 13. С. 38; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. С. 81).

[50] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 152.

[51] Там же.

[52] Там же.

[53] ДДГ. № 53. С. 160–161.

никла опасность со стороны сил Витовта и изгнанного с сарайского престола Тохтамыша, «съединишася Русстии князи вси за единъ»[54]. Тогда же московский и тверской великие князья Василий Дмитриевич и Михаил Александрович «покрепиша миру»[55]. Первым же их шагом было объявление войны Витовту («Того же лета послаша князи Русстии грамоты разметныи к Витовъту»)[56]. И вот вскоре, 12 августа в битве на р. Ворскле Витовт с Тохтамышем были разгромлены ордынским «царем» Темир-Кутлуем[57]...

Чтобы привлечь к союзу извечного московского врага и литовского союзника тверского Михаила Александровича, московский великий князь, несомненно, должен был пойти на уступки. Основываясь на ряде источников, В. А. Кучкин доказал, что такой уступкой были ржевские земли[58]. Таким образом, в 1399 г. Ржева стала тверским владением и вскоре была завещана Михаилом Тверским старшему сыну Ивану[59].

В тверской власти Ржева побыла недолго. Уже в начале XV в. ей распоряжались как своим владением московские князья. По договору Василия Дмитриевича и удельного князя серпуховского Владимира Андреевича Волок Ламский и Ржева с волостями возвращались старшему московскому князю, побывав до этого в руках серпуховского[60]. По мнению историков, договор был заключен в 1401–1402 гг.[61] или к лету 1404 г.[62] До этого времени по неизвестной причине Тверь лишилась Ржевы.

В 1408 г. в Москву перешел младший сын Ольгерда Свидригайло – противник Витовта. Василий Дмитриевич, получив козырь в борьбе с ВКЛ, предоставил Свидригайло наместничества во многих землях

---

[54] ПСРЛ. Т. 15. С. 133. Авторское мнение, отраженное в данной работе, не согласуется с утверждением В. А. Кучкина, считавшего, что опасность со стороны Витовта и ордынского экс-хана Тохтамыша грозила русским князьям (*Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 153).

[55] ПСРЛ. Т. 15. С. 133. Как убедительно доказал В. А. Кучкин, московско-тверской договор был заключен между 10 февраля и 12 августа 1399 г. (*Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 153). Текст договора, в котором, правда, отсутствует упоминание Ржевы, см.: ДДГ. № 15. С. 40–43.

[56] ПСРЛ. Т. 15. С. 133.

[57] Там же.

[58] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 153.

[59] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 388; Т. 5. С. 252.

[60] ДДГ. № 16. С. 43.

[61] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1948. С. 68–69.

[62] *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 155.

Московской Руси (Владимире, Переславле, Юрьеве Польском, Волоке Ламском), отдав ему и Ржеву[63].

Но недолго владел литовский княжич Ржевой. Вскоре Василий I пожаловал ее (вместе с Волоком) Владимиру Андреевичу, обязанному организовывать оборону западных границ Москвы[64], однако вскоре забрал ее обратно и передал младшему брату Константину[65]. В 1419 г. Василий I отнял у Константина его вотчину, но в 1425 г. уже Василий II опять присоединил Ржеву к владениям младшего сына Дмитрия Донского[66]. В 1433 г. князь Константин умер, и в 1434 г. Ржева в качестве награды за помощь Василию II перешла к Дмитрию Шемяке[67].

Таким образом, долгое время Ржевская земля принадлежала московским удельным князьям.

В 1446 г. за обещание помощи в борьбе за московский престол Василий II Темный передал Ржеву великому князю тверскому Борису Александровичу (Василий Темный «князю великому Борису Александровичу далъ Ржеву»[68], тверскую «прадедину», которую «досягли были наши братиа, великие князи московские»[69]). Однако из-за сопротивления самих ржевичей тверскому правителю удалось взять город только после трехнедельной осады (в начале весны 1447 г.)[70]. А вскоре Ржевой завладели литовцы (4 февраля 1448 г.)[71]. Назревала крупномасштабная война, неожиданно закончившаяся заключением мирного договора. Король польский и великий князь литовский Казимир отказался от притязаний на Ржеву («А што былъ еси взялъ подо мною [великим князем тверским Борисом Александровичем] Ржову, буда со мною не в любви, и я тебе [короля и великого князя Казимира], и великого князя [Василия Темного?], перепросил, с тобою взял любов(ь), и

[63] ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 11. М., 2000. С. 204.

[64] Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. II. (XIV–XV вв.). М., 1953. С. 224.

[65] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. Т. 4. М., 1993. С. 513. По мнению С. Герберштейна, именно с того времени за Ржевой надолго сохранилось название Володимеровой, в память о владении ею Владимиром Серпуховским (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 329).

[66] ДДГ. № 34. С. 87.

[67] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 71.

[68] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

[69] *Лихачев Н. П.* «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» // Памятники древней письменности и искусства. 1908. Вып. CLXVIII. С. 54.

[70] Там же. С. 50; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 122.

[71] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 494. О датировке см.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Прим. 179. С. 342.

ты ся Ржовы мне отъступилъ»)[72]. При этом в договоре было упомянуто существование ржевских границ («А рубежъ Ржове и Ръжовъскимъ волостемъ по старыне»)[73]. Очевидно, таким образом было обозначено наличие линии соприкосновения ржевской территории и с литовскими владениями.

Впрочем, Ржева недолго оставалась тверским владением. 31 августа 1449 г. в литовско-московском договоре она, без упоминания недавней принадлежности, была уверенно записана за Москвой. И именно тогда, в грамоте о союзе и «вечном» мире Казимира с Василием Темным, впервые был подробно описан ржевский участок литовско-московской границы. В 1494 г. ржевская граница была еще актуальна (к ней еще подходили владения ВКЛ), и фрагмент с ее описанием был повторен в литовско-московском договоре.

В тексте первой грамоты («Лист перемир(ь)я вечног(о)» 1449 г.) Ржева выносится отдельно после перечисления тех владений Великого княжества Московского, на которые не может претендовать король польский и великий князь литовский Казимир («А тобе, Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому, не въступатисе в мою отчыну, ни во все мое великое княженье, ни в мое братьи молодшое отчыну, и во Ржеву з волостьми...»)[74]. Сразу же за упоминанием Ржевы следует описание пограничной линии (от озера Орлинца до р. Осуги), разделяющей московские и литовские владения.

Во второй грамоте («вечное докончанье» 1494 г.) Ржева фигурирует уже в составе владений младшего брата великого князя московского Ивана III удельного волоцкого князя Бориса Васильевича. После замечания об «отчине» князя Бориса, в которую не следует вступаться великому князю литовскому Александру, вновь упоминается Ржева с волостями и вносится тот же фрагмент с описанием ржевского участка литовско-московской границы, что и в грамоте 1449 г.

Разница в текстах между двумя фрагментами минимальна и она касается в основном небольших искажений в используемых названиях топонимов. Вот сравнительная таблица списков грамот 1449 и 1494 гг.

[72] ДДГ. №. 54. С. 163.
[73] LM. Kn. 5. № 141. P. 258.
[74] ДДГ. № 53. С. 160.

Табл. 3. Ржевская граница в грамотах 1449 и 1494 гг.

Грамота 1449 г. От имени Василия Темного	**Грамота 1449 г. От имени Василия Темного**	**Грамота 1449 г. (Список 1498 г.) От имени Василия Темного**	**Грамота 1494 г. От имени Александра Казимировича**	**Грамота 1494 г. От имени Ивана III**
«...и во Ржеву з волостьми, по озеро по Орлинце наполы, по озеро по Плотинцо, по Красныи борокъ, по Баран(ь)ю речку, на верхъ Белеики, по Белеике на Поникль, с Поникль на верхъ Сижки, з березы на мох, со мху на верхъ Осухи...»[1]	«...и во Ржову з волостьми, по озеро по Орлинцо наполы, по озеро по Плотинъце, по Красныи борокъ, по Баранью речку, по Белике на по на Поникль, с Поникль на веръхъ Сижъки, з Березы на Мохъ, со Моху на веръхъ Осуги...»[2]	«...и во Ржеву з волостьми, по озеро по Орлинце наполы, по озеро по Плотинцо, по Красныи борокъ, по Бараню речку, наверхъ Белеики, по Белеике на Поникль, с Поникль наверхъ Сижки, з Березы на Мох, со Мху наверхъ Осухи...»[3]	«...і во Ржову с волостми, по озеро по Орлинцо наполы, по озеро по Плотинцо, по Краснои Борокъ, по Боран(ь)ю речку, на верхъ Белеики, по Белеику на Поникль, с Поникли на верхъ Сижки, з березы на мох, со мху на верхъ Осуги...»[4]	«...и во Ржову з волостьми, по озеро по Оръ-линъцо наполы, по озеро по Плотинъцо, по Красныи Борокъ, по Боранъю речку, наверхъ Белеики, по Белеику на Поникль, с Поникли наверхъ Сижки, з Березы на Мох, со Мху наверхъ Осуги...»[5]

Примечания к таблице
[1] ДДГ. № 53. С. 160.
[2] LM. Kn. 5. № 136. С. 252.
[3] Ibid. № 78.1. P. 131–132.
[4] ДДГ. № 83. С. 329.
[5] LM. Kn. 5. № 78.2. P. 134.

Существенна вариативность в написании только трех географических объектов: Ржева – Ржова, Орлинце – Орлинцо, Осуха – Осуга. Возможно, между списками грамот происходила определенная корректировка названий в сторону их соответствия более традиционному на тот момент написанию. В случае с Осухой первой грамоты возможна простая описка. Не последнюю роль сыграла также интерпретация текста издателями данного источника.

Обращает на себя внимание подход к публикации рассматриваемого фрагмента грамот. Так, Л. В. Черепнин, видимо, понимал под фразой грамоты «з березы на мох» прохождение линии границы через березовую рощу и болото. Э. Банионис, подготовивший к печати 5 книгу Литовской метрики, был, возможно, более знаком с местностью и обозначил «Березу» и «Мох» с заглавных букв, считая их, очевидно, названиями каких-то географических объектов. Однако следует скорректировать оба варианта написания. Между верховьями рек Сишка и Осуга,

действительно, протекает р. Береза (приток Межи), но «мох» – это обычное обозначение болота (см., например, названия болот в районе прохождения ржевской границы: Шиловский Мох, Яшкин Мох, Ямский Мох, Дерзкий Мох, Демиховский Мох, Мухояровский Мох и т.д.[75]).

Спецификой описания ржевского участка литовско-московской границы является использование почти исключительно водных объектов (гидронимов) без перечисления близлежащих населенных пунктов (ойконимов) с единичным упоминанием микротопонима (Красный борок). Возможно, подобный характер описания границы свидетельствует о том, что в регионе, близком к границе, вовсе не было поселений. В рассматриваемом фрагменте не указаны даже волости, к которым тяготели земли по сторонам от линии границы и, что вызывает удивление, не сориентировано расположение литовских и московских владений. (Ср. с формулировками одной из разъезжих грамот: «направе земля от реки от Клязьмы Вохонские волости до Селенские волости, а налеве земля Володимерскаа Сенежские волости»[76]; или более близкой по местности разводной грамотой: «направе – земли и воды великаг(о) кн(я)зя, Новугородские, Лопастицкои волости, Аркажа монастыря, а налеве – земли и воды кн(я)жы Борисовы Васил(ь)евич(а), Ржевскіе, Вселуцкои волости»[77]).

Тем не менее именно такой характер описания ржевского участка литовско-московской границы (с приоритетом в использовании гидронимов) позволяет в настоящее время уверенно провести линию древней границы. Практически все упомянутые в рассматриваемом фрагменте грамот реки и озера локализуются на картах XVIII–XIX вв.

В качестве географических ориентиров, составляющих опору при реконструкции границы, служат следующие названия географических объектов: озеро Орлинцо (современное Орлинское), озеро Плотинцо (к югу от оз. Орлинского протекает речка Плотиченка, в настоящее время впадающая в оз. Тиницкое)[78], Красный борок (лиственный лес, очевидно, южнее речки Плотиченки[79]), Баранья речка (современная

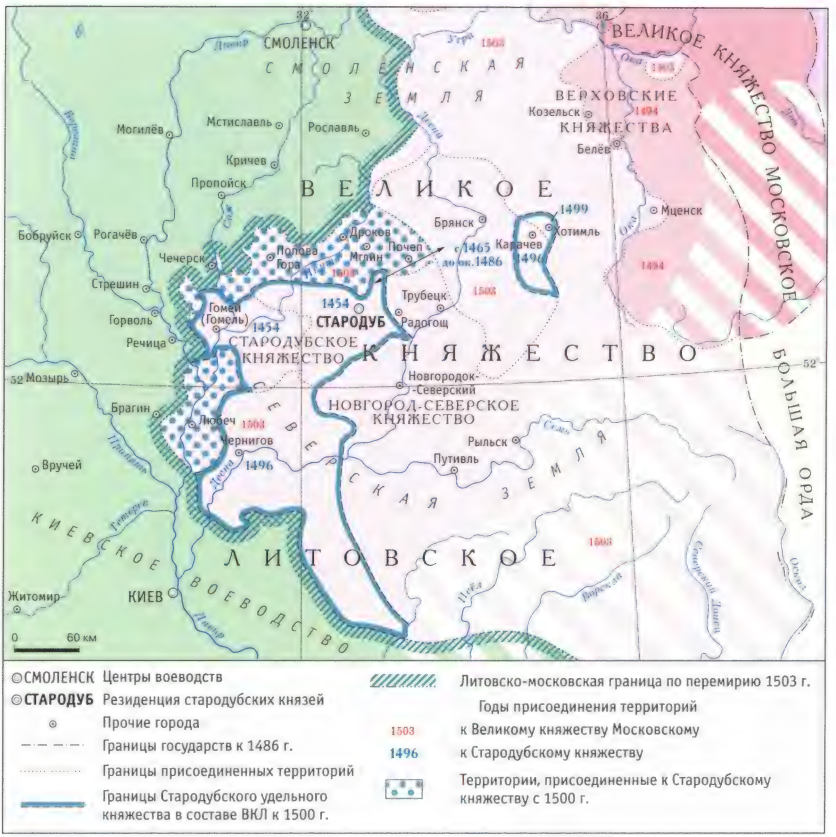
[75] Тверская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. М., 1992. С. 37, 51.

[76] АФЗХ. Ч. 1. № 217. С. 191.

[77] ДДГ. № 77. С. 292.

[78] Судя по карте Тверской губернии А. И. Менде, р. Плотиченка впадала не в оз. Тиницкое (его не существовало), а в оз. Орлинское, то есть вообще текла в противоположном направлении! Характерно, что р. Плотиченку по сведениям той же карты необходимо отождествить с современной Орлинкой. Плотиченка же, в настоящее время огибающая оз. Орловское и впадающая в оз. Тиницкое, на карте 1850 г. не обозначена (Межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848–1849 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб: в 1 дюйме – 2 версты. S:W:A:3).

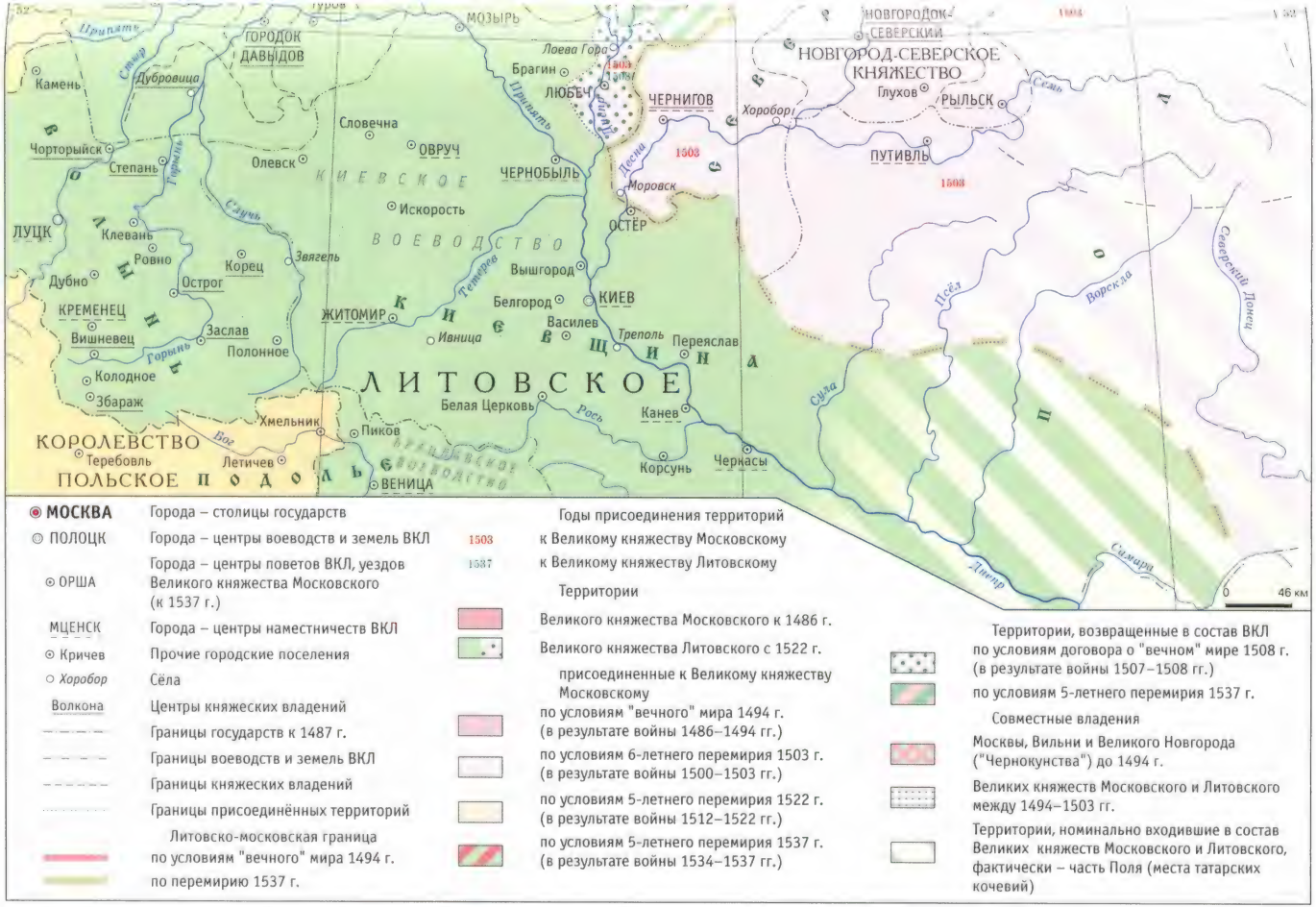
[79] На карте Тверской губернии А. И. Менде посреди значительного леса на поляне обозначена д. Красная, вполне возможно своим названием указывающая



Карта 1. Восточная граница ВКЛ в конце XV – начале XVI в.

ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
РИГА
Кокенгаузен
Розитен
Динабург
ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
Остров
1510
ВОРОНОЧ
ВЕЛЬЕ
ОПОЧКА
РЖЕВА ПУСТАЯ
1494
Холм
Данково
Столпно
Дубно
Казарина
ТОРОПЕЦ
1503
Острея
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ
Заволочье
1537
Себеж
Непоротовичи
Неведра
Пуповичи
Жижицы
Морева
оз.Селигер
Волга
Ловать
Двина
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ
ТОРЖОК
ТВЕРЬ
СТАРИЦА
Микулин
Клин
ДМИТРОВ
РЖЕВА ВОЛОДИМЕРОВА
ЗУБЦОВ
Волок-Ламский
ЗВЕНИГОРОД
РУЗА
Москва
Клязьма
МОСКВА
МОЖАЙСК
ВЕРЕЯ
Кременеск
БОРОВСК
МАЛЫЙ ЯРОСЛАВЕЦ
СЕРПУХОВ
Ока
МЕДЫНЬ
Таруса
КАЛУГА
Алексин
Любутск
Волкона
ТУЛА
БЕЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО
БЕЛАЯ
Верховье
Большево
Хлепень
ВЯЗЕМСКОЕ КНЯЖЕСТВО
Бывалицы
Жилин
ВЯЗЬМА
Козлов
Ореховна
Негодин
СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Щучья
Ветлица
1522
Поречье
Буйгородок
Свадица
Каспля
Прость
Днепр
СМОЛЕНСК
ДОРОГОБУЖ
Лучин
Дмитров
Опаков
Быковичи
Лычино
Угра
Мосальск
Серпейск
МЕЗЕЦК
Демена
Дегна
Фоминичи
Воротынск
Перемышль
ВЕРХОВСКИЕ КНЯЖЕСТВА
КОЗЕЛЬСК
Устье
БЕЛЁВ
ОДОЕВ
Катынь
Ельня
Белик
Рославль
Десна
Жерынь
Пацин
Всеславль
Орла
Кцин
Хотетово
МЦЕНСК
Новосиль
БРЯНСК
Хотимль
КАРАЧЕВ
Дроков
Мглин
Почеп
ТРУБЧЕВСК
ПОПОВА ГОРА
Ипуть
СТАРОДУБ
РАДОГОЩ
СТАРОДУБСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ГОМЕЙ (ГОМЕЛЬ)
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
Упита
Вилькомир
Гедройцы
Кернава
ТРОКИ
ВИЛЬНА
Свирь
Поставы
Дрисвяты
Друя
Браслав
Освея
Дриса
Лисно
Нища
Кубок
Невель
Озерище
Усвят
ВЕЛИЖ
Ситно
ПОЛОЦК
Двина
ПОЛОЦКОЕ ВОЕВОДСТВО
Илемница
ВИТЕБСКОЕ ВОЕВОДСТВО
ВИТЕБСК
Черсвяты
Микулин
Лепель
Сенно
Любавичи
Лукомль
ОБОЛЬЦА
ОРША
Дубровна
Романово
Горы
Хотславичи
Долгиново
Вилия
Молодечно
Крево
Ошмена
Гольшаны
Логойск
Желслав
МЕНСК
Борисов
Друцк
Копысь
Мстиславль
Радомль
Кричев
Березина
Княжичи
Могилёв
Днепр
ЛИДА
Нёман
НОВОГОРОДОК
ВИЛЕНСКОЕ ВОЕВОДСТВО
Игумен
Любошаны
Быхов
Пропойск
Сож
Дворец
Ишкольдь
Несвиж
Птичь
Свислочь
Бобруйск
Рогачёв
Чечерск
ВОЛКОВЫЙСК
Слоним
Шара
Копыль
Клецк
Слуцк
Глуск
НОВОГОРОДСКОЕ ВОЕВОДСТВО
ТРОКСКОЕ ВОЕВОДСТВО
Вядо
Здитов
Стрешин
Горволь
Речица
ПИНСК
Туров
24
28
32
36
56

во второй половине XV – первой трети XVI в.



- МОСКВА — Города – столицы государств
- ПОЛОЦК — Города – центры воеводств и земель ВКЛ
- ОРША — Города – центры поветов ВКЛ, уездов Великого княжества Московского (к 1537 г.)
- МЦЕНСК — Города – центры наместничеств ВКЛ
- Кричев — Прочие городские поселения
- Хоробор — Сёла
- Волкона — Центры княжеских владений
- Границы государств к 1487 г.
- Границы воеводств и земель ВКЛ
- Границы княжеских владений
- Границы присоединённых территорий
- Литовско-московская граница по условиям "вечного" мира 1494 г.
- по перемирию 1537 г.

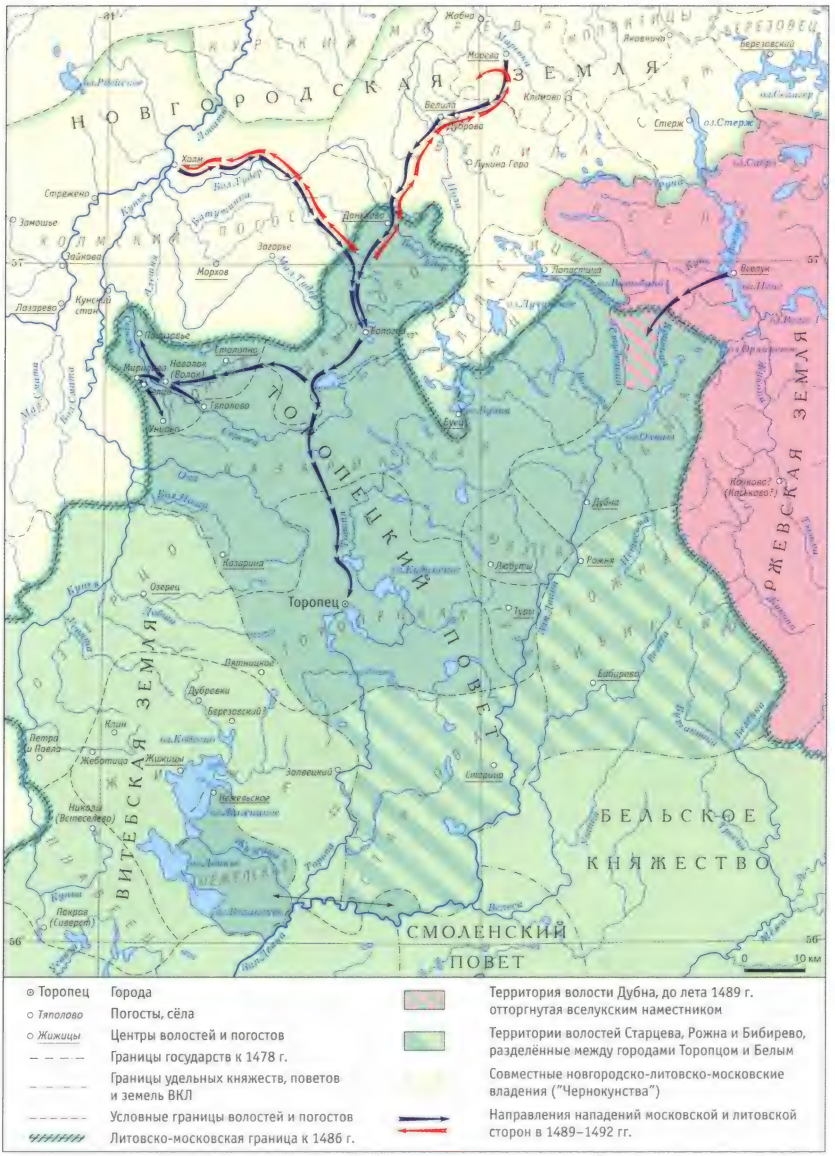
Годы присоединения территорий
1503 к Великому княжеству Московскому
1537 к Великому княжеству Литовскому

Территории
- Великого княжества Московского к 1486 г.
- Великого княжества Литовского с 1522 г.
- присоединенные к Великому княжеству Московскому
- по условиям "вечного" мира 1494 г. (в результате войны 1486–1494 гг.)
- по условиям 6-летнего перемирия 1503 г. (в результате войны 1500–1503 гг.)
- по условиям 5-летнего перемирия 1522 г. (в результате войны 1512–1522 гг.)
- по условиям 5-летнего перемирия 1537 г. (в результате войны 1534–1537 гг.)

- Территории, возвращенные в состав ВКЛ по условиям договора о "вечном" мире 1508 г. (в результате войны 1507–1508 гг.)
- по условиям 5-летнего перемирия 1537 г.
- Совместные владения Москвы, Вильни и Великого Новгорода ("Чернокунства") до 1494 г.
- Великих княжеств Московского и Литовского между 1494–1503 гг.
- Территории, номинально входившие в состав Великих княжеств Московского и Литовского, фактически – часть Поля (места татарских кочевий)

Карта 3. Московско-литовская война 1486–1494 гг.

Карта 4. Ржевская земля во второй половине XIV в.

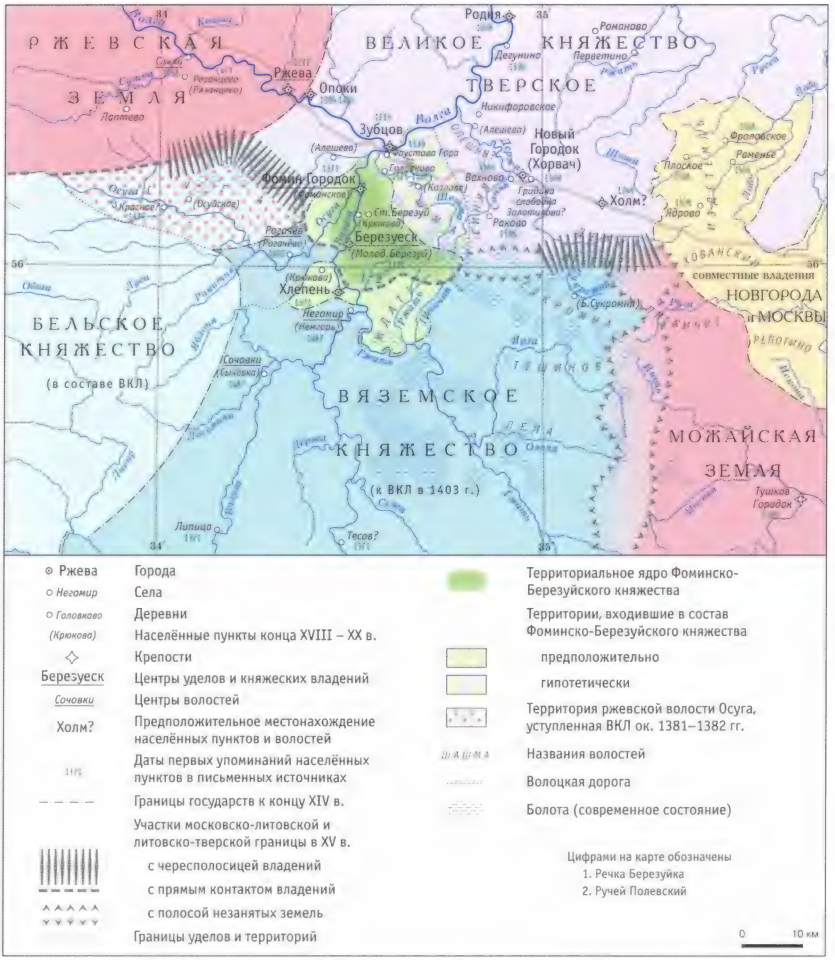


Карта 5. Торопецкий повет в конце XV в.

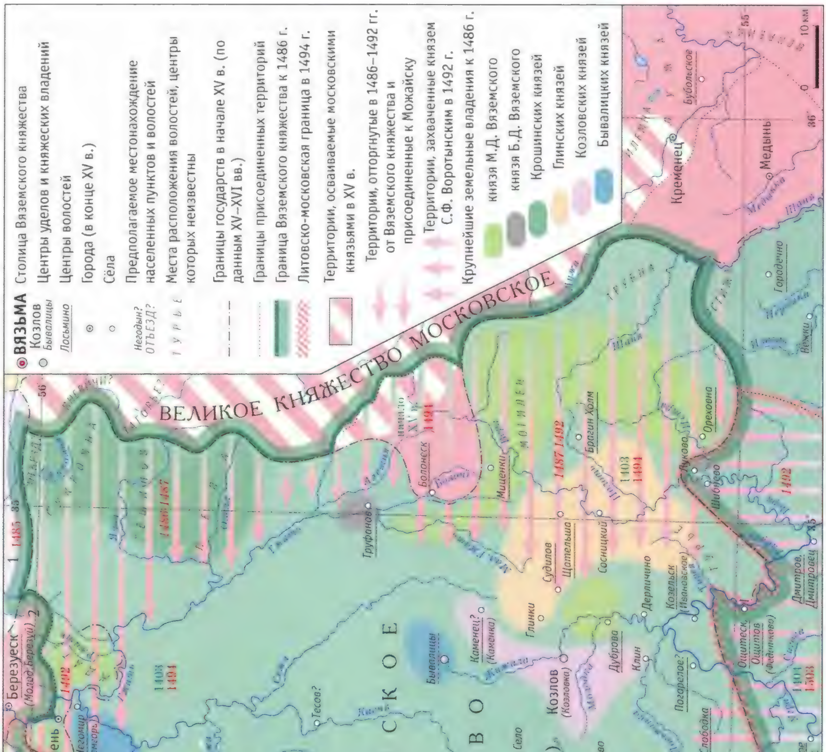
Карта 6. Ржевский участок московско-литовской границы во второй половине XV в.

Карта 7. Великое княжество Тверское и его соседи в XIII–XV вв.

Карта 8. Литовско-тверская граница во второй половине XIV – начале XVI в.



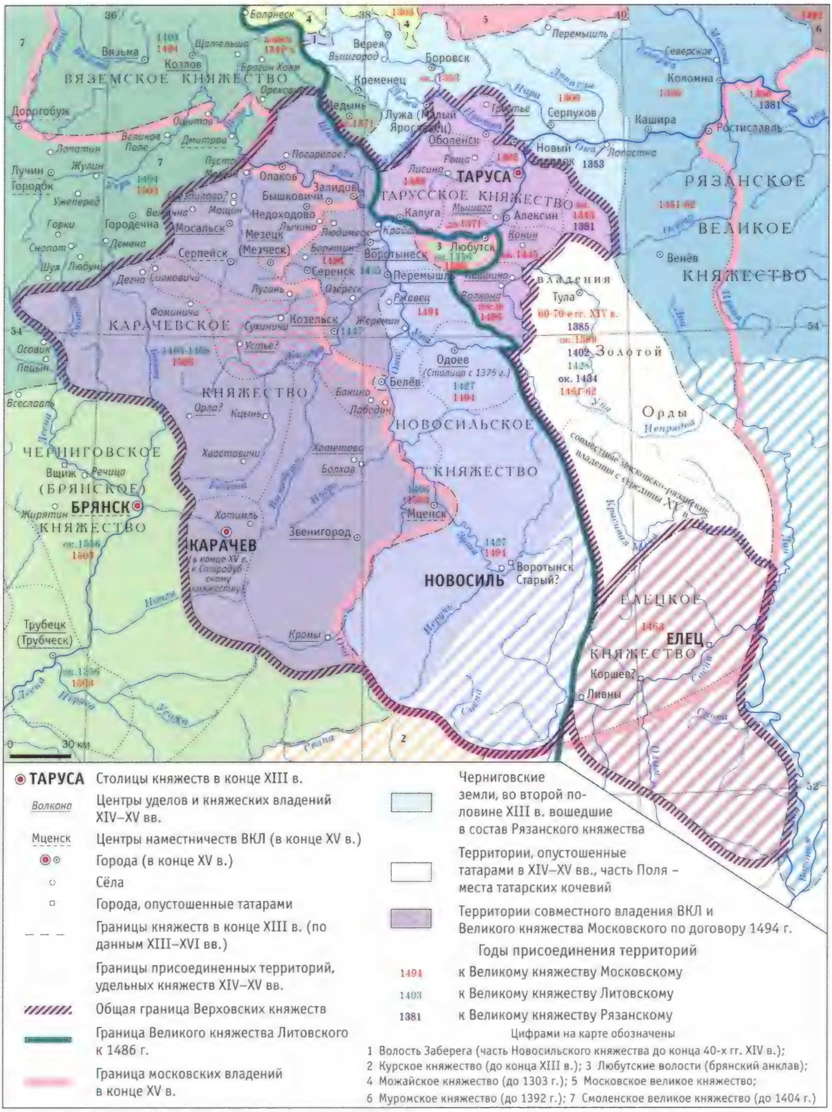
Карта 9. Фоминско-Березуйское княжество на литовско-московско-тверском пограничье в конце XIV–XV в.



Карта 10. Вяземское княжество в XV в.

Карта 11. Поугорье в XV в.

Опаков Города
Шибнево Села
(Рупосово) Современные населённые пункты
Укрепления в населённых пунктах
Козлов Центры уделов и княжеских владений
Ощитов Центры волостей
Вежична? Предположительное местонахождение населённых пунктов
Границы государств в начале XV в.
Литовско-московская граница в 1494 г.
Границы уделов и территорий
ВЕЖКИ Названия волостей
Дороги Броды Паромы
0 10 км
Коржань
Верея
Вышгород
Илемны (Троицкое)
Бенитцкое
Кременец
Бубольское
Медынь
Маковцы
Товарково
Залидов
Людимеск
Крайшино (Спас)
Воротынеск
Логинеск
Перемышль
Калуга
Оболенск (Оболенское)
Почеп
Рощa
Лисино
Таруса
Мышага
Алексин
Любутск
Коропа (Коробки)
Конин
Павшино
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
НОВОСИЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ВОЛКОНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ОСНОБЕЦ
ВЕРЕЯ
ВЫШГОРОД
ИЛЕМНА
ДУБНА
ЛУЖА
СУШОБ
БУБОЛ
ГОРДОШЕВИЧИ
ВЕПРЕЙКА
ЛОКНА
СЕТУНКА
ЛИСИН
ПЕРЕСВЕТОВА КУПЛЯ
МЫШЕГА
КОНИН
ХОЛХЛ
ГОВЕНЦЕ?
Кнутова Дуброва?



Карта 12. Верховские княжества в конце XIII – начале XVI в.

Карта 13. Московско-литовская война 1486–1494 гг.

Карта 14. Можайская земля в XIV–XV вв.

речушка Баранька, левый приток Жукопы)[80], Белейка (правый приток р. Межа), Поникль (современная речка Паникля, левый приток Межи, чуть выше по течению от устья рч. Белейки), Сижка (в современном написании речка Сишка, но, видимо, более древний вариант именно Сижка – так назывался волостной центр, «литовский» городок в устье р. Сишки, а также от названия городка именовался князь Сижский), Береза (как и Паникля – левый приток Межи, но значительно ниже по течению последней), мох (очевидно, болото между реками Березой и Осугой) и, наконец, Осуга (левый приток Вазузы)[81]. Упоминание озер и верховий (точнее «верхов», то есть истоков) рек позволяет наметить контрольные точки прохождения линии границы. В остальных случаях подразумевается следование границы на каком-то расстоянии вдоль течения рек и через лесное и болотистое пространство. На карте Тверской губернии, составленной по материалам Генерального межевания А. И. Менде в середине XIX в. (в 1 дюйме 2 версты или в 1 см 840 метров), мы находим все локализованные географические объекты, а также можем предположить местонахождение Красного борка севернее или вокруг деревни Красной (к востоку от оз. Охват). Судя по карте, речка Плотиченка еще в середине XIX в. впадала в Орлинское озеро.

Таким образом, в общем плане, ржевская граница шла к югу от оз. Орлинца, через оз. Плотинцо, минуя Красный борок, поворачивала к юго-востоку на Баранью рч., затем переходила в том же направлении к истоку рч. Белейки, двигаясь по Белейке, отрывалась от нее и переходила к востоку на рч. Паниклю, от последней двигалась к востоку и юго-востоку к истоку р. Сижки, затем касалась р. Березы и поворачивала на восток к верху р. Осуги, у которой заканчивалось описание ржевской границы.

После фиксирования на карте всех упомянутых в рассматриваемом фрагменте двух договорных грамот географических ориентиров и обозначения общего направления прохождения границы становится понятно, что для точного проведения ее на карте (а тем более в реальных условиях на местности) имеющиеся данные являются недостаточными.

Прежде всего, остаются большие пространства, провести через которые линию границы можно лишь условно. Например, отрезок между

на расположение Красного бора. Место деревни – восточнее оз. Охват и южнее оз. Орлинского (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб: в 1 дюйме – 2 версты. S:W:B:3).

[80] Предположение Л. А. Бассалыго и В. Л. Янина о возможном созвучном названии д. Баранкиной с якобы безымянной речкой, у устья которой она расположена, оказалось верным (*Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. С. 208).

[81] Тверская область. Топографическая карта. С. 37, 38, 51, 52 и др.

оз. Орлинским и рч. Баранькой вызывает много вопросов. Находящиеся между ними оз. Плотинцо и Красный Борок уверенно не локализуются, но, кроме того, линия границы могла пересекать несколько речек, достойных упоминания в грамоте, по крайней мере, потому, что они значительно крупнее Бараньки. Та же ситуация возникает и между речками Баранькой и верхом Белейки. Между Паниклей и верхом Сишки также возможно пересечение притоков Березы и Тудовки.

Далее, неизвестно, какое расстояние по рекам шла граница. Так, неясно, где ее линия отрывалась от р. Белейки и переходила к Паникле. Она должна была либо пересечь р. Межу, правым и левым притоками которой соответственно были Белейка и Паникль, либо, отойдя от Белейки перейти прямо к устью р. Поникли. Сразу «по Белейке на Поникль» перейти невозможно. К верху Сишки граница переходила, следуя некоторое расстояние по р. Паникль. Вероятно, это должно было произойти в том месте, где течение рч. Паникль резко поворачивает с северо-запада на юго-запад.

Кроме того, ржевская граница ведет свое начало и внезапно обрывается без обнаружения стыков с соседними территориальными образованиями и обозначения связей с другими участками литовско-московской границы.

Начало границы отмечается от оз. Орлинца (совр. Орлинское). При этом можно с уверенностью говорить о том, что от него не начинался ржевский участок литовско-московской границы и вообще не здесь встречались владения ВКЛ и Великого княжества Московского. Территория ржевской волости Вселук простиралась и далее к северу и даже северо-западу от оз. Орлинца. Также севернее с той же Вселуцкой волостью смыкались земли новгородских волостей Лопастицы, Велила и Стерж[82]. Очевидно, на пространстве к северо-западу от оз. Орлинца до границы новгородских и ржевских земель должна была продолжаться литовско-московская граница. Таким образом, получается, что грамоты фиксируют ржевский участок литовско-московской границы не с самого его начала.

Правда, вполне вероятна ситуация неосвоенности территории, на которой должны были приходить в соприкосновение владения трех государств (Великий Новогород, ВКЛ и Великое княжество Московское). Местность между оз. Орлинцом и р. Кудь до сих пор заболочена. Непосредственные, освоенные владения ВКЛ могли выходить только к озеру Орлинцу (не случайно он делится пополам с Великим княжеством Московским), к северо-западу же от него находились незанятые земли.

[82] *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы. С. 198–199.

Вообще, весь рассматриваемый регион являлся частью древнего Оковского леса – огромного лесного пространства, охватывавшего верховья рек Западная Двина, Днепр и Волга и представлявшего в связи с этим интерес здешними волоками, связывавшими важнейшие торговые пути между морями Балтийским, Черным и Каспийским[83]. Один из волоков как раз и проходил в районе оз. Орлинца. Он соединял реки Западную Двину и Волгу через оз. Охват и ручей Двиницу с одной стороны и р. Жукопу (возможно, и Плотиченку) со стороны Волги. Возникновение границы в районе волока представляется вполне естественным явлением.

Вполне вероятно, что здесь или в других местах (например, у р. Бараньки), где ржевские земли недалеко отрывались от р. Жукопы, проходил древний московский рубеж. О его существовании как бы «вспоминает» довольно поздний источник – «Выпись из Новгородских изгонных книг» (1703). Согласно этому документу, сведения которого, по мнению И. А. Голубцова, относятся к концу XVI – началу XVII в.[84], полоцкая дорога составляла «От Торопца до Московского рубежа до Жукопского яму 40 в.»[85]. Ям на р. Жукопе локализовать не удалось, но существует вероятность того, что сухопутная дорога пролегла по направлению древнего водного пути. Кроме того, в районах волоков – точках вынужденной задержки купцов – княжеской администрацией часто устраивались места сбора мыта. Там же формировались границы владений. Позднее свидетельство о московском рубеже у р. Жукопы следует отнести по меньшей мере к самому началу XVI в.[86]

Неопределенность границы к северо-западу от оз. Орлинца создала, видимо, условия проникновения на территорию соседнего государства и захватывать его земли. Известна жалоба 1489 г., представленная великому князю московскому Ивану III литовским послом князем Тимофеем Владимировичем Мосальским, на действия вселукского (ржевской волости Вселук) наместника Василия Давыдовича, захватившего часть торопецкой волости Дубны[87]. В тексте посольской речи дано

[83] *Алексеев Л. В.* «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 5–11; *Он же.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 36–39; *Он же.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 6–8.

[84] *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 285.

[85] Выпись из Новгородских изгонных книг // Там же. С 298.

[86] По словам И. А. Голубцова: «Московский рубеж на Жукопе пропал в 1500 г. – по отвоевании Торопца у Литвы – и никогда более уже здесь не восстанавливался» (*Голубцов И. А.* Пути сообщения... Прим. 1. С. 280).

[87] Прочитана в Москве 23 июля 1489 г., написана 30 мая того же года (СИ-

точное описание пределов территории, которую «отрубил» вселукский наместник. По характеру это описание соответствует рассмотренному выше фрагменту двух грамот, определяющему ржевскую границу. Здесь также отсутствуют какие-либо населенные пункты, указания на волостную или иную территориальную принадлежность, а все описание также состоит в основном из гидронимов (речки, озера и болото) с единичным упоминанием микротопонима – «острова»[88].

Подробное рассмотрение части еще одного источника важно по двум причинам. Во-первых, выявление территории, присоединенной к волости Вселук, позволяет наметить еще один участок ржевской границы к северо-западу от оз. Орлинца и, во-вторых, дает возможность определить место, где сходились три границы: новгородская (с 1478 г. – уже часть московской), литовская и московская. Для периода с XIV в. (тех отрезков времени, когда в составе московских владений находилась Ржевская земля) до присоединения к Москве Новгорода Великого именно в рассматриваемом регионе брала начало литовско-московская граница.

Следует процитировать фрагмент посольской речи князя Тимофея Мосальского, а затем проанализировать его географическую составляющую. Итак, по словам литовского посла: «Наместник князь Васильев Ивановичя, Вселуцкий, Василей Давыдович, отрубил волости нашое Дубны половину земли тыми разы, а врочищи Павиницею речкою на Хороший остров, да у Кривицю, да у Моринцо озеро, да з Маринца озера да в речку Студеницю, Студеницею речкою у озеро Студенец и устья речки Поляницы мхом Студенецким»[89].

Почти все водные объекты локализуются на современной карте, причем, в отличие от предыдущего фрагмента литовско-московских договорных грамот, здесь пределы занятой территории могут быть определены довольно точно.

В посольской речи перечислены следующие топонимы: рч. Павиница (определенно, современная Пайница, приток Орлинки, вытекающей из оз. Орлинского), Хороший остров (возможно, поляна в лесу между рч. Пайницей и Кривицей), Кривица (речка, втекающая в оз. Охват), оз. Моринцо (Маринцо, по течению р. Кривицы), рч. Студеница (приток Кривицы), оз. Студенец (существует два оз. – Большой и Малый Студенец – чуть севернее истока р. Студенец, вероятно раньше было одно озе-

РИО. Т. 35. № 8. С. 34). Сам захват части волости Дубны произошел, возможно, задолго до указанного года.

[88] «Островом» в большинстве случаев называли свободное от деревьев пространство посреди леса. Однако и иная особенность массива растительности (например, лиственный лес посреди хвойного) или просто выделяющееся место в лесу (урочище) также могли быть названы островом.

[89] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 36.

ро, из которого вытекала Студеница), устье рч. Поляницы (определить сложно, но с некоторой вероятностью можно отождествить с рч. Полутней – ее устье находится почти напротив Студенецких озер, сама Полутня является притоком рч. Калпинки) и, наконец, мох Студенецкий (очевидно, болото в районе Студенецких озер)[90]. Таким образом, территория, занятая вселукским наместником, включалась в пределы с правой стороны от рч. Пайницы к рч. Кривице, через оз. Маринцо, по рч. Студенице, минуя озера Студенецкие, возможно, к устью рч. Полутни.

Судя по площади территории волости Дубна, определенной Л. А. Бассалыго и В. Л. Яниным по Торопецкой писцовой книге 1540/1541 гг.[91], вселукский наместник «отрубил» отнюдь не «половину земли» этой волости.

Столь точные данные о пределах отторгнутой от торопецкой волости территории, к сожалению, дают лишь поверхностное представление о той границе, за которую перешли московские служилые люди, вторгаясь в чужие владения. Определенно можно сказать, что за оз. Орлинцом ржевская граница продолжалась по рч. Павинице (современная Пайница). Видимо, не вся она была пограничной. Отталкиваясь от нее, последний отрезок литовско-московской границы подходил к рч. Ореховке (впадает в оз. Пено) и терялся среди болот и лесов.

Значительно уточнить место соприкосновения литовских, московских и новгородских владений позволяет разводная грамота Новгородской и Ржевской земель, составленная в 1483 г. и предназначенная определить «рубеж» между великокняжескими владениями Ивана III и вотчиной удельного волоцкого князя Бориса Васильевича[92]. Грамота описывает всю северную границу Ржевской земли (ржевских волостей Кличен и Вселук с новгородскими волостями Березовской, Стержем, Велилой и Лопастицей).

Характерно отсутствие интереса исследователей к указанной грамоте. По словам В. А. Кучкина, только историк Тверского княжества В. С. Борзаковский обратил на нее внимание, но из более чем 50 упомянутых географических объектов сумел локализовать только 6[93]. В итоге ржевско-новгородская граница получилась схематичной. Использование двухверстных планов Осташковского уезда Атласа Тверской губернии 1825 г. позволило В. А. Кучкину существенно уточнить результаты предшественника.

---

[90] Тверская область. Топографическая карта. С. 37.

[91] *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы. С. 194–197.

[92] ДДГ. № 77. С. 290–293.

[93] *Кучкин В. А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л., 1984. С. 167.

В нашем случае для цели исследования существенен лишь небольшой фрагмент грамоты 1483 г., в котором идет речь о границе ржевской Вселуцкой волости с новгородской волостью Лопастица. Именно в последней точке соприкосновения территорий выделенных волостей следует видеть стык новгородских и ржевских земель с владениями Великого княжества Литовского.

Подробное рассмотрение всего рубежа Вселуцкой и Лопастицкой волостей не требуется, а последний отрезок их границы шел по реке Сырычерка (Сырычена грамоты, левый приток Куди), а затем поворачивал в реку Кудь, достигая по ней Тихого озера. Справа от Тихого озера находилась территория Лопастицкой волости – владения Новгородского Аркадиевского монастыря (Аркажа), а слева – заканчивалась территория Вселуцкой волости[94]. Река Кудь течет петляя в общем с запада на восток и впадает в озеро Вселуг, поэтому под фразой грамоты «да вверхъ Куд(ь)ю, да в Тихое озеро» следует понимать переход линии границы из реки Сырыченки к юго-западу, югу и завершение ее в западном направлении у оз. Тихого. Местоположение последнего неизвестно, но, очевидно, оно являлось первым из системы озер, на которые разливается река Кудь (с запада на восток: Витьбино, Пнево, Долгое)[95]. Отождествление Л. А. Бассалыго, В. Л. Яниным озера Тихого с Трешиным, к сожалению, не находит подтверждения на карте[96].

От оз. Тихого (р. Кудь) с правой стороны (к северу) продолжалась территория Лопастицкой волости, а с левой стороны (к югу) начинались уже земли Торопецкого повета ВКЛ. Видимо, здесь подступали земли волости Дубна, именно в той части, которая была отрезана вселукским наместником в 1489 г. или ранее. Из населенных пунктов волости Дубна, известных по Торопецкой писцовой книге 1540/1541 гг., наиболее отдаленной была д. Орехово на р. Ореховке, втекающей в оз. Пено[97]. Таким образом, можно предположить, что граница между торопецкой волостью Дубна и ржевской волостью Вселук переходила от р. Пайницы на р. Ореховку, а от истока последней направлялась к западу и северо-западу к р. Кудь и оз. Тихому.

[94] ДДГ. № 77. С. 292.

[95] Тверская область. Топографическая карта. С. 37. Сравнение независимо осуществленной автором статьи реконструкции части ржевско-новгородской границы показывает ее полную идентичность аналогичной работе, проделанной В. А. Кучкиным (*Кучкин В. А.* Межевание 1483 г. С. 173).

[96] *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы. С. 207. Близлежащее оз. Трестино не имеет никакого отношения к описываемой границе.

[97] *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы. С. 194–195. Очевидно, вселуцкий наместник все-таки вынужден был вернуть территорию, отрезанную от волости Дубна в состав владений ВКЛ.

Добиться более точной реконструкции начального отрезка литовско-московской границы и определения точки соприкосновения территорий трех крупнейших государств Восточной Европы, видимо, не удастся. Граница на стыке литовских, новгородских и московских земель не оформилась. Болотистая, малополезная в хозяйственном отношении земля долгое время не привлекала внимания окрестного населения и местных властей. Не случайно в литовско-московских договорах описание ржевской границы начиналось от оз. Орлинца. Территория к северо-западу не была разграничена. Только на какое-то расстояние условная линия литовско-московской границы протягивалась по рч. Пайнице, а затем, возможно, по р. Ореховке. Далее полоса болот и лесов условно определяла пограничную зону. Где-то в районе р. Кудь, сливающейся с неизвестным сейчас оз. Тихим, происходила встреча территорий трех государств.

Такова ситуация с начальным отрезком литовско-московской границы. Проблематична также и противоположная сторона обозначенной в литовско-московских договорных грамотах ржевской границы.

На «верхе» (истоке) р. Осуги описание ржевской границы останавливается. Однако можно с уверенностью говорить о том, что и далее ржевские земли продолжали соседствовать с литовскими владениями. Более того, эти литовские владения составляли когда-то часть Ржевской земли.

Косвенные данные свидетельствуют о существовании литовско-московского договора, заключенного между 1381–1382 гг., в короткий период правления Кейстута. Тогда, после победы на Куликовом поле, Москва доминировала в Восточной Европе и снова овладела Ржевской землей[98]. Мирные отношения с ВКЛ были закреплены договором, по которому, очевидно, Ржева была признана за Дмитрием Донским. Однако не все ржевские волости стали московскими. Как следует из литовско-московского договора о «вечном мире» от 31 августа 1449 г., заключенного Василием II Темным и Казимиром IV (вывод о существовании договора 1381–1382 гг. делается из содержания этого документа), ржевская волость Осуга осталась в правлении волостелей великого князя Кейстута («А которыи места волостили веда Осугу пры великомъ князи Кестут(ь)и, и твоим волостелемъ по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не въступатисе»)[99].

Сохранившая литовское управление волость компенсировала довольно ощутимую территориальную потерю. Она охватывала южную

[98] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 152.

[99] ДДГ. № 53. С. 160–161. Тот же текст повторен в литовско-московском договоре 1494 г. (Там же. № 83. С. 329–330).

часть Ржевской земли и тем самым предоставляла возможность контролировать ржевскую территорию в целом. Кроме того, в конце XIV в. район волости Осуга был единственным местом соприкосновения владений ВКЛ с тверскими землями, служа своеобразным мостиком между двумя государствами.

Территория волости, очевидно, занимала пространство вдоль р. Осуги, впадающей в Вазузу очень близко от слияния последней с Волгой. Восточным соседом Осуги неизбежно становились владения Тверского и Фоминско-Березуйского княжеств. Более точно определить протяженность волости Осуга, к сожалению, пока не удается. Метод ретроспекции в данном случае не срабатывает, так как в районе р. Осуги в дальнейшем образовались волости и станы (например, Лаптевская Ржевского уезда), которые трудно отождествить или как-то связать с волостью Осугой.

В связи с приобретением ВКЛ волости Осуги, а также из-за существования в течение долгого времени литовско-тверской границы, следует сделать следующий вывод. Между основным массивом Великого княжества Московского и Ржевской землей до ликвидации государственности Великого Новгорода и Великого княжества Тверского не существовало сухопутной связи. Ржевская земля с середины XIV в. попеременно принадлежала Москве, Вильно или Твери, но примерно с 1381–1382 гг. почти постоянно (кроме коротких периодов 1399 и 1447–1449 гг.) находилась в составе московских владений[100], оставаясь, по сути, эксклавом[101]. Уникальный участок литовско-тверской границы на протяжении столетия перекрывал Москве прямой доступ к ее верхневолжскому владению, имевшему большое стратегическое значение. В свое время стремление обладать землями Фоминско-Березуйского княжества выдавалось историками за желание Москвы наладить сухопутную связь со Ржевой[102]. Однако, даже приобретя низовья р. Вазузы, московские князья все так же вынуждены были пользоваться транзитным сообщением через тверские или литовские владения. Таким образом, становится очевидным особое значение зоны литовско-тверского пограничья как определенного рычага воздействия на сферу московских интересов.

Неопределенность литовско-тверского рубежа создает вместе с тем проблему при реконструкции завершающего отрезка литовско-москов-

---

[100] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 149–162; *Темушев В. Н.* Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю. С. 77, 78–79.

[101] Эксклав (от лат. ex – вне, clavis – ключ) – часть территории государства, географически отдаленная от основной и окруженная территорией других стран.

[102] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887. С. 3.

ской границы. На линии, соединяющей верховья р. Осуги с Волгой (в районе между московской Ржевой и тверскими Опоками), условная литовско-московская граница превращалась в московско-тверскую. Конкретное место стыка трех рубежей указать затруднительно. Причинами этого можно назвать как уже упоминавшийся особый статус литовско-тверских владений в пограничной зоне, так и характер местности, представляющей собой сплошное болото.

Итак, обращение к уникальному фрагменту литовско-московских договоров 1449 и 1494 гг. позволило наметить один из участков границы двух соседних государств, боровшихся за объединение русских земель. В итоге выяснилось, что для реконструкции всего ржевского участка литовско-московской границы рассматриваемый фрагмент грамот недостаточен. Начальный и конечный отрезки этой границы отсутствовали. Их помогли уточнить второстепенные данные из посольских речей князя Т. В. Масальского (подробное описание захваченной вселукским наместником части соседней торопецкой волости Дубна), разводной грамоты великого князя Ивана III удельному волоцкому князю Борису Васильевичу (обозначение рубежа ржевской волости Вселук с новогородской волостью Лопастица) и все тех же грамот 1449 и 1494 гг. (известие о присоединении ржевской волости Осуги к ВКЛ). С максимально возможной точностью было определено место стыка литовской, московской и новгородской границ на крайнем северо-западе московских владений, доказана обособленность (до 1478 г.) Ржевской земли от основной территории Великого княжества Московского, выявлена специфика ржевской границы, проходившей по заболоченной и лесистой местности, а потому даже в актах намеченной лишь условно.

Видимо, до 1449 г. западная ржевская граница не была установлена на уровне межгосударственных соглашений. Тем не менее уже до середины XV в. сложились «старые рубежи» Ржевской земли. Очевидно, официальное размежевание основывалось на традиционно сложившихся представлениях о пределах волостей Торопецкого повета, Бельского княжества с одной стороны и Ржевской земли (уезда) – с другой. Поэтому с некоторыми оговорками намеченную на вторую половину XV в. границу можно относить и к более раннему времени.

Размежевание ржевских земель с Торопецким поветом и Бельским княжеством произошло только после окончательного закрепления Ржевы за Москвой. При этом на ржевском направлении не вся протяженность литовско-московской границы была зафиксирована. Оставались участки территории, где соприкасались литовские и московские владения, однако во второй половине XV в. они не были разграничены. Также и описанная в договоре линия прохождения границы (делимитация) не давала достаточных данных для реального

проведения границы на местности (демаркации). Спецификой ржевской границы оставалась ее неопределенность ввиду особых условий местности, не позволявших точно разделить неосвоенные и никем не занятые земли.

Сложная, насыщенная событиями борьба за обладание Ржевской землей ярко иллюстрирует начальный этап появления и становления литовско-московской границы. Закрепив за собой Ржевскую землю, Москва обеспечила прочную основу для развития дальнейшей экспансии и сделала значительный шаг на пути объединения русских земель.

§ 2.3. Литовско-тверская граница

Литовско-тверские политические связи имели глубокие корни и завязывались еще в XIII в.

Под 6793 (1285) г. в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку сообщалось: «Воевали Литва Тферьского владыкы волость Олешню»[1]. Объединенное русское войско, состоявшее из ратей городов Твери, Москвы, Волока Ламского, Торжка, Дмитрова, Зубцова и Ржевы, т.е. пограничных городов, выступило против литовцев и разбило их. Каковы же обстоятельства и причины обнаружившейся литовско-тверской конфронтации?

В свое время (1266) только что занявший псковский престол князь Довмонт захватил жену и двоих сыновей (среди них, возможно, был Андрей) князя Герденя (в то время наместника литовского князя Войшелка в Полоцке) и полностью разгромил погнавшегося за ним, а потом пытавшегося переправиться через Двину полоцкого князя[2].

В том же году в Новгород прибыл с полками великий князь владимирский Ярослав Ярославич (первый тверской князь), намеревавшийся «ити на Плесковъ на князя Домонта»[3]. Новгородцы не поддержали Ярослава. Однако указанное событие выявило явную союзническую связь между полоцким наместником князем Герденем, а вслед за ним и литовским князем Войшелком (одним из немногих православных в то время литовских князей), с правителями Тверской земли.

Показательно, что первый тверской епископ Симеон прибыл на новую кафедру именно из Полоцка (между 1267 и 1271 гг.), который вынужден был вынужден оставить в связи с распространением там после князя Герденя католического влияния[4]. Не случайно нападение 1285 г. князя Довмонта последовало именно на епископские владения Симеона. Поставление же в тверские епископы в 1289 г. сына Герденя Андрея явно говорит в пользу крепких связей между определенными политическими силами в Литве и Тверском княжестве. (Следует заметить, что исследователь истории Твери Эккехард Клюг отрицает возможность литовско-тверских союзнических отношений[5]).

Как бы то ни было, но уже в XIII в. литовско-тверские противоречия вызвали конфликт, затронувший и определивший тверское пограничье. Между тем непосредственной границы между литовскими и тверскими владениями в то время, очевидно, еще не существовало.

---

[1] ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 483.

[2] ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 85.

[3] Там же.

[4] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 67.

[5] Там же. С. 123–124.

Отсутствие общей границы, а, следовательно, и пересечения территориальных интересов стало, возможно, одной из причин политического сближения Литовского и Тверского княжеств в XIV в. Уже зимой 6828 (1320/1321) г. был заключен брак между тверским князем Дмитрием Михайловичем и дочерью великого князя литовского Гедимина Марией («...за князя Дмитриа Михаиловича приведоша княжну Марию изъ Литвы Гедиминову дщьрь»)[6].

Дальнейшее укрепление литовско-тверских отношений, как это ни парадоксально, было связано с посредничеством Москвы. Именно к московскому князю (великому князю владимирскому) Семену Ивановичу в 1349 г. прибыли послы от великого князя литовского Ольгерда с просьбой отдать за него дочь тверского князя Александра Михайловича Ульяну («...князь Литовьскыи Олгордъ прислаль свои послы къ князю великому Семену Иванович[ю] бити челомъ и просити за себе свести княжи Семеновы княжны Ульяны княжи дчери Александровы Михаиловича Тферьского»)[7]. Обращение с такой просьбой к московскому князю не было случайным. Во-первых, Семен Иванович, будучи великим князем владимирским, являлся формальным главой Северо-Восточной Руси; во-вторых, Ульяна была сестрой жены московского князя Марии[8]. Брак Ольгерда и тверской княжны, приходившейся московскому князю свояченицей, а также последовавшая чуть позже (в 1350/1351 г.) свадьба сына тверского князя Василия Михайловича Михаила на дочери московского князя Семена Ивановича Василисе[9] создали особую систему устойчивых политических связей между Вильно, Тверью и Москвой.

Эта система равновесия очень скоро была нарушена. Вмешательство Орды, передвавшей в 1352 г. одному из тверских князей ярлык на княжение (Василию Михайловичу), вызвало «неимоверьство и нелюбие» в их среде[10]. Между Москвой и Вильно также возникли разногласия из-за влияния на Смоленск и в связи со стремлением Ольгерда создать собственную православную митрополию. Проблемы со Смоленском были урегулированы литовско-московским договором, заключенным на р. Протве в 1352 г., причём тогда литовское господство в Смоленске сменилось московским[11]. Однако уже в 1356 г. разгорелась борьба за господство над смоленскими и брянскими землями. Именно

[6] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

[7] Там же. Стб. 59.

[8] Там же. Стб. 57.

[9] Там же. Стб. 60; ПСРЛ. Т. 10. С. 222.

[10] Там же. С. 223.

[11] *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 62.

к этому году относится, хотя и недолговременное, приближение литовских владений к тверским пределам.

Летом 1356 г. сын Сижского князя (т.е. правителя одной из ржевских волостей) с помощью литовской силы был посажен в Ржеве (см. выше)[12]. В том же году, осенью Ольгерд напал на Брянск и Смоленск и даже пленил сына смоленского князя[13]. Вскоре после мятежа «отъ лихихъ людей»[14] (партии сторонников ВКЛ?) Брянск оказался полностью во власти ВКЛ («и потом нача обладати Брянскомъ князь велики Литовскій»)[15]. Впрочем, в Смоленске литовцы не закрепились[16], а из Ржевы совместные силы Волока Ламского (или Твери) и Можайска летом 1358 г. выбили литовского ставленника (в Никоновской летописи читаем: «Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша»[17]; в Рогожском летописце содержатся иные данные: «Волотьская рать да Можаиская взяли Ржевоу, а Литвоу выслали вонъ»[18]).

Ржевская земля на юго-востоке непосредственно соприкасалась с тверскими владениями. Находившиеся в этом регионе ржевские волости Рясна и Осечен стали известны в 1335 г., когда собранное из новгородцев войско Ивана Калиты «пожже городке Литовьскыи Осеченъ и Рясну и иных городковъ много»[19]. Таким образом, уже довольно давно литовские владения проникли далеко на восток, клином врезавшись в территорию, на которую претендовали Смоленск, Новгород и Тверь. Осечен и Рясна, очевидно, обладали чрезвычайно выгодным стратегическим положением, держа под контролем участок тверской границы и создавая плацдарм для наступления на новоторжские и иные новгородские земли (так, например, в 1335 г. «воеваша Литва Новоторжьскую волость на миру»[20]), а также, непосредственно, на саму Ржеву (до 1356 г. еще не захватывавшуюся ли-

[12] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

[13] ПСРЛ. Т. 10. С. 228.

[14] *Kuczynski S. M.* Ziemie czernigowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. W., 1936. С. 114–117.

[15] ПСРЛ. Т. 10. С. 228.

[16] *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 66.

[17] ПСРЛ. Т. 10. С. 230.

[18] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67. То, что в названных летописях указываются отряды из разных городов, имеет принципиальное значение: если от Волока Ламского вполне естественно ожидать подчинение московскому или, точнее, великому князю владимирскому, то от Твери, тем более конца 1350-х гг., этого ждать не приходится. Кроме того, Рогожский летописец отражает, по всей видимости, летописный текст, являющийся первичным по отношению к Никоновской летописи.

[19] ПСРЛ. Т. 3. С. 247.

[20] Там же.

товскими силами). Уже до 1335 г., хоть и временно, верховья Волги оказались под литовской властью. Из двух упомянутых «литовских городков» Осечен находился на левом берегу Волги, а Рясна несколько восточнее реки. Оба городка прикрывали далеко продвинувшиеся на восток литовские владения.

Установление власти литовских князей в верховьях Волги стало возможным благодаря присоединению Торопецкой земли, отстоявшей к северо-востоку между новгородскими и смоленскими владениями. Торопец в свое время испытал опустошительный набег «литвы»[21] и приблизительно с 1320 г. уже находился в составе ВКЛ[22]. Верховья Ловати, Двины и Волги стали литовскими.

После присоединения Белой (до 1359 г.) территория ВКЛ вышла также и к верховью р. Днепр. Таким образом, верховья трех крупнейших рек Восточной Европы (Двина, Волга и Днепр) в середине XIV в. принадлежали ВКЛ. К тому же Смоленское княжество оказывалось окруженным полукольцом литовских владений, что во многом предопределило его подчинение литовской власти. Смоленск к этому времени лишился почти половины своей территории (Ржева, Белая, Мстиславль). Брянск, с конца XIII в. находившийся в сфере влияния Смоленска и управлявшийся князьями смоленской династии, вскоре после 1356 г. также был включен в состав ВКЛ. Тем самым и течение р. Десны (левый приток Днепра) теперь контролировалось литовской властью.

В 1356–1358 и 1359–1368, 1372–1382 гг. под властью ВКЛ находилась Ржева. Первый, появлявшийся на короткое время, участок литовско-тверской границы (со стороны Ржевы) стал районом конфронтации. В противодействии Литве в верховьях Волги были одинаково заинтересованы Тверь, Москва и Новгород, организовав активное противодействие.

Как верховья Волги, так и город Ржева на ее левом берегу являлись связующим территориальным звеном между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью, поэтому мы видим единение сил в борьбе за Ржевскую землю. Впрочем, и ВКЛ настойчиво стремилось сохранить за собой важный стратегический пункт.

Литовская знать, вероятно, осознала превосходство в верхневолжском регионе Москвы, за которой к тому времени стояла почти вся

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447–448 (1225 г.); сообщение под этим годом, сохранившееся в составе Суздальской летописи по Академическому списку, более краткое, см.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели). Л., 1928. Стб. 510 (1225 г.).

[22] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 31.

Северо-Восточная Русь, способная противостоять Орде. Поэтому новый великий князь литовский Кейстут в период короткого правления (1381–1382) пошел на компромисс с великим князем московским Дмитрием Ивановичем. Согласно договоренности 1381–1382 гг. ВКЛ уступило ему Ржеву и большую часть ее волостей.

Одна волость – Осуга – осталась за ВКЛ, компенсировав ощутимую территориальную потерю. Занимая течение р. Осуги (левый приток Вазузы), она охватывала южную часть Ржевской земли и тем самым оставляла возможность контролировать ржевскую территорию в целом. В конце XIV в. район волости остался единственным местом соприкосновения владений ВКЛ с тверскими землями, служа своеобразным «мостом» между двумя княжествами.

К короткому времени правления в ВКЛ Кейстута можно отнести начало формирования устойчивого участка литовско-тверской границы, продержавшегося на протяжении почти века с четвертью. Между двумя княжествами появлялись и другие участки общей границы, однако они существовали либо короткий отрезок времени, либо не имели существенного значения.

Буквально на несколько лет устанавливалась литовско-тверская граница между Ржевской землей с тверской стороны и землями Торопца и Белой – с литовской. Дело в том, что Ржева дважды попадала во владение тверских великих князей. Происходило это в 1399 – первых годах XV в. и в 1446 (фактически в 1447) – 1449 гг. В обоих случаях Ржеву уступали великим князьям тверским московские правители, и оба раза город с волостями возвращался к Москве.

Сравнительно более долгий срок сохранялся участок литовско-тверской границы, сформировавшийся после присоединения к ВКЛ территории Вяземского княжества (1403). Таким образом, вместе с периодически зависимым от ВКЛ Фоминско-Березуйским княжеством (низовья р. Осуги и Вазузы, при впадении последней в Волгу) и осколком Ржевской земли (волость Осуга) северо-восточные вяземские пределы составили довольно протяженную линию соприкосновения литовских и тверских владений.

Вяземско-холмская граница (как участок литовско-тверской) имела, вероятно, своеобразный характер, и намечена она может быть лишь условно. Во-первых, между литовскими и тверскими владениями в том регионе существовала полоса незанятых, неосвоенных земель. Это была болотистая местность с островками лиственных лесов (об этом говорит даже название одной из находившихся в окрестностях волости – Ольховец). Археологические данные дают представление о крайней немногочисленности в регионе памятников

периода Средневековья[23]. Так может быть описана та часть литовско-тверской границы, что шла к востоку от фоминско-березуйских земель.

Во-вторых, дальше обнаруживался противоположный по характеру заселения и освоенности район с чересполосными литовско-тверскими владениями. Крайний северо-восток Вяземского княжества с начала XV в. был отдан в вотчину князьям Крошинским. Волости последних (Тешиновичи, Сукромна, Ольховец, Надславль, Отъезд, Лела) выявляются на территории к востоку от р. Гжать (приток Вазузы) в направлении к можайским землям Великого княжества Московского)[24]. Наиболее близки к тверским землям были, очевидно, волости Сукромна и Отъездец, так как позже они появились в составе тверских уездов. Из грамоты 1530 г. мы узнаём о существовании Сукроменского стана в составе Старицкого уезда, холмских волостях Старый и Новый Отъезд[25]. Позже станы Ответский и Сукроменский обнаруживаются в Можайском уезде[26]. Вероятно, Сукромна была разделена надвое между двумя уездами – Старицким и Можайским. Вполне возможно, территории обозначенных волостей так переплелись между собой, что их трудно было размежевать, поэтому в будущем мы наблюдаем исчезновение Холмского уезда с системой волостей, а на его месте – появление Холмской волости в составе Старицкого уезда. Очевидно, несколько волостей (в прошлом литовских и тверских) были слиты воедино.

О существовании плотного контакта между литовскими и тверскими владениями говорит целый ряд договорных грамот. Впервые упоминается рубеж между ВКЛ (Смоленском) с великим княжеством Тверским и оговариваются условия владения порубежных мест в литовско-тверском договоре 1427 г.[27] Впрочем, возможно, указанная статья договорных грамот могла касаться также и другого участка литовско-тверской границы (в районе волости Осуги).

Приведем выдержки из договоров, касающиеся особого статуса литовско-тверского пограничья.

---

[23] Археологическая карта России: Смоленская область. Ч. 1–2. М., 1997; *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1–2. Смоленск, 1982–1983.

[24] *Темушев В. Н.* К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (Владения князей Крошинских) // Ruthenica. VI. Киев, 2007. 299–307.

[25] ДДГ. № 102. С. 421.

[26] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. С. 574.

[27] ДДГ. № 23. С. 62–63; LM. Kn. 5. № 141. P. 259.

Табл. 4. Литовско-тверская граница в грамотах 1427, 1449 и 1483 гг.

Лист перемирный Бориса Александровича, князя великого тверского, з великим князем Витовтом (1427).	**Лист перемирный того ж кн(я)зя, Борыса Тферског(о), с королем Казимером (1449).**	**Лист перемирный великого князя Михаила Борысовича Тферского с королем Казимером (1483).**
А рубежъ отъчыне моего г(о) с(по)дина, деда, великого кн(я)зя Витовъта, по старыне. А которыи места порубежныи потягли будуть к Литве или к Смоленъску, а подать будуть давали ко Тъферы, ино имъ и нинечы тягнути по-старому. А которыи места порубежъныи потягли будуть ко Тферы, а подать будуть даивали к Литве или к Смоленъску, ино имъ и нинечи тягнути по-давному, а подать давати по-давному[1].	А рубежъ отъчыне моеи, великого князя Борысове, по старыне. А места порубежная, котории будуть здавна потягли к Литве или к Смоленъску, а подать будуть даивали ко Тферы, ино имъ и нинечы тягнути по-давному, а мне, великому князю, не въступатисе. А которыи места потягли будуть ко Тьферы, а подат даивали к Литве или к Смоленъску, а то имъ и нинечи тягнути по-давному, а тобе, королю, не въступатисе. А што вчыниться межы вашыми людми и нашыми, и волостели нашы, зъехався, да вчынять исправу без перевода, а про то намъ нелюбовъя не держати[2].	А рубежъ отчыне моеи, великого кн(я)зя Михаилове, по старыне. А места порубежная, которыи будуть потягли здавна к Литве или к Смоленску, а подать даивали ко Тферы, ино имъ и нинечы тягнуть по-давному, а мне, великому князю Михаилу, не въступатисе. А которыи места потягли будуть ко Тферы, а подать будуть даивали здавна к Литве или к Смоленску, то имъ и нинечи тягнути по-давному, а подать давати по-давному, а тобе, королю, не въступатисе[3].

Примечания к таблице

[1] ДДГ. № 23. С. 62–63; LM. Kn. 5. № 140. P. 257.

[2] LM. Kn. 5. № 141. P. 259.

[3] Ibid. № 135. P. 251.

Из представленных фрагментов видно, что в пограничной зоне между Великими княжествами Литовским и Тверским сформировалась особая система территориально-даннических отношений, при которой владения той и другой стороны, принадлежа одному государству, часть податей платили соседу. Судя по представленным выдержкам из грамот, такая ситуация была характерна не только для участка общей границы, появившейся при Кейстуте, но и для смоленских (вяземских) земель, граничивших с Великим княжеством Тверским (Вяземское княжество было присоединено к ВКЛ в 1403 г.).

Из двух участков литовско-тверской границы дольше просуществовал первый, оставшийся актуальным даже после присоединения Вяземской земли к Москве (что отодвинуло далеко на запад московскую границу). В «листе перемирном великого князя московского Иоанна с королем Казимиром» от 2 мая 1494 г. читаем: «Такъже и Тферы, от-

чыне нашои (Ивана III. – *В. Т.*), и всеи Тверскои земли рубеж с Литвою по старому рубежу»[28]. Таким образом, после 1494 г. еще некоторое время (до 1505 г., присоединения к Москве Бельского княжества) продолжал существовать самый древний участок литовско-тверской границы. Правда, Тверь уже была московским владением, вотчиной государя всея Руси Ивана III.

Необходимо также обозначить те территории, которые примыкали к границе с тверской стороны. Пограничными городами на юго-западе Великого княжества Тверского были Опоки (около 2 км восточнее Ржевы на левом берегу Волги)[29], Зубцов (в излучине Волги, напротив устья р. Вазузы), Хорвач (Новый Городок, Погорелое городище у р. Держи, правого притока Волги)[30] и Холм (к востоку от Хорвача).

Видимо, непосредственно у границы располагалась волость Олешня, известная еще с 1285 г. Существует несколько версий местонахождения волости Олешни. Поиски похожего названия (метод лингвистического соответствия) привели В. С. Борзаковского к отождествлению центра волости с д. Алешово Зубцовского уезда[31]. Такая локализация вызвала критику В. А. Кучкина, который, используя ряд документов, сумел обозначить приблизительное место волости между реками Шешмой (правый приток Вазузы) и Вазузой[32]. Однако в системе доказательств своей версии В. А. Кучкин допустил одну принципиальную ошибку (перепутал места населенных пунктов Хлепень и Березуеск)[33], что позволило тверскому историку В. В. Лелецкому прийти к совершенно неправдоподобному выводу о месте волости Олешни в районе р. Алешни, правого притока р. Гжать, в верховье последней[34].

В. В. Лелецким был использован тот же метод лингвистического соответствия. Однако радиус поиска названия Олешня был значительно

---

[28] ДДГ. № 83. С. 329; LM. Kn. 5. № 78.2. P. 134.

[29] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 259–260; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 196.

[30] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887. С. 34; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 148, 196.

[31] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 29–30.

[32] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 149.

[33] Там же. На самом деле ошибка В. А. Кучкина не столь существенна и сродни опечатке: Березуеск и Хлепень были обозначены не выше, а ниже по течению р. Вазузы от Фомина Городка. По другим ориентирам (например, упоминанию р. Городенки, близ устья которой стоял Хлепень) можно понять, что В. А. Кучкин имел правильное представление о месте трех городов.

[34] *Лелецкий В. В.* О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества // ОИ. 1998. № 2. С. 175–176.

расширен, хотя в свое время В. С. Борзаковский корректно стремился искать волость в районе мест, в связи с которыми она упоминалась (например, в духовной грамоте Ивана III, который передавал сыну Андрею «Холмъских вотчину, Холмъ и Новои городок, да волости Олешню, до волость Синюю, и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами»[35]). На значительном удалении к югу от Холма и р. Синей, вокруг которой располагалась волость Синяя, в районе р. Алешни (правый приток р. Большая Гжать) и была локализована древняя тверская волость Олешня[36]. Наблюдение В. В. Лелецкого относительно раннего заселения района р. Алешни (там находилась Ветца, известная еще из уставной грамоты князя Ростислава Смоленского 1136 г.) не вызывает сомнения. Также и принадлежность территории к востоку от р. Гжать Тверской епархии в более позднее время достойна внимания. Дополнительным аргументом может служить замечание С. Герберштейна, который утверждал, будто бы «истоки реки Москвы находятся в Тверской области, приблизительно в семидесяти верстах выше Можайска недалеко от места по имени Олешно»[37]. Именно там увидел волость Олешню В. В. Лелецкий. Однако все же вывод исследователя необходимо вновь рассмотреть критически.

Основой системы доказательств В. В. Лелецкого, как и В. А. Кучкина, послужила выдержка из текста жалованной грамоты великого князя Ивана IV игумену Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонту от 21 сентября 1539 г. на с. Фаустову Гору в Зубцовском уезде. Крестьяне этого села не должны были платить «мыто» и иные пошлины, «коли повезут те крестьяне монастырские дрова, бревна и всякий лес из Олешни рекою Вазузою мимо Хлепень»[38]. В. В. Лелецкий поправил В. А. Кучкина в его неверной локализации Фаустовой горы (село близ р. Шешмы) и Хлепеня (на р. Вазузе, ниже Березуеска)[39] и, соответственно, разбил построение историка, где в линии Олешня – Вазуза – Хлепень – Фаустова Гора искомая волость оказывается в районе междуречья Шешмы и Вазузы. Новая система доказательств выстраивается по той же схеме, но с уточненной локализацией. Село Фаустова Гора находилось на правом берегу Волги при впадении в нее р. Вазузы, напротив города Зубцова[40], а город Хлепень не ниже, а выше по

[35] ДДГ. № 89. С. 361.

[36] *Лелецкий В. В.* О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества. С. 176.

[37] *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. I. С. 287.

[38] АФЗХ. Т. 2. С. 146.

[39] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 146.

[40] *Лелецкий В. В.* О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества. С. 175.

течению Вазузы от Березуеска. Тем самым логическая цепочка разворачивается в противоположную сторону, а поиски Олешни, по мнению В. В. Лелецкого, следует вести выше Хлепеня на Вазузе или ее притоках. И вот, значительно южнее всех фигурирующих в системе доказательств топонимов и гидронимов, В. В. Лелецкий обнаружил реку Олешню (настоящее название Алешня), вокруг которой и объявил средоточие искомой волости.

Однако следует заметить, что р. Алешня впадает в р. Гжать, соответственно, в рассматриваемой грамоте должно было быть сказано, что лес везли не только Вазузой, но и Гжатью, протяженность которой от устья Алешни до устья самой Гжати примерно в 10 раз больше, чем от Хлепеня до устья Гжати. Далее, почему было решено, что именно к себе в село крестьяне Фаустовой горы везли дрова и др.? Вероятнее всего они заготавливали лес в волости Олешне, а затем везли (не сплавляли, так как шли против течения) его по Вазузе мимо Хлепеня далее на юг, без намерения в данном случае останавливаться в родном селе. Более того, весьма вероятно, что волость Олешня находилась рядом с селом Фаустова Гора. Из последнего крестьянам удобно было ходить в Олешню, где они и заготавливали древесину. Тем самым, волость Олешню необходимо, всё-таки, искать рядом с волостью Синей, не выходя за рамки уезда Холма и Нового городка (позже вошли в состав Старицкого уезда). Южная граница уезда (между прочим, включившая и часть бывших вотчин литовских князей Крошинских) не доходила даже до р. Гжати и её притока Яузы, не говоря уже о значительно более южной р. Алешне.

И, наконец, необходимо отметить, что в случае принятия локализации В. В. Лелецкого, между волостью Олешней и основным массивом тверских земель оказывался ряд волостей князей Крошинских, входивших в состав ВКЛ, а также некоторые можайские земли Московского княжества, т.е. Олешня непременно была бы тверским эксклавом, окруженным литовскими и московскими владениями.

Нужно согласиться с тем, что крестьяне заготавливали лес недалеко от своего села и, конечно, не приходится сомневаться в том, что везли его по р. Вазузе, минуя Хлепень (возможно, делали это санным путем, зимой). Казалось бы, Олешня непременно должна была оказаться между реками Шешмой и Вазузой, о чем сделал вывод В. А. Кучкин[41]. Однако, зная теперь, где расположено с. Фаустова Гора (о локализации села см. ниже), можно убедиться, что места для целой волости между ним и Вазузой попросту нет. Сообщение грамоты 1539 г. можно интерпретировать иначе. Волость Олешня находилась в стороне от с. Фа-

[41] Автор данной работы в свое время поддержал версию В. А. Кучкина (*Темушев В. Н.* Литовско-тверская граница. С. 95).

устова Гора: крестьяне везли лес сначала в родное село, распиливали, рубили его и лишь оттуда везли по Вазузе далее Хлепеня.

Тут снова нужно вспомнить мнение В. С. Борзаковского, который увидел в Тверской губернии несколько местностей с названиями, созвучными с Олешней, но корректно отобрал только одну из них – д. Алешово у р. Держи, и признал в итоге ее старинной волостью (см. карту). С обеих сторон нижнего течения р. Держи, так что Алешово оказывалось в центре, в XVII в. располагался стан Лепковский[42]. Можно осторожно предположить, что его название есть искаженное Лешковский (Олешковский – Олешня).

Данная локализация хорошо согласуется с упоминанием в духовной грамоте Ивана III в одной связке волостей Олешни и Синей, которые придавались (вероятно, из состава зубцовских волостей) к уделу Андрея Ивановича (родоначальника Старицких князей)[43]. Волость Синяя лежала юго-восточнее Лепковского стана (Олешни?) вдоль левого притока Держи р. Синей[44]. Вместе с волостью Синей в грамоте Ивана III были названы дворцовые села Вахново и Раково. Их можно отыскать и на современной карте[45].

Р. Синяя своим истоком касалась территории, относившейся в XVII в. к стану Старый Березуй[46]. Таким образом, тверская волость Синяя на северо-востоке соседствовала с Фоминско-Березуйским княжеством. То же можно сказать о волости Олешня или Шешма, в зависимости от того являлась ли последняя частью княжества.

Вывод о расположении тверских владений в районе Опок и Зубцова и на правом берегу Волги можно сделать лишь гипотетически. Левый берег (к западу почти до Ржевы), несомненно, занимали тверские владения, и если бы Волга служила здесь границей, то это обязательно было бы отмечено в договорных грамотах; однако в них говорится о совместном и чересполосном литовско-тверском владении.

---

[42] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 381; *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 237.

[43] ДДГ. № 89. С. 361.

[44] Тверская область. Топографическая карта. Масштаб 1:200 000. М., 1998. С. 63; Общегеографический региональный атлас «Смоленская область». Масштаб 1:200 000. М., 2001. С. 6. На карте А. И. Менде речка обозначена как Синявка (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб 1 дюйм – 2 версты. Лист S:W:C:1). На карте И. А. Стрелбицкого – Синяя (Специальная десятиверстная карта Европейской России, И. А. Стрельбицкого. 1865–1871. Масштаб: в 1 дюйме 10 верст (1: 420 000). Лист 43).

[45] Тверская область. Топографическая карта. С. 63.

[46] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 401, карта. (Карта издания 1906 г.)

Такая протяженность литовско-тверской границы сохранялась на протяжении почти столетия (с 1403 до 1494 г.) до присоединения к Москве Вяземского княжества. Линия границы была зажата между ржевскими и можайскими (возможно, волоцкими) землями, принадлежащими Москве. Кроме того, этот участок литовско-тверской границы прерывался посредине массивом земель (Хлепень, Рогачев, Березуйск, Фоминское), на которые издавна имели претензии московские великие князья и владетели которых с 1449 г. были признаны им подвластными. (Реально хлепенские и др. земли оставались в составе ВКЛ, Вяземского княжества, а хлепенская волость Рогачев была даже отдана в вотчину сыну пана Ивана (Яна) Ходкевича[47]). В 1494 г. эти земли стали частью Московского княжества, так же как и более восточный от них участок литовско-тверской границы, где находились владения князей Крошинских, входивших в состав Вяземского княжества и ВКЛ.

Однако даже после присоединения Вяземской земли к Москве (что отодвинуло далеко на запад московскую границу) участок литовско-тверского порубежья сохранялся. В «листе перемирном великого князя московского Иоанна с королем Казимиром» от 2 мая 1494 г. читаем: «Такъже и Тферы, отчыне нашои (Ивана III. – *В. Т.*), и всеи Тверскои земли рубеж с Литвою по старому рубежу»[48]. Таким образом, после 1494 г. еще некоторое время (до 1505 г. – времени присоединения к Москве Бельского удела ВКЛ) продолжал существовать самый древний участок литовско-тверской границы. Правда, Тверь уже была московским владением, вотчиной государя «всея Руси» Ивана III.

В связи с наличием в течение долгого времени литовско-тверской границы следует сделать следующий вывод. Между основным массивом Московского княжества и Ржевской землей до ликвидации государственности Великого Новгорода и Тверского княжества не существовало сухопутной связи. Ржевская земля с середины XIV в. попеременно принадлежала Москве, Вильни или Твери, но примерно с 1381–1382 гг. почти постоянно (кроме коротких периодов 1399 и 1447–1449 гг.) находилась в составе московских владений[49], при этом оставаясь, по сути, эксклавом. Уникальный участок литовско-тверской границы на протяжении столетия перекрывал Москве прямой доступ к ее верхневолжскому владению, имевшему, очевидно, большое стратегическое значение. В свое время стремление обладать землями Фоминско-Березуйского княжества выдавалось историками за желание

[47] СИРИО. Т. 35. С. 72.

[48] ДДГ. № 83. С. 329; LM. Kn. 5. № 78.2. P. 134.

[49] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе... С. 149–162; *Темушев В. Н.* Начало складывания московско-литовской границы. С. 77, 78–79.

Москвы наладить сухопутную связь со Ржевой[50]. Однако в реальности, даже приобретя территории в низовьях р. Вазузы, московские князья все так же вынуждены были пользоваться транзитным сообщением через тверские или литовские владения. Таким образом, становится очевидным особое значение зоны литовско-тверского пограничья как определенного рычага воздействия на сферу московских интересов.

Итак, начало формирования литовско-тверской границы следует отнести к короткому времени правления Кейстута (1381–1382). Тогда появился очень маленький, но важный в стратегическом плане участок пограничья в районе волости Осуги. Литовско-московский договор о вечном мире 1449 г. специально оговаривал владение Казимиром этой бывшей частью Ржевской земли[51]. Очевидно, и после 1494 г. Осуга оставалась в составе ВКЛ.

Значительно протянулась на восток литовско-тверская граница при Витовте, в 1403–1404 гг., когда ВКЛ захватило вяземские и смоленские земли. Очевидно, появившаяся литовская граница заимствовала старый смоленский рубеж. Что характерно, новая власть сохранила в неприкосновенности существовавшую чересполосицу и совместное управление смоленско-тверскими владениями, в связи с чем граница так и осталась без четкого определения.

[50] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 3.

[51] ДДГ. № 53. С. 160–161; LM. Kn. 5. № 136. P. 252.

§ 2.4. Фоминско-Березуйское княжество между Вильно, Москвой и Тверью

Между основным массивом земель Московского княжества и его эксклавом – Ржевской землей на юго-восток от последней в XIV в. располагалось Фоминско-Березуйское княжество, правители которого принадлежали со ржевскими князьями к одной династии (Фоминских князей) и так же, как они, в итоге потеряли свои первоначальные владения и перешли на службу в Москву[1]. При этом, по общепринятому убеждению (как выяснилось, в связи с наличием литовско-тверской границы, оказавшимся ложным), Москва могла и не иметь территориальной связи с Ржевой, если не держала в подчинении князей Фоминско-Березуйского княжества[2]. Соседнее же Великое княжество Литовское теряло контакт с Великим княжеством Тверским – своим союзником, если не владело Ржевой или не распространяло власть на тех же фоминско-березуйских князей.

Возможно, отзвуком нереализованного стремления ВКЛ к более плотному территориальному контакту с Тверью явился захват Москвой в конце 60-х гг. XIV в. наряду с Ржевской землей, Фоминском и Березуеском таких городков, как Липица и Тесов, располагавшихся на Вазузе и ее притоке Касне к югу от массива Фоминско-Березуйского княжества[3].

---

[1] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 30; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 359, 363; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 223, 229; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1). М., 1998. С. 160–161, 164; *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 278; *Юшко А. А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003. С. 170.

[2] О территориальной связи основного массива московских владений с Ржевской землей посредством Фоминско-Березуйского княжества писали М. К. Любавский и Н. Д. Квашнин-Самарин (*Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. С. 285; *Он же.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 82; *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 22).

[3] О локализации Липиц и Тесова см.: *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 65. Древность Липиц на р. Вазузе подтверждается картографическим материалом XVIII в. и археологическими данными (*Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. № 495. С. 115; Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2 / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1997. № 979 (14). С. 61, 64). То же самое о Тесове сказать нельзя.

О московских успехах в противостоянии с ВКЛ узнаем из известного послания Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею 1371 г. Великий князь литовский, отводя от себя обвинение в нападении на подведомственные митрополиту Алексею земли, перечислил города, которые «против своего крестного целования» взял у него московский неприятель: «Ржеву, Сишку, Гудин, Осечен, Горышено, Рясну, Луки Великия, Кличень, Вселук, Волго, Козлово, Липицу, Тесов, Хлепен, Фомин городок, Березуеск, Калугу, Мценеск»[4]. Большинство перечисленных населенных пунктов локализовано, решена проблема времени их захвата Москвой[5]. Однако некоторые вопросы все же остались без ответов.

В перечне московских захватов можно выделить по территориальному признаку три блока городов: 1. ржевские; 2. смоленские, 3. верхнеокские (новосильские?). От Сишки до Волго названы, безусловно, ржевские городки – центры волостей. Даже в Луках Великих следует видеть не знаменитый новгородский город на р. Ловать, а погост Лукомо на Волге, между Осеченном и Горышином[6]. Также несомненны локализации Калуги и Мценска – в верхнем течении Оки. Причем упоминание в послании 1371 г. московского нападения на новосильского князя Ивана (произошло, вероятно, в 1370 г., во время московского похода на Брянск)[7] дает определенную возможность причислить оба города к территории Новосильского княжества[8], хотя некоторые, настолько же косвенные, данные могут свидетельствовать в пользу иной точки зрения[9].

Наконец, выделение второго блока городов, условно названного смоленским, необходимо обосновать. Фомин городок и Березуеск –

[4] РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 136, 138.

[5] *Успенский В. П.* Литовские пограничные городки: Селук, Горышин и другие. К вопросу об определении мест, упоминаемых в летописях, пограничных литовских городков: Селука, Горышина и др. и проведение границы прежнего Ржевского уезда с Литвою. Тверь, 1892. С. 1–34; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 146–147; *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 63, 64–66.

[6] Там же. С. 65; Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:B:2.

[7] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 66; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 150. Прим. 194.

[8] *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980. С. 50–51. Прим. 135; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150.

[9] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 52–53; *Темушев В. Н.* Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей в 2 т. Т. 2. История. Тула, 2007. С. 261, 266, 268.

центры небольших княжеств, отделившихся вместе с Ржевой от Смоленска. Ржева, вероятно, первоначально входила в состав Торопецкого княжества, а в начале 30-х гг. XIV в. взяла на себя роль столицы ослабленного и уменьшившегося под воздействием ВКЛ княжества[10]. Хлепен (Хлепень) – город, расположенный на р. Вазузе, выше по течению от Березуеска, традиционно относят к Фоминско-Березуйскому княжеству (см. ниже).

Из блока городов, причисленных к смоленским, осталось три пункта. Территориальная принадлежность двух из них (Липиц и Тесова) неясна, а третий (Козлово) все-таки можно связать со Смоленском. Козлово – это, вероятно, Козлов – город в Вяземском княжестве, центр владений князей Козловских (происходивших, кстати, от Фоминских князей)[11]. Он располагался южнее Тесова, на р. Жижале, притоке Угры[12]. Хлепень севернее Липицы и Тесова, а Козлов – южнее в конце XV в. принадлежали Вяземскому княжеству, так же как и некоторые другие пункты, находившиеся в том же районе (Негомир, Сочовки, Бывалицы). Следовательно, есть основание отнести все рассматриваемые городки к числу смоленских. Ими уже до зимы 1369 г. владел Ольгерд, так как в указанное время «Москвичи и Волочане воевали Смоленьскую волость»[13] и, видимо, вернули влияние на часть Смоленского княжества[14]. ВКЛ было оттеснено от р. Вазузы и на то время утратило общую границу с Тверью. От расположенного поблизости верховья Днепра к левому притоку Вазузы р. Лоцмени шел волок[15].

[10] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 41; *Успенский В. П.* Литовские пограничные городки. С. 8; *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 50, 51; *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. С. 75; *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М., 2008. Прим. 543. С. 418–419. Автор коммент. – А. В. Кузьмин.

[11] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 366.

[12] Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. № 792 (15). С. 15–16 (Городище Козловцы); № 793. С. 16 (Селище Козловцы).

[13] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 91.

[14] Высказано предположение, что ряд городков по р. Вазузе был занят литовскими силами в 1356 г. вместе с захватом Ржевы (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 141; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 164). К той же дате можно относить и приобретение Ольгердом Липицы, Тесова и Козлова.

[15] *Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. М.; Л, 1948. С. 303. Л. В. Алексеев предполагал, что этот водно-сухопутный путь сформировался уже в эпоху развитого средневековья (*Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006. С. 50).

Таким образом, пресекался еще один водный путь (первый – по Волге) для литовских контактов со своим союзником.

Выше было сказано, что принадлежность Москве Фоминско-Березуйского княжества могла обеспечить ей территориальную связь с Ржевской землей. Однако, по всей видимости, это не соответствовало действительности. К юго-востоку от Фоминско-Березуйского княжества, с правой стороны притока Вазузы р. Гжать и по обеим сторонам притока последней р. Яузы размещались волости, с начала XV в. принадлежавшие князьям Крошинским: Тешиновичи (Тешиново), Сукромна (Сукрома), Ольховец, Надславль, Лела, Отъездец (Отъезд)[16]. Только еще восточнее, за полосой неосвоенных земель, начинались московские владения (можайские и волоцкие земли). На севере волости Крошинских граничили с тверскими землями, причем именно этому району была характерна чересполосица владений.

В литовско-тверском договоре 1427 г. упоминался рубеж между ВКЛ (Смоленском) и Великим княжеством Тверским и оговаривались условия владения пограничными территориями. («А которыи места порубежныи потягли будуть к Литве или к Смоленьску, а подать будуть давали к Тфери, ино имъ и ныненя тягнути по давному, а подать давати по давномоу. А которы места порубежныи потягли будуть ко Тфери, а подать боудутъ давали к [Литве или к Смоленску], ино им и нынеча тягнути по давному, а подать давати по давному»[17].) Под смоленскими следует понимать вяземские волости, принадлежавшие князьям Крошинским. «Места порубежныи», которые относились к Литве, тоже совместного владения, формировали пограничную зону с Тверью западнее (с волостью Осугой?).

Таким образом, для ВКЛ в XV в. существовало две контактных зоны с территорией Великого княжества Тверского – со стороны владений ВКЛ и со стороны названых отдельно смоленских (вяземских) земель (см. карту). Очевидно, территория Фоминско-Березуйского княжества, будь она подчинена власти ВКЛ, могла считаться смоленской.

Однако литовская принадлежность ряда земель на севере от Вяземского княжества в контакте с Великим княжеством Тверским вызывает сомнения. В московско-литовские договоры 1449 и 1494 гг. включена статья с подробным перечислением владений пограничных

[16] О месте и судьбе этих волостей см.: *Цемушаў В. М.* Крайнія ўсходнія межы зямель Вялікага княства Літоўскага ў XV ст. (Уладанні князёў Крошынскіх) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3. Мн., 2008. С. 60–64; *Темушев В.* К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (владения князей Крошинских) // Ruthenica. VI. Киев, 2007. С. 299–307.

[17] ДДГ. № 23. С. 62–63; LM. Kn. 5. № 140. P. 257. Та же формулировка повторена в договоре между Михаилом Борисовичем и Казимиром в 1449 г. (LM. Kn. 5. № 141. P. 259).

князей, принадлежащих московскому государю: «А Федора Блудова а Олексанъдрова Борысова, сына Хлепенъского, и кн(я)зя Романова Фоминског(о), и их братьи, и братаничов отчыны земли и воды – все мое, великого князя Васильево. Такежъ Юрева доля Ромеикович(а) и кн(я)жа Федорова места Святославичъ – вся за мною, за великимъ княземъ, за Васильемъ»[18]. Формулировка грамоты позволяет сделать вывод о том, что земли указанных лиц принадлежали непосредственно великому князю московскому. Здесь не идет речи об их службе или союзных отношениях с Москвой. И действительно, Федор Блудов был казнен в 1440 г.[19], Александр Борисович Поле (если видеть его в сыне хлепеньского князя), вероятно, к середине XV в. давно умер (упоминался в 1390 и 1401 гг.)[20]. Князь Роман Фоминский был отождествлен А. А. Зиминым с князем Романом Ивановичем Козловским, представителем Фоминской династии[21]. В связи с этим можно предположить, что Роман Фоминский где-то в начале XV в. вынужден был оставить свои владения и перейти на службу к великому князю литовскому. От последнего и был получен в Вяземском княжестве Козлов, давший новое имя роду[22]. Владения остальных родственников, перечисленных в грамотах 1449 и 1494 гг. князей, также перешли к Москве. Сами же князья Фоминского рода в конце XIV в. служили

[18] Цитирован документ 1449 г. (LM. Kn. 5. № 78.1. P. 132–133). Тот же текст см.: LM. Kn. 5. № 78.2. P. 135; ДДГ. № 53. С. 160–161; № 83. С. 329–330.

[19] Федор (Федко) Блудов утопил сына знаменитого мценского воеводы Григория Протасьева Ивана, за что был повешен (ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 150; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 145; *Пономарева И. Г.* История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 4. 2005. С. 45). Сохранилось предание о существовании в районе Вязьмы местности с названием «Ступня Федора Блудова». Где точно она находилась, неизвестно, но вероятно, относилась к владениям именно того Федора Блудова, что был упомянут в двух московско-литовских договорах (*Виноградов И. П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890. С. 20).

[20] ПСРЛ. Т. 8. С. 61; Т. 15. С. 219; Т. 3. С. 396.

[21] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 247. Прим. 91. То же повторил А. А. Горский (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. Прим. 144. С. 140).

[22] Н. Д. Квашнин-Самарин предположил, что один из Фоминских князей (Василий) получил Козлов «за женой» (*Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 32). Населенные пункты с названием Козлово встречаются и в районе, близком к территории Фоминско-Березуйского княжества, например, с. Козлово и рядом д. Козлова у р. Шешмы или д. Козлова чуть восточнее пог. Молод. Березуй (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:C:1).

Москве[23]. Частично или полностью утратив владения на границе с ВКЛ, они продолжали нести службу по обороне западных пределов Великого княжества Московского[24].

Перечни в грамотах 1449 и 1494 гг. естественным образом распадаются на две части. В первой преобладают Фоминские князья. Возможно, и Федор Блудов относился к их числу. Среди Фоминских князей имя Федор было очень популярно, так что князь Константин Березуйских всех троих сыновей назвал Федорами[25].

Во второй группе названы Юрий Ромейкович (Романович) и князь Федор Святославич. Вероятно, первый из них тоже носил княжеский титул. Видимо, не следует связывать его с Фоминскими князьями, как это делает А. А. Горский, т.к. у князя Романа Козловского не известен сын Юрий[26]. В князе Федоре Святославиче Ржевском и Вяземском (Вяземском и Дорогобужском?) середины XIV в. также трудно увидеть упомянутого в грамотах середины и конца XV в. князя. Но сделать иное предположение не удается. Один из перечисленных князей владел какой-то долей земельного надела, второй – какими-то явно пограничными местами. Возможно, эти земли располагались рядом с Фоминско-Березуйским княжеством, являлись частью смоленской территории.

Таким образом, в полосе литовско-тверского пограничья на протяжении по крайней мере нескольких десятилетий второй половины XV в. (до 1485 г.) встречались вкрапления московских владений. Возможно, не все Фоминско-Березуйское княжество стало московским достоянием, существует вероятность его раздела между Москвой и Вильно. Поэтому важно подробно разобрать его первоначальный состав.

К территории Фоминско-Березуйского княжества[27] традиционно относят ряд городков на р. Вазузе (Фомин Городок, Березуеск, Хлепень)[28],

---

[23] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 30; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 140.

[24] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 165.

[25] *Зимин А. А. Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 230.

[26] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. Прим. 144. С. 141.

[27] Вероятно, территория будущего княжества была вместе с Ржевской землей частью Торопецкого княжества (отделилось от Смоленска во второй половине XII в.), и только в первой половине XIV в. оформилось в самостоятельный удел. Принято считать, что из Фоминского несколько позже выделилось Березуйское княжество (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 146).

[28] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Прим. 22. С. 368; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 146; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 162; *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. С. 170–171.

а также некоторые волости, тянувшие к этим городкам (например, Негомирь и Рогачев)[29].

Фомин Городок отождествлен с селом Фоминским, расположенным при впадении р. Осуги в Вазузу[30]. На северо-западной окраине современной деревни Фомино, на месте бывшего кладбища найдено городище, существовавшее с раннего железного века до нового времени[31]. В Фоминской волости в начале XVII в. числились деревни Яковлева, Сигова, Носонова, Подоловая и пустошь Терехова[32]. Село Насоново известно по материалам межевания конца XVIII в.[33] Становится очевидным, что территория Фоминской волости заходила и на правый берег р. Вазузы.

В XVI в. были известны два пункта – Старый и Молодой Березуй. Из них именно последний являлся старым удельным центром[34], что подтверждается и археологическими данными[35]. К Старому Березаю

---

[29] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 26.

[30] Там же. С. 22; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 285; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 381; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 162–163. Прим. 144.

[31] *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. № 503. С. 116; Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1 / Под ред. А. В. Кашкина. М., 2003. № 414 (81). С. 168, 194–195. На карте А. И. Менде обозначено село Фоминское Городище (Межевой атлас, составленный в 1848-49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 1 верста. S:W:F:2); на карте же Ф. Ф. Шуберта – просто Городище (Специальная карта Западной части Российской Империи, составленная и гравированная… при Военно-Топографическом депо с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. Масштаб в 1 дюйме – 10 верст. Лист XXIV).

[32] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I. 1257–1613 гг. // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. № 292. С. 312.

[33] Генерального плана Зубцовского уезда часть I. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. 1780–1790.

[34] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 285; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 146. На плане Генерального межевания Зубцовского уезда обозначено как пог. Молодой Березуй (Генерального плана Зубцовского уезда часть I), на карте А. И. Менде – погост Березуев (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 1 верста. S:W:F:2); на карте Ф. Ф. Шуберта – село Березуй (Специальная карта Западной части Российской Империи. Лист XXIV).

[35] *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. № 502. С. 116; Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1. № 350 (86). С. 168, 180–181. Составители археологической карты Тверской области ошибочно обозначили Березуеск как городище у погоста Б. (Ст.) Березуй. Сопоставление с картографическими

в начале XVII в. относились сельца Опалеево и Поротвино, деревня Лукина с пустошами[36]. Из них Протвино (Иваново) легко находится южнее погоста Ст. Березуй на карте А. И. Менде[37].

Хлепень существует до сих пор, на окраине деревни на мысу правого берега р. Вазузы сохранилось городище[38]. Накануне первой московско-литовской пограничной войны конца XV в. этот город с волостями принадлежал старшему вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу[39]. Включение в состав Фоминско-Березуйского княжества Хлепеня, а, следовательно, и всех его волостей основано на упоминании в договорах 1449 и 1494 гг. князя Александра Борисова, сына Хлепеньского, в одном блоке с князьями Фоминского рода. Это с большой степенью вероятности может быть Александр Борисович Полев (Поле), внук Федора Фоминского[40]. Дополнительным аргументом в пользу связи Хлепеня с территорией княжества является второе название Старого Березуя (находился между Фоминым Городком и Березуеском) – Полево[41].

Становление Хлепеня в качестве значительного административного центра с волостями могло произойти уже под властью ВКЛ. Но его известные волости (Ждать (Джать) и Понизовье[42], их было, вероятно, больше) можно с некоторой осторожностью отнести к Фоминско-Березуйскому княжеству. Из числа хлепеньских, несмотря на убеждение Н. Д. Квашнина-Самарина, нужно исключить волости Рогачев и Него-

материалами XIX в. определенно указывает на правильность локализации памятника именно у погоста Молодой Березуй. Кроме того, не Старый, а Молодой Березуй носил второе название Большой (*Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 380). По дожившему до нашего времени поселению городище получило название Золотилово. Последнее в XIX в. стояло чуть севернее Молодого Березуя (Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:C:1; Специальная десятиверстная карта Европейской России И. А. Стрельбицкого. 10 верст в дюйме (в 1 см – 4,2 км). 1870. Лист 43). В конце XVIII в. Золотилово еще не существовало (Генерального плана Зубцовского уезда часть I).

[36] АЗР. Т. IV. 1588–1632. СПб., 1851. № 183. С. 342.

[37] Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:C:1.

[38] *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. № 501. С. 115–116; Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. № 1318 (3). С. 138, 142; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 163. Прим. 144. Возник на месте укрепленной феодальной усадьбы, уничтоженной пожаром в середине XIII в. Получил новые оборонительные сооружения в XIV в.

[39] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2, 3; № 4. С. 16; № 12. С. 49; № 14. С. 54.

[40] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 26; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 140–141. Прим. 144.

[41] Там же. С. 27.

[42] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 49.

мирь[43]. Последняя, как и волость Сочовки (обе на р. Вазузе, выше по течению от Хлепеня), принадлежала князю Василию Бывалицкому[44]. Рогачевом же (на р. Осуге) владел сын пана Ивана (Яна) Ходкевича[45].

Мнение о принадлежности указанных волостей Хлепеню сложилось на основании текста духовной грамоты Ивана III, в которой он передавал сыну Дмитрию «город Хлепен, и с Рогачевым, и с Негомиремъ, с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами»[46]. Однако такая формулировка завещания свидетельствует о присоединении к числу хлепеньских еще двух волостей. Так же и к Можайску был добавлен ряд волостей, ранее входивших в состав ВКЛ (Турье, Ореховна, Дмитровец и др.)[47]. Характерно, что в духовной Ивана III Хлепень четко отделен от Тверской земли и Зубцова[48]. Впоследствии Хлепень с новоприобретенными волостями стал частью Зубцовского уезда, поглотившего всю территорию Фоминско-Березуйского княжества.

Из известных хлепеньских волостей (Ждать и Понизовье) приблизительно определяется место только одной. Волость Джать (Ждать)[49] – это позднейший Гжацкий стан Зубцовского уезда на правобережье р. Гжати при впадении ее в Вазузу[50]. Где был центр этой волости – неизвестно. Но его не следует отождествлять с находящимся значительно южнее Гжатском (Гагарином), хотя очевидно заимствование названий волости и позднейшего города у реки Гжать. У последней был правый приток – Ржать. Вдоль нее, судя по карте Ю. В. Готье, и располагалась волость[51]. Вариативность названия позволяет предположить его происхождение еще и от имени притока Гжати. Но впоследствии утвердилась форма «Гжацкий», что склоняет к первой версии.

---

[43] Н. Д. Квашнин-Самарин писал: «Итак, Александр Поле, а стало быть, и его отец, владели Хлепнем, брат же Бориса Евстафий мог сидеть или в смежном Негомири, или в Рогачеве, которые в грамотах ставятся рядом с Хлепнем, как Хлепенские волости» (*Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 27). Однако факт упоминания Рогачева и Негомири рядом с Хлепенем не дает им права считаться административно подчиненными этому городу. Эти волости никогда нигде не были названы хлепеньскими.

[44] СИРИО. Т. 35. № 4. С. 16; № 12. С. 49.

[45] Там же. № 18. С. 73; № 36. С. 195. Возможно, сына пана Яна Ходкевича звали Олешкой (Там же. № 16. С. 63, 66).

[46] ДДГ. № 89. С. 360.

[47] Там же. С. 355.

[48] Там же. С. 360.

[49] СИРИО. Т. 35. С. 2, 49.

[50] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 381; *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 237, 247.

[51] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. Карта. В переиздании 1937 г. карта Ю. В. Готье была сильно упрощена: на ней не были показаны границы волостей и станов.

Указание посольских книг на множественное число хлепеньских волостей, а также отсутствие упоминаний при московско-литовских пограничных конфликтах Фомина Городка и Березуеска говорит об их вероятном административном подчинении Хлепеню. Договор 1449 г. заставляет думать, что значительная часть территорий, принадлежащих двум городкам на р. Вазузе, оставалась в распоряжении московского государя. В случае принадлежности ВКЛ такие укрепленные центры, как Фомин Городок и Березуеск, несомненно, должны были бы участвовать в обороне его границ. Об этом вполне определенно писал и М. К. Любавский[52].

Из-за неправильного прочтения договора 1449 г. сложилось ложное убеждение о владении Хлепенем Москвой во второй половине XV в.[53] Высказывалось даже предположение о захвате его Казимиром после 1485 г.[54] Но в грамотах собственно о городе ничего не сказано и при этом упомянут даже не хлепеньский князь, а его сын уже без прозвища Хлепенский. Город Хлепень, несомненно, принадлежал ВКЛ. Таким образом, территория Фоминско-Березуйского княжества к середине XV в. была разделена между Москвой и Вильно. Первой достались Фомин Городок и Березуеск с некоторыми другими пограничными территориями, а второй – Хлепень с волостями.

К списку фоминских С. Б. Веселовский добавил населенный пункт Крюково (между Осугой и Вазузой), связав его название с именем жившего в конце XIV в. князя Михаила Федоровича Крюка, сына князя Федора Фоминского[55]. Деревня Крюкова существовала также в окрестностях погоста Ст. Березуй, на правом берегу р. Вазузы[56] (см. карту). Внимательный просмотр населенных пунктов в районе рек Вазузы и Осуги и сопоставление их названий с прозвищами князей Фоминского рода может дать дополнительные результаты в деле определения территории Фоминско-Березуйского княжества.

Так же, как через князя Александра Борисовича Поле удалось связать город Хлепень с территорией Фоминско-Березуйского княжества,

---

[52] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 284–285; *Он же.* Образование основной государственной территории. С. 82.

[53] О том, что Хлепень «в старых докончаньех предков наших и в отца его королеве докончанье записан к нашему великому княжству» утверждали московские бояре на встрече с литовскими послами (СИРИО. Т. 35. № 18. С. 77). Вероятно, так оно и было, но ситуация к середине XV в. существенно изменилась.

[54] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 38. Прим. 1.

[55] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 368.

[56] Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:C:1.

так и посредством изучения потомков этого князя можно выдвинуть (правда, более осторожно) предположение о принадлежности к составу княжества земель по р. Шешме.

В 1525–1526 гг. келарь Иосифо-Волоколамского монастыря приобрел у Ивана Васильева сына Полева и его детей Ивана и Михаила деревни Протасово и Головково в волости Шашме (Шешемской) Зубцовского уезда[57]. К 1539 г. вокруг р. Шешмы сложился комплекс владений Иосифо-Волоколамского монастыря, где обе указанные деревни «тянули» к селу Фаустова Гора[58]. Местоположение села определяется точно благодаря материалам Генерального межевания конца XVIII в. – у самого устья р. Вазузы, напротив города Зубцова[59]. К сожалению, из 12 принадлежавших ему деревень локализуется только Головково – у правого берега нижнего течения р. Шешмы[60] (см. карту). Очевидно, и д. Игумнова, расположенная ниже по течению Шешмы от Головкова, имела отношение к монастырским владениям[61].

Проданные Полевыми деревни, несомненно, являлись вотчинами, но каким образом они им достались? Возможно, как князь Михаил Федорович Крюк с сыном Иваном (из рода Фоминских) купили у новгородского посадника Юрия Онцифорова село Медну на тверском рубеже[62], так и Полевы в свое время приобрели какие-то земли рядом со своим княжеством – в Великом княжестве Тверском. Но непосредственное соседство делает вероятным и предположение об их изначальной принадлежности к фоминской территории. Может быть, и все течение р. Шешмы (Шешемская волость) когда-то входило в состав Фоминско-Березуйского княжества? Не является ли данный случай примером того, что, перейдя на московскую службу и потеряв суверенные княжеские права, князья Фоминского рода сохранили за собой владения в родном княжестве?

По территории Шешемской волости и непосредственно через с. Фаустова Гора проходила Волоцкая дорога (см. карту). Тем самым принадлежность волости к Фоминско-Березуйскому княжеству создавала

[57] АФЗХ. Ч. 2. № 96. С. 91.

[58] Там же. № 149. С. 144–145; № 189. С. 190–191.

[59] Генерального плана Зубцовского уезда часть I.

[60] Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. S:W:C:2. В устье р. Шешмы стояла еще одна деревня Головкова, но на плане Генерального межевания Зубцовского уезда она обозначена как Мазжарина и только на карте А. И. Менде появляется со вторым названием – Мазжарина, Головкова (Генерального плана Зубцовского уезда часть I. Межевой атлас, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб в 1 дюйме – 1 верста. S:W:F:2).

[61] Там же.

[62] АСЭИ. Т. 1. № 2. С. 26–27; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 364.

возможность контроля движения по одному из важнейших торговых путей Восточной Европы. Очевидно, из своего географического положения небольшое по размерам княжество могло извлекать выгоду, если бы участок дороги ему принадлежал.

По мнению исследователей, Фоминско-Березуйское княжество занимало бассейн нижнего течения р. Вазузы и ее притока Осуги[63]. После анализа скудных известий складывается впечатление, что его основная территория располагалась на левой стороне р. Вазузы вдоль двух притоков, носивших одно и то же название – Березуйка. У второй Березуйки, впадавшей в Вазузу выше по течению от Хлепеня, был левый приток – ручей Полевский. Не связан ли он с А. Б. Полевым? Может, именно от владений вдоль этого ручья он и получил свое прозвище? Или наоборот?

К территории княжества на юго-востоке относилось и правобережье нижнего течения р. Гжать (правый приток Вазузы), где лежала хлепенская волость Джать (Ржать). Юго-западные пределы с левой стороны р. Вазузы образовывали тесное соседство хлепеньских земель с Негомиром и Рогачевом.

Центр волости Негомир справедливо связывается с селом Немгорь, находившимся чуть южнее Хлепеня, также у берега р. Вазузы[64]. Поселение было хорошо укреплено, обладало сторожевой башней[65].

У центра волости Рогачев (очевидно – село с таким же названием у правого берега р. Осуга) не известно оборонительных сооружений. От него, возможно, осталось только селище[66], хоть Н. Д. Квашнин-Самарин представил погост Рогачев как небольшой городок[67].

На западе междуречье Вазузы и Осуги от Фомина Городка до Хлепеня в основном занимали Фоминская и Хлепеньская волости, но частично правобережье Осуги они уступали волости Рогачев (судя по ситуации середины XVII в.). Нет никаких данных о том, распространялась ли территория княжества за левый берег Осуги. Зубцовские станы (Лоцкий, Борисоглебский, Гостижский и Отрубский), заполняв-

[63] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 3; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории. С. 82; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 368. Прим. 22.

[64] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 27; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 381.

[65] *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. № 500. С. 115; Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. № 1313 (4). С. 138, 141.

[66] Можно видеть в селище Никольском, расположенном возле исчезнувшего к нашему времени села (Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. № 1310 (12). С. 138, 140).

[67] *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 27.

шие пространство до Ржевского уезда, в прошлом могли быть разделены между Тверским и Литовским великими княжествами. В связи с тем, что Ржевское и Фоминско-Березуйское княжества составляли в начале XIV в. единое целое, вероятно, первоначально разделявшего их пространства не существовало. Тогда некоторые будущие зубцовские станы необходимо отнести к фоминской территории (Ржевский уезд сформировался ранее Зубцовского и был устойчивее к изменениям).

Однако, как уже было отмечено, в литовско-тверских договорных грамотах 1427 и 1449 гг. выделено две пограничных зоны соседних государств – смоленская и, собственно, литовская[68]. Если первая – это место контакта волостей литовских князей Крошинских с тверскими землями Нового Городка (Хорвача) и Холма, то где искать вторую? Здесь, безусловно, уместно вспомнить передачу в состав ВКЛ ржевской волости Осуги, что произошло в правление литовского великого князя Кейстута (1381–1382). В XIV в. и позже волость Осуга была, вероятно, очень обширной и включала в свой состав значительную часть течения р. Осуги и земель вокруг нее.

Уступка из всего комплекса ржевских волостей ВКЛ одной лишь Осуги завершила длительный московко-литовский конфликт из-за Ржевской земли.

Контроль над верховьем р. Волги и водным путем по ней, выход через систему волоков к истоку Западной Двина, удобные сухопутные дороги из Москвы в Новгород, Тверь и Смоленск придавали Ржевской земле исключительно важное стратегическое значение[69]. Кроме того, по мысли В. А. Кучкина, обладание Ржевой давало военный и экономический контроль над юго-восточными границами Новгорода, северными границами Смоленска и южными границами Твери[70].

Таким образом, борьба за Ржеву имела принципиальный характер. Уступать не желала ни одна из сторон. Но в короткий период правления в ВКЛ Кейстута (1381–1382) был достигнут интересный компромисс. Москва добилась господства в Ржевской земле, но от последней в состав ВКЛ была передана одна волость – Осуга. Может возникнуть сомнение в выгоде для литовской стороны такого соглашения. Однако наблюдение за местоположением волости (вдоль течения р. Осу-

[68] ДДГ. № 23. С. 62–63; LM. Kn. 5. № 140. P. 257; № 141. P. 259.

[69] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 61; *Виноградов И. П.* Исторический очерк города Вязьмы. С. 77; *Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения С. 303; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 1. С. 49–50; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008. С. 76.

[70] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 164.

ги, левого притока Вазузы) позволяет понять сущность компромисса. Ржевская земля теперь надежно отделялась от московских земель, становилась эксклавом, а ВКЛ приобретало прямую связь с Тверью. Литовские власти могли контролировать грузопотоки и перемещения людей по дороге из Москвы в Ржеву и далее и беспрепятственно поддерживать контакты со своим тверским союзником (см. карту). В дальнейшем присоединение Смоленска и Вязьмы, подчинение части Фоминско-Березуйского княжества еще более укрепило положение ВКЛ в регионе, примыкавшем к верховью Волги, хотя последнее по-прежнему оставалось подконтрольно Москве.

Итак, территория по сторонам р. Осуги и была связующим звеном между Ржевской землей и Фоминско-Березуйским княжеством. Тверские земли переходили в районе Опок и Зубцова на правую сторону Волги, где перемежались с владениями ВКЛ.

Действительно, северная граница Фоминско-Березуйского княжества, видимо, не достигала Волги. Она могла захватить только устье р. Вазузы, да и то если принять во внимание принадлежность княжеству хотя бы части Шешемской волости.

На северо-востоке фоминско-березуйские соседствовали с тверскими землями, а именно волости Шешма (будь она тверская), Олешня и Синяя. Шешма, возможно, заслонила бы почти полностью территорию княжества, оставив лишь часть пространства для волости Синей. Но В. А. Кучкин вклинил волость Олешню между реками Шешмой и Вазузой, ближе к последней[71] и, таким образом, оттеснил Шешемскую волость от пределов Фоминско-Березуйского княжества и значительно урезал его территорию. Впрочем, проблема локализации тверской волости Олешни не представляется на сегодняшний день решенной (см. ниже).

Юго-восточные пределы Фоминско-Березуйского княжества за хлепеньской волостью Джать простирается значительное пустое пространство, где, вероятно, следует искать нелокализованные волости города Хлепеня или Крошинских князей. Здесь начинался участок литовско-тверской границы с чересполосицей владений обоих государств.

Итак, в начале XV в. условная линия восточной границы ВКЛ переходила от неопределенного состояния ржевского участка к чересполосице «литовского» фрагмента литовско-тверского рубежа, затем разрезала фоминско-березуйские земли и вновь попадала на чересполосный «смоленский» фрагмент литовско-тверского рубежа. После контакта с

[71] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 149.

тверской территорией граница шла на юг, где вновь встречалась с полосой неразграниченных земель можайско-вяземского участка.

В связи с убеждением в разделе Фоминско-Березуйского княжества между Москвой и Вильней возникает проблема распределения его территории. Вероятно, будет правильно отнести к числу московских собственно фоминские и березуйские земли, а к числу литовских – город Хлепень с его волостями (правда, из последних известны не все). Таким образом, граница ВКЛ проходила мимо фоминско-березуйского эксклава Великого княжества Московского, пересекая р. Осугу, опираясь какое-то расстояние на р. Вазузу, а затем следуя по направлению к западу, к тверским землям. Пустынный заболоченный характер местности между фоминско-березуйскими землями и владениями князей Крошинских позволяет обозначить зону «глухого» пограничья, но там могли располагаться и нелокализованные хлепеньские или вяземские волости.

Своеобразное состояние литовско-тверского участка восточной границы ВКЛ сохранялось с начала XV в. довольно долгое время. Но после присоединения к Москве Твери (1485) литовско-тверская граница превратилась в часть литовско-московской. В ходе начавшейся войны этот участок стал ареной боевых действий. Нападение велось московской стороной с двух направлений – из Твери, которой владел сын Ивана III князь Иван Иванович Молодой, и из Можайска, где сидел князь Андрей Васильевич Угличский, брат московского государя.

Прежде чем получить прямой доступ к городу Хлепеню и его волостям, были разорены и заняты вотчины князей Крошинских, располагавшиеся восточнее р. Гжать, правого притока Вазузы. К началу войны усилиями местной московской администрации (непосредственно – служилыми людьми удельных князей) была преодолена широкая пограничная полоса, которая и со стороны Вяземского княжества оберегала покой литовско-московской границы. За этими землями московские силы практически не встретили сопротивления. Крошинские князья оказались способны только на жалобы великому князю литовскому[72].

Со стороны Твери не было препятствий для воздействия на хлепеньские земли. Здесь смыкались и даже располагались чересполосно тверские (теперь московские) и литовские земли, были проложены удобные для подвода войск дороги. Это был один из немногих непосредственных выходов к территории ВКЛ. Представляется, что власти ВКЛ особо не беспокоились о возможности нападения со стороны Москвы, ведь до 1485 г. их соседом была союзная Тверь. Южнее начиналась пограничная полоса, создававшая естественный заслон от воз-

[72] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 74.

можных нападений со стороны Москвы. Один лишь городок Хлепень не мог послужить надежным стражем литовской границы. Других крепостей в районе р. Вазузы и ее притоков не было.

Итак, московско-литовское противостояние на Верхней Оке, характеризовавшееся стремлением обеих сторон к созданию более прочных связей со своим союзником (Литва – Тверь) или отдаленным владением (Москва – Ржева), привело к интересному феномену, в центре которого были земли Фоминско-Березуйского княжества. Сложилась устойчивая московско-литовско-тверская пограничная зона, существовавшая со второй половины XIV до конца XV в. Имели место и взаимные уступки (Ржева – Москве, а ее волость Осуга – ВКЛ), и, вероятно, прямой раздел территории мелкого и слабого государственного образования – Фоминско-Березуйского княжества. Граница на небольшом пространстве включала участки чересполосных владений (смоленско-тверской и литовско-тверской), зоны прямого контакта территорий государств (вероятно, по линии раздела Фоминско-Березуйского княжества) и «глухие» рубежи с полосами неосвоенных земель (между вяземскими и можайскими волостями). Различные формы границы на долгое время обеспечили политическое равновесие в стратегически важном регионе, через который проходила Волоцкая дорога, «Серегерский путь» (из Москвы в Новгород)[73] и в котором осуществлялся контроль за водными путями по Волге, Вазузе и т.д.

С исчезновением в регионе одного из политических субъектов – Великого княжества Тверского – граница потеряла стабильность. В короткое время пограничная зона была поглощена московским государством, слилась с тверскими и можайскими землями и была интегрирована в новые административно-территориальные единицы Великого княжества Московского. Реконструкция первоначального состава как древнего Фоминско-Березуйского княжества, так и соседних с ним территориальных образований дается с большим трудом и может считаться делом до конца невыполнимым.

[73] *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Вып. 20. Историческая география СССР. 1950. С. 280, 299; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 138.

§ 2.5. Вяземское княжество на периферии Великого княжества Литовского. Владения князей Крошинских

Наличие на восточной границе Великого княжества Литовского Вяземского княжества может показаться случайным явлением, связанным с тем, что оно довольно поздно вошло в состав ВКЛ (1403)[1]. Однако рядом находилось Бельское княжество – одно из первых приобретений литовских правителей, в начале XV в. вновь воссозданное уже для представителя рода Гедиминовичей. Южнее Вяземского княжества располагался массив так называемых Верховских княжеств, чьи князья находились в разной степени зависимости от великого князя литовского. Видимо, в их полной лояльности у литовских властей не было уверенности, поэтому явными форпостами в землях верховских князей выглядят города-крепости, непосредственно подчинявшиеся великому князю (Мценск и Любутск)[2]. Наконец, к рассматриваемой группе территориальных образований необходимо отнести княжества Стародубское и Новгород-Северское, специально созданные для князей-беглецов из Москвы (Иван Андреевич Можайский и Иван Дмитриевич Шемячич).

Очевидно, выделение одних, сохранение других и искусственное образование третьих княжеств преследовало определенную цель – создание прочного барьера на пути экспансии Великого княжества Московского, в официальной идеологии которого, обозначенной и в титуле правителя – «Государь всея Руси», отражено стремление к объединению всех русских земель, входивших некогда в состав Древней Руси.

Вяземское княжество почти столетие определяло восточную границу Великого княжества Литовского. Эта граница была очень стабильной, т.к. до момента захвата московскими войсками (1493) на вяземском ее участке не известно ни одного изменения.

Сохранение в неприкосновенности Вяземского княжества великим князем литовским было связано во многом с его пограничным положением. Сразу же после присоединения к ВКЛ Вяземского княжества в его пределах начинаются военные действия. Уже в 1406 г., несмотря на существующий литовско-московский союз, «князь великий Василей Дмитриевич московский», а вместе с ним «и князь Иван Михайлович тверский сложиша крестное целование к Витовту» собрали большое войско и отправили воевать литовские земли

[1] ПСРЛ. Т. 11. С. 188.

[2] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 51–52.

(города Вязьму, Серпейск и Козельск)[3]. В 1408 г. поход повторился, и под Вязьмой было заключено перемирие[4]. Москва не признавала власть ВКЛ над Вязьмой. Только собственные внутренние неурядицы не позволили ей продолжить начатую борьбу. Но сразу же после ликвидации внутренней смуты в 1445 г. последовал набег двух татарских царевичей (видимо, Мамутяка и Якуба, перешедших на службу к Василию Темному) на Вязьму, Брянск и другие города. В ответ Казимир Ягайлович направил свое войско на Можайск, а под Суходревом произошло сражение[5]. На время борьба за Вязьму была приостановлена. В 1449 г. был заключен так называемый «вечный» мир, определивший спорные участки литовско-московских границ. Вяземские границы в их число не входили.

Укрепление восточной границы осуществлялось Казимиром путем сохранения старых порядков на недавно присоединенных к ВКЛ землях и уступок наиболее значимым вассальным князьям. Можно уловить определенную тенденцию: чем ближе какие-либо территории находились к границе, тем большей самостоятельностью и привилегиями они обладали.

Отношение центральной власти к вассальным и служебным князьям прошло определенную эволюцию. Согласно традиции, защищаемой перед судом панов-рады в 1495 г. Александром Ходкевичем, он, как племянник бежавшего князя Федора Бельского, имел право на часть отчины изменника, в то время как она «з ласки» господаря была отдана Семену Ивановичу Бельскому[6]. Однако рада решила, во-первых, оставить имения у брата беглеца, а, во-вторых, в будущем «который коли зрадца утечет от господаря челом не ударивши, ни на кого его именья по близкости не спадуть, только на господаря»[7]. Таким образом, в 1495 г. было утверждено радикальное решение – отторжение вотчин князей-беглецов в великокняжескую казну. В 1509 г. был издан специальный «Устав о имениях государских изменников»[8]. При измене отца все его имение отходило к господарю. В воле последнего жаловать или нет имением отца детей изменника. В случае, если один из братьев «зраду вчинит», а их имение еще не поделено, все переходило к господарю. Но если общее имение уже поделено между братьями по «делницам», а один из братьев изменил, то лишь его «делница» отходила в казну, другие

[3] ПСРЛ. Т. 11. С. 193; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 461.

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 465.

[5] ПСРЛ. Т. 3. С. 424–425..

[6] АЗР. Т. 1. № 126. С. 149.

[7] Там же.

[8] Там же. Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848. № 50. С. 62.

владения не затрагивались[9]. Налицо запоздавшая попытка усиления великокняжеской власти над полусамостоятельными литовскими князьями. Можно ли было реализовать эти решения, когда за спиной князей-изменников стояла сила, в тот момент большая, чем у великого князя литовского?

В пограничных спорах Иван III утверждал, что перешедшие на его сторону князья «и наперед сего нашему отцу и нашим прежним великим князем... служили с своими вотчинами»[10]. Даже вяземские князья были отнесены к числу старых московских слуг: «а из старины князи Вяземские и Мосальские служили предком нашим великим князем и с своими вотчинами, а и в старых докончаньех то писано»[11].

Сразу после присоединения Вяземского и Смоленского княжеств к ВКЛ создается система управления периферийными княжествами и владениями во главе со смоленским наместником. По словам М. К. Любавского, образовавшийся Смоленский повет с московской стороны был окружен «поясом княжеств и владений, отдававшихся в судебно-административном отношении наместникам, причем все эти княжества и владения в Смоленске имели свое военно-политическое средоточение»[12]. Однако далеко не все они подчинялись наместникам. Великокняжеские наместники были в Любуцке и Мценске (Иван Юрьевич Трубецкой), Серпейске, Брянске (Дмитрий Путятич Друцкий), Торопце и некоторых других. Многие города оставались центрами княжеских владений, зависимых от великокняжеской власти. Выявить степень этой зависимости помогают договорные грамоты великого князя литовского и местных князей.

В подчинение смоленскому наместнику попали и вяземские князья, которые после присоединения к ВКЛ были оставлены на своих местах с вотчинами[13]. Со своими боярами и слугами они входили в смоленское ополчение, подчиняясь в военном отношении смоленскому наместнику, и ежегодно платили посошину[14].

В пределах Вяземского княжества находились владения пришлых князей. Хлепенской волостью Рогачев владел сын Ивана (Яна) Ходкевича[15], а в непосредственной близости от московской границы обосновались князья Глинские (князь Федор Глинский с

[9] Там же.
[10] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 5.
[11] Там же. № 22. С. 107.
[12] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 286–287.
[13] Там же. С. 33.
[14] Там же.
[15] СИРИО. Т. 35. № 17. С. 72.

братьями)[16]. В великокняжеской раде разбирались поземельные споры вяземских князей (дело князя Козловского). Это свидетельствует о том, что центральные власти вмешивались и контролировали земельные отношения княжества.

Как отмечает М. М. Кром, отсутствие договоров литовской великокняжеской власти с вяземскими князьями связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, присоединение Вязьмы к ВКЛ произошло насильственным образом, путем захвата, а во-вторых, сами вяземские князья не были полностью самостоятельны, находились в вассальной зависимости от смоленских князей, Смоленское же княжество было ликвидировано. С оставленными на своих местах и на своих владенияхи вяземскими князьями были определены отношения. Они должны были платить посощину, как это делали и Верховские князья[17]. «Кн(я)зю Костянтину Вяземъскому самому посощину на своих людех имати, а давати ему зъ года на годъ по тридцати рублев къ Смоленьску у нашу казну»[18]. Посощина из вяземских земель концентрировалась в Смоленске – административном центре большого региона.

Трудно судить о роли в Вяземском княжестве старшего князя, собиравшего дань для центральной власти со всех местных князей. По-видимому, некоторые князья, имевшие вотчины в Вяземском княжестве, сами отчитывались перед верховной властью (например, Глинские). Вяземское княжество включало владения многих княжеских родов (Бывалицких, Жилинских, Козловских, Крошинских и др.), часто терявшихся в среде мелких собственников и неизвестных даже по именам и отчествам.

Владения некоторых вяземских князей были довольно велики. К началу московско-литовских пограничных конфликтов (благодаря которым и откладывается в источниках большинство сведений о землевладении вяземских князей) старший вяземский князь Михаил Дмитриевич владел своей долей в Вязьме, городом Хлепенем с волостями, волостями Дубровой (с Дубровским двором), Ореховной, Могиленом, Негодином, Миценками, Ждатью[19]. Кроме того, в пользу Михаила Дмитриевича шли торговые пошлины в городе Вязьме и Волочке Вяземском[20].

Многочисленные владения в Вяземском княжестве имели и князья Крошинские. Волости Тешиновичи, Сукромно, Олховец, Над-

[16] Там же. № 1. С. 3.

[17] Там же. С. 53–54.

[18] LM. Kn. 3. P. 47.

[19] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 49; *Любавский М. К.* Областное деление... С. 283; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 65.

[20] СИРИО. Т. 35. № 2. С. 9.

славль, Отъездец в самом начале войны в 1487 г. были заняты московской стороной.

Характерно, что наиболее обеспеченные в земельном отношении вяземские князья не изменили великому князю литовскому и не перешли на московскую службу. Методичное давление на вяземских князей не привело к ожидавшемуся результату. В конце 1492 г. на сторону Москвы перешел лишь князь Андрей Юрьевич Вяземский, вотчиной которого было единственное село с деревнями на Днепре. Правда, в самой Вязьме князь Андрей владел дворами, собирал пошлины, имел казну и людей[21]. Все владения князя Андрея захватил князь Михаил Дмитриевич Вяземский[22], но вскоре (зимой 1492/1493 г.) Вязьма была взята большим московским войском (пять полков во главе с Данилом Васильевичем Щеней). По словам летописи, вяземские князья и паны были пленены, приведены в Москву «и князь великій ихъ пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязмою и повеле имъ себе служити»[23].

Однако реальность не соответствовала свидетельству тенденциозного источника. Прежде всего, землевладение местных князей не было оставлено неприкосновенным. По словам В. Б. Кобрина: «Указания на владения вяземских князей в их бывшей вотчине, любезно им пожалованной в конце XV в., к середине XVI в. отсутствуют не почти, а просто полностью»[24]. Вяземские князья были распылены по территории всего Российского государства и числились по Переяславль-Залесскому, Романовскому (Пошехонскому), Белозерскому, Костромскому, Кашинскому и Сурпуховскому уездам[25]. Что касается вяземских панов, то лишь некоторые из них сохранили свои владения в бывшем Вяземском княжестве (Маршалковы, Волженские, Коковинские, Здешковские, Лосминские). Но и они приобрели статус помещиков[26]. Фамилии коренного вяземского происхождения вычислялись В. Б. Кобриным по их польскому корню (Маршалковы) либо по географическим ориентирам (Волженские, Коковинские, Здешковские, Лосминские – Волженская волость, Коковинский и Коков станы, река Коковинка, село Издешково, р. Лосмина, или Лосьминка и Лосьминский стан). Вывод В. Б. Кобрина однозначен: «Вяземский

[21] LM. Kn. 5. P. 67; СИРИО. Т. 35. № 19. С. 81.

[22] АЗР. Т. I. № 109. С. 127.

[23] ПСРЛ. Т. 31. С. 235. В белорусско-литовских летописях отсутствуют сведения о возвращении на свои вотчины вяземских князей, зато говорится о гибели в заточении вяземского князя Михаила Дмитриевича и о держании «в заставе» и «нятстве» смоленских князей и бояр (Там же. Т. 35. С. 122).

[24] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 123.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 123–124.

уезд в XVI в. – край чисто поместного землевладения»[27]. Тенденция превращения Вяземского княжества в край поместного землевладения, очевидно, отражает последовательную политику московских властей. Довольно долго сохранялась опасность утраты пограничного региона, тем более что на своих местах оставались прежние землевладельцы. Насаждение поместного землевладения с одновременной ликвидацией местного вотчинного явно свидетельствовало о стремлении прочно закрепиться в недавно присоединенном регионе. Политически ненадежные вяземские землевладельцы, многие из которых были насильно приведены к присяге, не могли служить опорой московской великокняжеской власти.

Вязьма была захвачена, но предстояло оформить ее присоединение договором. Литовские послы первоначально соглашались лишь на раздел вяземских земель по тому, кто кому служит[28]. Но представитель Ивана III заявил: «О Вязме так нелзе быти, за все будут брани да жалобы, ино Вязме всей пригож быти за нашим государем»[29]. Возобладала точка зрения московской стороны, подкрепленная силовым давлением.

Формулировка докончания Ивана III с Александром Казимировичем «ни кн(я)зеи мне вяземских к себе не приимати» означает, очевидно, не просто отказ от возврата к себе на службу вяземских князей, а перестраховку на случай земельных притязаний бывших вяземских землевладельцев. Вяземские князья, разумеется, могли вернуться на сторону великого князя литовского, но владения их в этом случае оставались за Москвой. Характерно, что из московского плена многие вяземские князья возвратились в ВКЛ. Старший вяземский князь Михаил Дмитриевич умер в московском плену, но его мать, княгиня Марья, была отпущена. Также вернулись «к себе» дети князя Михаила Василий и Андрей, князь Василий Бывалецкий, два сына князя Михаила Юрьевича, князь Козловский[30].

Поскольку присоединение к Москве Вяземского княжества произошло с соблюдением его территориальной целостности и компактности, мы можем привлечь для изучения литовско-московской границы значительно более широкий круг источников, чем договорные грамоты. Задачей становится определение территории и границ самого отторгнутого территориального формирования, с его административным устройством, составом земельных владений и населенными пунктами. Таким образом, возможность реконструкции литовско-московской границы значительно расширяется.

[27] Там же. С. 124.
[28] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118.
[29] Там же. С. 119.
[30] Там же. № 24. С. 133; № 25. С. 141.

Интересно проследить изменение территориального состава крупных административных единиц. На можайско-вяземском пограничье не определены местоположение и владельческая принадлежность двух пограничных волостей. Вероятно, выяснение исторических судеб волостей Чагощи и Болонеска позволит приоткрыть завесу над не освещенным источниками процессом формирования литовско-московской границы, по-новому взглянуть на историю взаимоотношений государств, соперничавших в деле объединения русских земель.

Обе волости прослеживаются по письменным источникам со второй половины XIV в. Чагощa, видимо, появилась в середине XIV в., так как упоминается как слободка при великом князе московском Василии Дмитриевиче. Очевидно, только поселившиеся на новом месте, на пустовавшем пограничье, крестьяне получили определенные льготы, что выразилось в наименовании Чагощи слободкой. Название волости отразилось в двух не дошедших до нас грамотах, упомянутых в описи Посольского приказа 1626 г.[31] и датирующихся временем правления великого князя московского Василия Дмитриевича (1389–1425) (1-я), и до 17 сентября 1373 г. (2-я)[32].

Волость Болонеск стала известной исследователям благодаря духовной грамоте великого князя московского Дмитрия Ивановича (первая половина мая 1389 г.)[33]. В завещании Дмитрия Донского

[31] ДДГ. С. 462; См. также: Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. Л. 10об. С. 37.

[32] О датировке см.: *Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева: Сборник статей. СПб., 2007. С. 230–253.

[33] О датировке см.: *Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001. С. 123. Упоминание в летописи Болонского (Боложского) леса с большим трудом можно считать первым известием о центре волости городе Болонеске (Боложске). Хотя, вероятно, что как название леса, так и самой волости и ее центра происходят от речки Оболонки, левого притока Гжати. Также вероятно происхождение названия леса от р. Болвы (*Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 38). Н. М. Карамзин, ссылаясь на какую-то «краткую летопись», а П. В. Голубовский – на летописец Игнатия Смольнянина пишут об отдельном от Ольгерда походе смоленского князя Святослава к Поротве, возвращении части смоленского войска с воеводой Возгривцем, отягощенного пленными, к Смоленску и о поражении смолян «на лесе на Болон(ь)ском» от можайского войска (*Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. V. М., 1993. Прим. 19. С. 231; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895. С. 68). Следует заметить, что основной маршрут похода Ольгерда на Москву зимой 1370 г. проходил совсем в других местах – видимо, через территорию Тверского княжества, к Волоку Ламскому, а затем к Москве. Однако сообщение Н. М. Карамзина и П. В. Голубовского может быть и досто-

были впервые перечислены можайские волости, хотя принадлежащим Москве «со всими волостми» Можайск был назван уже во второй духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 г.)[34]. Итак, Дмитрий Донской передавал своему сыну Андрею «Можаескъ со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми. А волости Можаиские: Исмея, Числов, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи съ Загорьем, Болонескъ»[35]. Учитывая тот факт, что по археологическим данным центр волости Болонеск существовал еще в домонгольское время (городище и селище, то есть город с посадом)[36], можно думать, что Москва приобрела в 1303 г. Можайск вместе с Болонеском. Кроме того, центр волости Болонеск в качестве города фигурирует в известном «Списке городов русских дальних и ближних», составленном в конце XIV в.[37]

Волости Чагоща и Болонеск различались не только временем появления (соответственно около середины XV в. и древнерусское время), но и владельческой принадлежностью. Чагоща при первом упоминании являлась вотчиной Семена Васильевича и Юрия Борисовича, которых А. В. Кузьмин отождествил с московскими боярами Семеном Васильевичем Окатьевым, предком Валуевых и Юрием Борисовичем, предком Новосильцовых[38]. Два боярина продали свою вотчину Василию Васильевичу Вельяминову[39], что могло произойти до 17 сентября 1373 г. (дата казни московского тысяцкого). После смерти В. В. Вельяминова, как показал А. В. Кузьмин, Чагоща пере-

---

верным. Смоленский князь Святослав Иванович действительно присоединился к походу Ольгерда (ПСРЛ. Т. 11. С. 14), а свой маршрут до встречи с великим князем литовским он мог выбрать самостоятельно. Князь Святослав прошел из своих земель к верховьям р. Протвы, где находилась волость Поротва, известная по завещанию Дмитрия Донского, затем отпустил часть своего войска, а сам проследовал еще к Верее, которую захватил (по сообщению Н. М. Карамзина), а затем уже пошел на соединение с Ольгердом к Волоку Ламскому или, вероятнее, прямо к Москве (в летописях говорится о походе от Волока одного Ольгерда).

[34] ДДГ. № 1. С. 9.

[35] Там же. № 12. С. 34.

[36] Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997. С. 25–26.

[37] По мнению М. Н. Тихомирова – между 1387 и 1392 гг., Е. П. Наумова – между 1394 и 1396 г., В. Л. Янина – между 1375 и 1381 г. (*Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 89; *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 155; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. С. 67).

[38] *Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в. С. 230–253.

[39] «Грамота Василья тысецкого, что купил у Семена Васильевича да у Юрья Борисовича Чагощу вотчину всю» (ДДГ. С. 462; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Л. 10об. С. 37).

шла ко второму сыну тысяцкого – Микуле[40]. Это стало известным из подтверждения владения великого князя Василия Дмитриевича Чагощью вдове Микулы Васильевича Марии[41]. Далее волость не упоминается в письменных источниках вплоть до начала XVI в.

Болонеск, в отличие от Чагощи, с самого начала составлял часть владений московского княжеского дома. В 1389 г. волость была передана третьему сыну Дмитрия Донского Андрею[42]. Андрей Дмитриевич Можайский мог владеть Болонеском до 1432 г. (года его смерти), а затем волость перешла его сыну Ивану (вместе с Можайском). Однако, как и Чагоща, Болонеск вновь упоминается спустя значительное время. Существует косвенное свидетельство, что в конце XIV в. (до 1389 г. или, вероятнее, после) волость Болонеск переходила к смоленским владениям.

Название города, близкое к Болонеску, дважды упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних». Среди залесских городов указан «Болонеск» (в Ермолинской летописи), или «Боленеск» (в Воскресенской летописи), или «Оболенеск» (в Софийской летописи)[43]. Этот последний топоним М. Н. Тихомиров соотнес с «Болонеском», считая его центром одноименной волости. Однако в «Списке русских городов...» в числе смоленских замечается Оболенск. Его М. Н. Тихомиров ошибочно (как справедливо указал В. А. Кучкин) отождествил с Оболенском на р. Протве[44]. Вероятнее всего именно залесский город «Болонеск» является Оболенском – центром удельного княжества, а смоленский город «Оболенеск» – Болонеском – центром волости[45]. Кстати, в Можайских актах бывшая волость именуется станом «Болонским» или «Оболонским»[46].

---

[40] *Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в. С. 237.

[41] «Грамота великого князя Василья ж Дмитреевича, дана дядине ево Марье на слободку на Чагощу» (ДДГ. С. 462; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Л. 10об. С. 37). Мария Дмитриевна являлась старшей дочерью суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, вторая дочь которого – Евдокия – была выдана замуж за великого князя Дмитрия Ивановича.

[42] ДДГ. № 12. С. 34.

[43] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 251.

[44] *Кучкин В. А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (Число и политико-географическое размещение) // ИСССР. № 6. 1990. С. 75.

[45] Перечисляемые в «Списке...» города находятся, как правило, близко друг от друга, что служит дополнительным доказательством правильности принятой локализации, так как Болонеск вписан в следующий ряд: «Серпохов. Новый городок. Лужа. Боровск. Болонеск. Одоев. Любутеск». (*Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 225).

[46] Можайские акты 1506–1775 гг., сообщил архимандрит Дионисий. СПб., 1892. С. 198.

В 1389 г. Болонеск был назван среди можайских волостей, а в конце XIV в. (время составления «Списка городов...») его вдруг причислили к смоленским городам. В то же время Можайск назван залесским городом[47]. Таким образом, возможно, что Болонеск на некоторое время был оторван от Москвы[48]. Возврат Болонеска в состав московских владений, вероятно, следует относить к концу XV в., когда московские удельные князья и служилые люди повели активное наступление на соседнее с можайскими и тверскими землями Вяземское княжество.

Определение местоположения волости Болонеск не представляет сложности. Основной массив ее территории составляли, очевидно, земли в районе р. Оболонки (Оболони), впадающей в Большую Гжать в верховьях последней[49]. Кроме того, поселения Болонского (Оболонского) стана в середине XVII в. находились на р. Гжать и занимали устье р. Малой Ворьки при впадении ее в Ворю (приток Угры)[50]. Возможно, к Болонскому стану относились также запустевшее село Борановское на р. Колоче и село Вешки (одноименный населенный пункт на р. Большой Гжати в 16 км южнее устья р. Оболенки или Ветцы на р. Алешне – центр древней смоленской волости Ветской)[51]. За р. Гжать территория волости Болонеск, очевидно, не заходила. Там размещались уже поселения Могиленского стана (возможно, значительно увеличившего свою территорию к середине XVII в.)[52]. Таким образом, ядро волости Болонеск составляли земли по обеим сторонам ст устья р. Оболенки, вытянутые на восток к самому верховью р. Вори.

У устья р. Оболенки находился центр волости – древний Болонеск. Археологические данные подтверждают как древность Болонеска, так и продолжительность его существования на протяжении

[47] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 225.

[48] *Кучкин В. А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. С. 75.

[49] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV в. С. 68; Можайские акты. С. 198. Видимо, волость Болонеск занимала не все течение р. Оболони, так как на этой реке упоминаются селения Могиленского стана (с. Никольское-Дятлово) (Можайские акты. С. 177).

[50] Запустевшие погосты Рождественский и Никольский на р. Гжати, на устье р. Малой Ворьки село Ворганово (Можайские акты. С. 198). На Малой Ворьке находилось запустевшее село Семеновское, принадлежащее Могиленскому стану (Там же. С. 197).

[51] Можайские акты. С. 199. Отождествление центра древней смоленской волости Ветской с современным селом Ветцы находит подтверждение по археологическим данным (Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997. С. 23).

[52] Село Микулево-Костивец (современное Костивцы) и запустевшее село Обручево (Воронцово) на р. Гжать (Можайские акты. С. 198).

всего средневековья[53]. Величина городища Болонеска, наличие посада, свидетельствуют о большом торгово-ремесленном значении волостного центра, находящегося на пути между Вязьмой и Можайском. Несомненно также оборонное значение города, служившего, очевидно, московским форпостом на крайних западных рубежах княжества. Учитывая тот факт, что р. Оболенка совсем короткая (чуть больше 3 км), а не все ее течение принадлежало волости Болонеск, можно прийти к выводу о непосредственной близости границы к самому г. Болонеску. Таким образом, клином врезаясь в вяземские земли, городок Болонеск прикрывал не только территорию своей волости, вытянувшуюся за ним на восток, но и служил передовым оборонным пунктом на западной московской границе. Тем не менее, видимо, с конца XIV в. значение Болонеска упало. Известия о Болонском стане появляются в источниках только в XVII в.

Волость Болонеск непосредственно соседствовала с рядом вяземских волостей, известных с XV в. К югу, юго-западу и юго-востоку от нее находились владения старшего вяземского князя Михаила Дмитриевича Дуброва (с Дубровским двором), Могилна (Могилен) (на самой границе по р. Гжати и Воре и притоку последней Могиленке)[54], Миченки (Миценки), Ореховна (на р. Истре, притоке Вори)[55] и князей Глинских Сулидов (Судилов), Шатешь (Щателша) и Турьев (Турье) (на рр. Воре, Городенке и притоке Угры Турее)[56]. Эти волости компактно размещались по обеим сторонам р. Вори, растянувшись от р. Жижалы (приток Угры) до р. Желоньи (приток Истры).

Многие упомянутые выше вяземские волости обозначены в духовной грамоте Ивана III 1504 г. в составе Можайского уезда. «Да ему ж (сыну Василию. – *В. Т.*) даю город Можаескъ с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и з Чягощью, и с Турьевым, и с Ореховною, и с Могилном, и с Миченками, и съ Шатеш(ь)ю, и з Сулидовым, и з Дмитровцом по обе стороны Угры, и с-ыными ме-

[53] Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997. С. 25–26.

[54] Можайские акты. С. 177–178, 197–198; *Любавский М. К.* Областное деление… С. 283; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 574. Судя по актам, Могиленский стан касался и рек Протвы, Гжати и Оболони, включал участки речек Малой Ворьки и Колодезенки.

[55] СИРИО. Т. 35. С. 49; *Любавский М. К.* Областное деление… С. 283.

[56] СИРИО. Т. 35. С. 3, 20; ДДГ. № 89. С. 355; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. XII. Вып. II. Новая серия. Кн. 5. СПб., 1901. Ч. I. С. 13–14; *Любавский М. К.* Областное деление… С. 283.

сты, что к ним потягло»[57]. Не вызывает сомнений то, что добавленные к Можайску волости – это недавние приобретения. Посольские книги свидетельствуют о захвате указанных волостей уже в 1486–1492 гг.[58] Среди новых можайских волостей мы встречаем и Чагощу, а так как территория волости Болонеск оказывалась как бы в тылу московских владений, между старыми и новыми можайскими волостями, то можно сделать вывод и о ее присоединении к Москве.

Итак, в завещании Ивана III отдельно упоминаются не старые можайские волости, а только новины. Все приписанные к Можайску волости, записанные в грамоте за стандартной формулой «город Можаескъ с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами» – это недавние владения ВКЛ. Только Чягоща выпадает из списка. Неизвестно, кому она принадлежала до начала XVI в., да, и где располагалась тоже. Почти все волости (кроме Дмитровца[59]), приписанные к Можайску, компактно занимали пространство с обеих сторон р. Вори (приток Угры). Логично предположить, что Чягоща также находилась где-то поблизости от приписанных к Можайску волостей. Но, судя по тому, что список волостей начинается с Чягощи, она также и могла быть отдалена от вяземских волостей, как, скажем, Дмитровец, замыкающий список и располагавшийся в стороне от основного земельного массива. Локализация М. К. Любавским Чягощи «между верховьем Москвы и Гжатью»[60], к сожалению, не находит подтверждения.

В. Н. Дебольский, опираясь на материалы, собранные братьями В. и Г. Холмогоровыми, ставил Чагощу около р. Гжать[61]. Там находилось село Булычево, которое принадлежало Тягожской волости в конце XVII в., видимо, справедливо отождествленной с древней Чагощей. Холмогоровы упоминали село «Тягощи, Болычево тож» в дворцовой Тягожской волости[62]. В 1691 г. оно было пожаловано царями Петром и Иваном боярину Петру Ивановичу Прозоровскому[63]. До этого, в 1666 г., при с. Тягощи размещалась деревня Болычева. Вероятно, вскоре оба поселения слились, при этом постепенно закрепилось одно название Болычево-Булычево.

---

[57] ДДГ. № 89. С. 355.

[58] СИРИО. Т. 35. С. 2, 36, 48, 74, 119.

[59] Не входил в состав Вяземского княжества.

[60] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 46.

[61] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. С. 43.

[62] *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. Вып. 10. Можайская десятина (Московского уезда). М., 1901. С. 57.

[63] Там же. С. 36, 57–58.

Болычево сохранилась до наших дней. Оно располагается на северо-восток неподалеку от г. Гагарина (бывший Гжатск) на р. Алешне[64]. Казалось бы: вот центр старой волости. На север от него, совсем рядом, видим Болонеск. Вместе обе волости хорошо маркируют литовско-московскую границу. Однако необходимо признать, что в данном случае Чагоща локализована неверно.

Дело в том, что В. Н. Дебольский случайно увидев первое же созвучное с искомым поселение, им и удовлетворился. Но, во-первых, в окрестностях несколько других Болычевых-Булычевых, а во-вторых, данные изданных архим. Дионисием Можайских актов позволяют с большим основанием локализовать с. Тягощи (Тягищи) и определиться с территорией его волости.

Государево дворцовое село Тягищи упоминается в 1653 г. Акты в нем перечисляют пустые церковные земли: церковное место (церкви уже не было, видимо, после «литовского разорения» начала XVII в.), места бывших дворов и пашня, которая поросла лесом. Границы владений подтвердили крестьяне смежных сел Поречья и Мышкина[65].

В 1668 г. ситуация с церковными владениями в с. Тягоща, видимо, улучшилась. С них собирался оброк (правда, маленький, только 6 денег), распахивалась земля (2 с половиной десятины, а лес занимал 8 десятин), собиралось сено (10 копен). Упоминается дорога от села к деревне Булычевой, государев лес до речки Медведки, грани на дороге в с. Лисавино и пустошь Хотяйка.

Таким образом, Тягища-Тягоща находилось в соседстве с с. Поречье, Мышкино и Лисавино, недалеко от р. Медведки. Все эти пункты легко отыскать на современной карте. Мышкино (на р. Москве), Поречье (в устье р. Иночь, которая впадает слева в р. Москву) и Лисавино (рядом с р. Исконой, левым притоком Москвы) составляют треугольник, немного на восток от которого на речке Исконе при впадении в нее р. Медведки размещается Болычево. На дороге от Поречья и Мышкина в Лисавино и Болычево замечаем деревни Старая Тяга и Тяженка[66]. Такая же ситуация на планах Генерального межевания конца XVIII в.[67] Д. Новая Тяга, еще обозначенная на пла-

[64] Общегеографический региональный атлас. Смоленская область. Масштаб – в 1 см : 2 км. М., 2001. С. 17.

[65] Можайские акты. 1506–1775. Сообщил архимандрит Дионисий. СПб., 1892. № XX. С. 193–194.

[66] Общегеографический региональный атлас. Московская область. Масштаб – в 1 см : 2 км. М., 2002. С. 16–17; Атлас Московской области. Масштаб – в 1 см: 1 км. М., 2001. С. 48, 68.

[67] Генерального плана Можайского уезда часть II. Масштаб – в 1 дюйме: 2 версты. 1796–1797; Генеральный план Можайского уезда. Масштаб – в 1 дюйме: 1 верста. 1778–1796.

не Можайского уезда между устьями рр. Медведки и Тяженки (правые притоки Исконы), до нашего времени не дожила. С. Болычево – большое, с церковью и значительным количеством дворов. Оно явно доминирует в районе. В середине XIX в. это уже господский двор Бульчево[68]. Но такое название не прижилось и осталось случайным.

Итак, если принять Тягожскую волость за древнюю Чагощу, ее место представляется для нас неожиданным. Пространство между двумя большими притоками Москвы-реки – Иночью и Исконой было очень плотно заселено, возможно, еще с конца XIV в. (См. карту – Можайской земли.) Однако, например, волость Тушков (на юг от Чагощи, на другом берегу р. Москвы) была пограничной. Таковой же могла быть (очевидно, и была) Чагоща. На запад от нее начиналась та полоса незанятых земель, которая создавала условную границу между московскими и литовскими владениями. Представляется, что по этой причине Чагоща, в отличие от Болонеска, не могла быть оторвана от Великого княжества Московского. Почему она была перечислена в начале XVI в. среди Можайских волостей – остается загадкой. С того времени и до конца XVII в. волость оставалась в государственном управлении. Долгое время ее судьба была скрыта молчанием источников.

К XVII в. в территориальном устройстве западных московских уездов произошли существенные изменения, а «литовские разорения» и последствия смуты вообще сделали крайне затруднительным даже приблизительную локализацию целого ряда можайских волостей и станов. Так, Ю. В. Гэтье неоднократно ошибался при определении местоположения Тарусицкого и Ренинского станов или не был уверен в местах Ворского, Старковского, Тешинова, и Загорья, Зубатого и др., так как в них почти не фиксировалось населенных пунктов[69]. Неизвестно, насколько правильна локализация центра волости Чягоща в деревне Старой Тяге (Старой Тиге) и ее территории в верховьях р. Исконы[70]. Это мнение идет вразрез с логикой перечисления в духовной грамоте Ивана III приписанных к Можайску волостей.

Расположение Чагощи около р. Гжать представляется не только менее вероятным, но и, как выяснилось, полностью ошибочным[71]. И хотя

---

[68] Военно-топографическая карта Московской губернии Ф. Ф. Шуберта. Масштаб – в 1 дюйме: 2 версты. 1860. Л. IV – 2 (Можайск).

[69] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 574.

[70] Там же. С. 575. Деревня Старая Тяга (Старая Тига) и с. Булычево (совхоз Болычево) существуют в настоящее время.

[71] Эта версия основана исключительно на грубо использованном методе лингвистического соответствия: по соседству с г. Гагарин, немногим более 1 км на северо-восток, на правом берегу р. Олешни найден населенный пункт Болычево, который и был объявлен центром волости без никаких дополнительных проверок доказательств.

в таком случае перечисленные Иваном III волости выстраиваются с севера на юг, от Чагощи до Дмитровца, а волость Чагоща на р. Алешне[72] оказывается рядом с волостью Болонеск, от версии нужно отказаться. Обе волости находились на самой границе можайских и вяземских земель. Немного на север от Болонеска, возможно, размещалась вотчина вяземского князя Бориса Дмитриевича Труфонов (современное Трофаны), а на востоке – Ветцы – центр древней волости Ветской. Возможно, последняя входила в состав волости Болонеск.

Волость Болонеск с конца XIV в. в результате невыясненных обстоятельств (обмен, уступка, захват, продажа?) перешла из московских в вяземские владения (удел Смоленского княжества или, что более вероятно, непосредственно в ВКЛ).

Уступка или обмен волостей Болонеск и, что маловероятно, Чагоща могли произойти в 1407 г. Тогда «месяца Августа въ 6 день, князь велики Василей Дмитреевичь Московскій собравъ воя многи и поиде ратью на Литовьскую землю, на Витофта Кестутьевичя великого князя Литовского, и взя градъ Дмитровець и огнемъ пожже; срете же его Витофтъ со многою силою, бывшимъ же имъ у Вязмы, и тамо вземъ перемиріе, разыдошася кождо во свояси»[73]. По традиционному представлению, московско-литовский договор 1407 г. якобы зафиксировал пограничный характер р. Угры. Летописи не раскрывают содержание договора, заключенного на берегу р. Угры Василием I и Витовтом. Но, если бы в нем и шла речь о проведении или фиксации границы, таковая могла быть проведена лишь на незначительном расстоянии по низовью р. Угры (об этом см. ниже). Тем не менее по условиям перемирия какие-то территориальные изменения могли произойти. Именно тогда за ВКЛ могла быть закреплена волость Чагоща и, с меньшей вероятностью, волость Болонеск. Таким образом выравнивалась граница, до этого имевшая выступ со стороны московских владений к верховьям р. Гжать, но одновременно вбивался клин посреди можайских земель. Возможно, Москва получала компенсацию за потерянные волости или за ней закреплялись какие-то земли (например, Калуга).

Одной из причин потери Москвой волости Болонеск можно считать значительную отдаленность этого очага освоенной земли, который находился на крайнем западе за большим незаселенным бо-

[72] Археологические сведения по району отсутствуют.

[73] ПСРЛ. Т. 11. С. 202. В Никоновской и Троицкой летописях событие описано под 1407 г. (Там же; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 465). Суздальская летопись и В. Н. Татищев дают 1408 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 538; *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: в 8-ми томах (5-ти книгах). Т. 5, 6. История Российская. С. 208). В Суздальской летописи добавлено, что перемирие было заключено «от Рождества святыя Богородица до Петрова дни» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 538).

лотистым пространством, которое служило барьером, своеобразной широкой пограничной полосой. Только к концу XV в. эта полоса была преодолена московскими землевладельцами.

Характерно, что в состав Можайского уезда к моменту составления завещания Иваном III не вошли многие волости, захваченные удельным можайским князем Андреем Васильевичем и непосредственно примыкавшие к его владениям (про деятельность можайского князя см. ниже). В их числе нужно назвать целый комплекс вотчин князей Крошинских, а также, очевидно, волость Болонеск. Ее территория, вероятно, вошла в состав Можайского уезда. Во-первых, туда попали волости, находившиеся западнее Болонеска, а во-вторых, Болонский стан в XVII в. фигурирует в составе данного уезда. Возможно также, что на некоторое время волость Болонеск слилась с соседними территориальными единицами (например, волостью Могильной) и вновь выделилась уже в качестве стана (результат развития административной деятельности, а не общинного деления) к XVII в.[74]

Можно предположить, что невнимание актов, посольских речей и др. письменных источников к обеим рассматриваемым волостям было вызвано их владельческой принадлежностью. Жалоб на захват волостей Болонеск и Чагоща не поступало, поскольку они принадлежали непосредственно великому князю литовскому. Разорение, увод пленных, занятие волостей и имений крупных вяземских землевладельцев (Вяземских, Крошинских, Глинских князей и др.) вызывали возмущение и постоянные обращения последних в центральные инстанции, что отразилось в дошедших до нас источниках. При этом о судьбе большой части владений великого князя литовского мы ничего не знаем. Существование Чагощи в начале XVI в. все-таки отразилось в духовной грамоте Ивана III[75], а Болонеск замечаем в актовых источниках лишь в XVII в.

Таким образом, определяется часть литовско-московского пограничья (верховья рек Гжати и Вори), о состоянии которого из-за отсутствия информации складывалось ложное впечатление стабильности и неизменности в течение почти столетия. Между тем в пограничных отношениях двух крупнейших государств Восточной Европы существовали скрытые молчанием источников противоречия. Конфликты на порубежье в конце XIV–XV в. не возникали,

---

[74] О соотношении волостей и станов см.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 82–84; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 95–97.

[75] В Можайских актах упоминается дворцовое село Тягища, которое, очевидно, можно отождествить с центром волости Чагоща (Можайские акты. С. 193).

однако территориальные интересы сталкивались. Следует обратить внимание также на территорию Фоминско-Березуйского княжества, волости князей Крошинских, область Верхнеокских княжеств.

Можайско-вяземский участок границы в 1403–1480-х гг. был наиболее устойчивым. Именно поэтому реконструировать его крайне сложно. Конфликты на пограничье (1406, 1408, 1445 гг.) хотя и затрагивали Вязьму или Можайск, но не выявляли их границ.

31 августа 1449 г. между Великими княжествами Московским и Литовским был заключен договор о «вечном мире», определивший литовско-московскую границу и сферы влияния в регионе[76]. Договор 1449 г. подробно очерчивал спорные литовско-московские отрезки границы (например, на ржевско-торопецком направлении); определял владельцев мелких владений, которые переходили в московскую или литовскую сторону; перечислял регионы, на которые распространялась власть или влияние московского или литовского великих князей, но многочисленных вяземских князей, даже саму Вязьму, не упоминал. Безусловно, Вязьма и вяземские землевладельцы скрывались за формулой «ни у Смоленъскъ, ни во вси Смоленские места, што издавна к Смоленъску потягло… не въступатисе»[77]. Игнорирование восточной окраины Смоленской земли свидетельствовало о стабильном характере ее границы с московскими владениями, и мы не можем очертить протяженность можайско-вяземского участка литовско-московской границы. Такую возможность не предоставляет и следующий московско-литовский договор, также о «вечном мире» («перемирье вечное»), 1494 г. В результате московско-литовской войны Вяземское княжество было полностью присоединено к Москве, но площадь присоединенной территории, ее протяженность, границы в грамоте не обозначались. Очевидно, поскольку княжество без исключений отошло к Москве[78], уточнять его территорию не было необходимости. Таким образом, мы не можем определить первоначальную литовско-московскую границу на можайско-вяземском участке, ставшем местом первых столкновений двух государств за собирание русских земель.

Необходимо заметить, что и с московской стороны географических ориентиров, определяющих вяземскую границу, крайне мало. Традиционно представлялось, что литовско-московская граница проходила по реке Гжать и ее притоку Яузе[79], которых достигали

[76] ДДГ. № 53. С. 160–163.

[77] ДДГ. № 53. С. 160.

[78] Характерно заявление московских бояр литовским послам: «ино Вязме всей пригож бытии за нашим государем» (СИРИО. Т. 35. № 24. С. 119).

[79] См., например, карту И. А. Голубцова «Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных

можайские волости Болонеск (вокруг бассейна притока Гжати речки Оболонки), Загорье и Пневичи. Однако локализации последних двух волостей выполнены на очень зыбкой основе. Дело в том, что регион почти лишен определяющих его источников. Причина этому – Смута XVI – начала XVII в., когда большое количество населенных пунктов и целые волости и станы исчезли с лица земли[80]. Таким образом, очень удобный метод исторической географии – ретроспекция теряет свое значение для вяземско-можайского пограничья. Часть можайских волостей упоминалась в духовных грамотах Дмитрия Донского, Ивана III (вместе с присоединенными к их числу вяземскими), Ивана IV и др. Но писцовых описаний западной части Можайского уезда XVI в. не сохранилось, а в XVII в. уже нечего было описывать.

Реконструкция литовско-московской границы на вяземском направлении становится возможной благодаря локализации владений многочисленных вяземских князей (собственно Вяземские, Бывалицкие, Козловские, Жилинские, Глинские, Крошинские).

Существует мнение о том, что после присоединения Вяземского княжества к ВКЛ (1403) владения местных князей остались в неприкосновенности[81]. Однако великокняжеская власть все-таки вмешивалась в поземельные дела вяземских князей. Поэтому среди вяземских землевладельцев мы встречаем сына пана Яна (Ивана) Ходкевича, которому принадлежала хлепеньская волость Рогачев[82]. Гедиминовичам, возможно, были князья Крошинские, которых выводят от князя Ивана сына Войдата Кейстутовича[83]. Также князья Глинские, вероятнее всего, были не местного происхождения[84].

русских земель» // *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вкладыш.

[80] Описание 1594–1595 гг. Каменского и Бывалицкого станов (*Павлов-Сильванский В. Б.* Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 97). Сведения о станах и волостях Можайского уезда на середину XVII в. (*Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. С. 387–389).

[81] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 53–54.

[82] СИРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 72.

[83] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 190–193.

[84] Род князей Глинских историки и геральдисты выводят от татарского князя Leksady, который в правление Витовта прибыл в Литву и после крещения принял имя Александра, а, получив Глинск и Глинницу, назвался Глинским. В XV в. известно несколько представителей литовской знати с прозванием Глинские, их трудно между собой связать и они дали начало четырем отдельным ветвям рода. (*Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 63).

Можно предположить, что наделение вяземскими землями верных великому князю литовскому людей осуществлялось целенаправленно с расчетом обеспечить оборону крайних восточных пределов государства. Поэтому мы и видим вотчину сына пана Ивана Ходкевича (волость Рогачев – крайний северо-восток Вяземской земли)[85] на самой границе с московской Ржевской и Тверской землями, рядом с владениями ненадежных фоминско-березуйских князей. Князья Глинские владели вотчинами в противоположной части Вяземщины – на крайнем юго-востоке (волости Турье[86], Судилов[87], Шательша[88]). Они размещались компактно в верховьях р. Вори, растянувшись от р. Жижалы (приток Угры) до р. Желоньи (приток Истры).

Местонахождение вотчин местных, коренных вяземских князей (собственно Вяземские, Бывалицкие, Козловские, Жилинские) определяется в основном[89] в стороне от границы, в глубине Вяземского княжества. Таким образом, мы вновь встречаемся с невозможностью определить большую часть восточной вяземской границы.

Теперь настало время обратиться к сознательно пропущенным нами вяземским землевладельцам князьям Крошинским. Их судьба ярко иллюстрирует события начала московско-литовского противостояния, когда множество пограничных князей были лишены своих владений и отметены в глубину ВКЛ. Наблюдение за событиями, связанными с князьями Крошинскими, в этом случае может служить примером.

Возможно, вплоть до 1486 г. на можайско-вяземском участке литовско-московской границы и не могло возникнуть очага конфликта. Если между литовскими (смоленскими) и тверскими владениями шло активное взаимодействие (что отражено в договорных грамотах)[90], то между литовскими и московскими (можайскими) землями долгое время, видимо, попросту не было соприкосновения. Сигизмунд Герберштейн утверждал, что «во времена Витольда владения государей московских простирались на пять-шесть миль за

[85] Не нужно путать хлепеньский Рогачев с одноименнвм белорусским городом, как это делалось в XIX в. (*Дембовецкий А. С.* Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. Могилев, 1884. С. 94).

[86] Турьев духовной Ивана III находился, вероятно, в районе речки Туреи (на него в 1488 г. напали люди удельного можайского князя Андрея Васильевича).

[87] Сулидов духовной Ивана III; отождествляется с современным Судимовом.

[88] Шатешь в духовной Ивана III; современная Шатеша на р. Воре (*Любавский М. К.* Областное деление… С. 283; ДДГ. № 89. С. 355).

[89] За исключением волостей Могиленки, Негодин и Миценки старшего вяземского князя Михаила Дмитриевича.

[90] Договор 1427 г.: ДДГ. № 23. С. 62–63; LM. Kn. 5. № 140. P. 257. Договор 1449 г.: ДДГ. № 83. С. 329; LM. Kn. 5. № 141. С. 259; № 78.2. P. 134.

Можайск» («...на шесть миль не доходили до Можайска»)[91]. В то же время известные литовские владения в этом регионе (волости в районе р. Гжать, принадлежащие князьям Крошинским) размещались на значительно большем расстоянии от Можайска.

Ситуация, возможно, изменилась в 1473 г., когда Можайск неожиданно получил в довесок к уделу московский князь Андрей Васильевич[92]. Он (а может быть, и до него удельные князья Андрей Дмитриевич Можайский (1389–1432), Иван Андреевич (1432–1454), Юрий Васильевич Дмитровский (1462–1471)) начал активную колонизационную политику и довольно скоро продвинулся к литовским владениям. Вероятно, вплоть до территории, непосредственно занятой подданными ВКЛ, князь Андрей не нашел сколько-нибудь ценных в хозяйственном плане земель. Здесь господствовали леса и болота. Прямой контакт с территорией ВКЛ Андрея Васильевича не только не остановил, но прибавил энергии, так как появилась возможность заселять и присоединять уже освоенные земли. Очевидно, в других частях удела (Углич, Бежецкий Верх, Звенигород) князь Андрей не мог так активно увеличивать свои владения. Здесь же его шаги могли быть, во-первых, поощрены со стороны центральной власти, а во-вторых, остаться безнаказанными со стороны ВКЛ. Все, что смогли предпринять князья Крошинские, на вотчину которых и был направлен интерес московского удельного князя, – это жалобы в посольских речах. Наступление Великого княжества Московского развивалось так стремительно, что Крошинские, утратив одни свои владения, успели получить другие (в районе Угры) и вскоре потеряли и их.

Едва приблизившись к вяземским землям, московская сторона стала предъявлять на них претензии, как на исконные можайские земли[93]. Ряд волостей был объявлен тянущим к Можайску и захватническим целям придан легитимный характер с опорой на традицию, старину. Довольно скоро в составе можайских мы видим

[91] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 144.

[92] Многократно правленный список текста договорной грамоты Ивана III с князем Андреем Васильевичем сначала не содержал пожалований великого князя удельному брату, но в последний вариант внесена формулировка: «...и что яз, князь велики, пожаловал тобя...», и сначала появилась прибавка к уделу Андрея «Колуги», затем исправленная на Можайск (ДДГ. № 70. С. 248).

[93] В ответе на жалобу князя Михаила Вяземского, что у него отняли земли к Можайску, Иван III сослался на слова князя Андрея Можайского, что он «у князя у Михайла у Вяземского земель к Можайску не имывал, а ведает и держит земли, которые издавна к Можайску потягли к нашему великому князству Московскому» (СИРИО. Т. 35. № 2. С. 6).

волости, еще совсем недавно составлявшие владения князей Крошинских[94], Глинских, Вяземских.

Действия удельного князя Андрея Васильевича, очевидно, не только поощрялись, но и направлялись центральной властью. Так после военных операций можайского князя (нападения 1486–1490 гг. на волость Ореховну (Ореховскую) князя Михаила Глинского, волости Могилен, Негодын и Миценки, двор и волость Дуброву (Дубровскую) князя Михаила Дмитриевича Вяземского, на хлепенскую волость Ждат, волости князей Крошинских, волость Турье князей Глинских и др.) в игру вступили официальные московские власти. Организацией заселения недавно отнятых владений князей Крошинских занимался дьяк великого князя Василий Долматов. Он «посадил» в волостях Ольховец, Лела и Отъезд более 200 семей, а в Тешинове и Сукроме более 300 семей крестьян из Великого княжества Московского[95].

Ту же политику, что и князь Андрей Васильевич, проводил его сосед удельный князь тверской Иван Молодой. Он также совершал разорительные набеги на соседние со своими литовские владения, захватывал и оставлял за собой окрестные волости. (Жалобы 1488 г. – нападения и грабеж Хлепеня, волостей Труфонов, Негомир и Сочовки; жалобы 1490 г. – «выбрали и выжгли» хлепенские волости Джать, Понизовье, то же вновь с волостями Труфонов, Негомир и Сочовки; жалобы 1492 г. – засели Хлепень и Рогачев[96]. И снова прозвучало заявление, что Рогачев «волость изстарины нашие отчины Тферские земли», а Хлепень «в старых доконченьех предков наших и в отца его королеве доконченье записан к нашему великому княжьству»[97].)

Князья Крошинские, лишившись владений, не бросили службу великому князю литовскому. Вскоре они получили новые владения и тоже возле границы (в районе р. Угры): Залоконье, Волста [Нижняя], Клыпино, Нездилово, Чарпа, Головичи[98]. Однако уже в 1494 г. перечисленные волости фигурировали в составе владений князя Семена Федоровича Воротынского – перебежчика на московскую

[94] Иван III прямо говорил литовскому послу Тимофею Мосальскому, обращаясь к Казимиру: «Что тебе били челом Крошинские князи, Филип да Костантин з братье о Тешинове, да о Сукрумне, да о Олховце, да о Надславле, да об Отъездце, на нашего дияка на Василья на Долматова: ино те места, сказывают, издавна тянут к Можайску к нашему великому княжству Московскому» (Там же).

[95] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 74.

[96] Там же. № 4. С. 16; № 12. С. 49; № 18. С. 73.

[97] Там же. № 18. С. 77.

[98] Там же. № 24. С. 118–119, 136.

сторону (в 1492 г.)[99]. Правда, московские бояре уступили перечисленные волости ВКЛ[100] и до следующей войны 1500–1503 гг. они находились в составе ВКЛ. После 1500 г. Крошинские окончательно потеряли свои владения. Лишившись земель, они получили в Смоленске выгодную должность казначея (Константин Федорович – в 1506 г., Тимофей Филиппович – в 1507–1508 гг.). Тимофей Филиппович был способен за собственные деньги приобретать владения (в 1507 г. состоялось подтверждение купли им у смоленской боярыни Орины «делницы села ее отчизного»[101]). Характерно, что князь Константин Федорович Крошинский получил двор Дубно в Городненском повете «до очишченья отчизны его в Смоленску»[102]. По тексту подтверждения на двор Дубно, узнаем, что у князя Крошинского «именеица его остали ся вбогие около Смоленска, ино тые именеица от неприятеля жо на корень скаженны»[103].

Таким образом, князья Крошинские, несмотря на удары судьбы, остались надежными подданными великого князя литовского. Не известно ни одного случая их перехода на московскую сторону.

Крошинские князья владели волостями Тешиновичи (Тешиново), Сукромна (Сукрома), Ольховец, Надславль, Лела, Отъездец (Отъезд), вероятно, с самого начала XV в., то есть со времени присоединения Вязьмы к ВКЛ. Появление на самом краю государства выходцев из его глубины[104] не может быть случайным. Передача пограничных земель князьям Крошинским подразумевала их заботу об обороне восточной границы ВКЛ. Впрочем, с этой задачей Крошинские не справились.

До недавнего времени попыток определения места вотчины князей Крошинских не делалось. М. К. Любавский неопределенно заметил, что они лежали по соседству с можайскими[105]. То же самое писал Я. Натансон-Леский («...na możajskiem pograniczu włościmi kn. Kroszyńskich»)[106]. Такой вывод можно сделать, обратившись к посольским книгам, в которых московская сторона заявляла, что

[99] Там же. С. 136.

[100] Там же. С. 120.

[101] LM. V., 1994. Kn. 8: (1499–1514). P. 229.

[102] Ibid. P. 168.

[103] Там же.

[104] О происхождении князей Крошинских: *Tęgowski J.* Kilka uwag o genealogii kniaziów Kroszyńskich do końca XV wieku // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. T. 15. Poznań; Wrocław, 2003. S. 35–43.

[105] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 284.

[106] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellocskiej. Lwyw; Warszawa, 1922. S. 73.

«ино те места, сказывают, издавна тянут к Можайску к нашему великому княжству Московскому» (имелись в виду волости князей Крошинских)[107].

Некоторые пограничные волости ВКЛ действительно появились в числе можайских (в духовной грамоте Ивана III)[108], но владений князей Крошинских среди них не было. Только постепенно, в документах XVI в. искомые волости начали проявлять себя. Некоторые из них обнаружились в составе тверских уездов, в частности, среди холмских волостей и станов.

К середине XVII в. Холм давно потерял свой уездный статус, а все его волости слились в одну – Холм Старицкого уезда[109]. А столетием раньше среди холмских значились: Старый и Новый Оуезд (Отъезд?), Кривой Холм, Носилов, Держа и Жижнен[110]. В перечне можно угадать одну из волостей князей Крошинских – Отъезд. Позднейшую волость Холм разделяла на северную и южную (меньшую) части р. Держа (правый приток Волги). Вдоль ее течения следует поместить волость Держу XVI в. Очевидно, южнее располагалась волость Отъезд (к 1530 г. распалась на две – Старый и Новый, возможно, за счет освоения незанятых земель).

Волость Отъезд могла захватывать нижнее течение левого притока Держи Сукромли. Вокруг последней в середине XVII в. лежали земли Верховского стана Старицкого уезда, а Сукроменский стан того же уезда находился западнее, совершенно не затрагивая течения реки, от которой, очевидно, получил название[111]. Южнее или даже юго-восточнее Верховского стана, уже в Можайском уезде в середине XVII в. существовал стан Отвоцкий и Сукроменский[112]. Таким образом, первоначальная территория волости Сукромны должна быть составлена из двух станов Старицкого уезда (Верховского и Сукроменского) и части стана Можайского уезда (Отвоцкого и Сукроменского). Возможно, и другие соседние станы, например Семеновский (Старицкого уезда), Ильинский (Можайского уезда),

[107] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 6.

[108] Например, Могилен, Миценки, Сулидов, Ореховна, Чягощь и др. (ДДГ. № 96. С. 397–398).

[109] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 401, карта издания 1906 г.

[110] По писцовой книге Василия Поликарпова Ромейкова 7038 (1530) г. (ДДГ. № 102. С. 421).

[111] Следует заметить, что на карте Ю. В. Готье некоторым местам свойственны значительные искажения (например, в южной части Зубцовского уезда), поэтому полностью полагаться на правильность локализации волостей и станов XVII в. нельзя.

[112] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 388, 401. К концу XVII в. в Можайском уезде такой стан уже неизвестен (*Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 240).

когда-то были частью Сукромны. В XV в. это была довольно крупная волость, но с редким населением и крайне заболоченной местностью. В верховье р. Сукромли еще в первой половине XIX в. стояла деревня Сукромня или Б. Сукромня[113].

По описанию 1520 г. в составе уезда Нового Городища (бывший Новый Городок, Хорвач) уже существовали Верховской, Сукроменской и Семеновской станы[114], то есть к этому времени волость Сукромна уже могла быть разделена. Принадлежащими собственно Новому Городку, то есть исконно тверскими, в списке 1520 г. можно признать только стан Поретцкой и волость Синюю, да и то с оговорками. Стан Поретцкой (Порецкий) находился вниз по течению р. Держи от Нового Городка, на северо-запад от последнего. По такому своему положению он, несомненно, должен был относиться к отчине князей Холмских (в нее входили города Холм и Новый Городок)[115] и древней Тверской земле. А вот волость Синяя до XVI в. не фигурировала в числе тверских. Более того, ее первое упоминание в духовной грамоте Ивана III 1504 г. может свидетельствовать о новизне присоединения как ее, так и волости Олешни, к уделу князя Андрея Ивановича: «Холмъских вотчину, Холмъ и Новои городок, да волости Олешню, да волость Синюю, и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами...»[116] Впрочем, Олешня – древняя тверская волость, известная с 1285 г.[117]. Следует признать таковой и волость Синюю, поскольку никаких данных об иной ее принадлежности нет. Может быть, Олешня и Синяя до начала XVI в. относились к Зубцову, а после их придали к новому московскому уделу. Отсюда и их выделение в грамоте 1504 г.

Плотный контакт тверских волостей с бывшими литовскими и последующее их слияние в одну большую волость Холм хорошо иллюстрирует ситуацию совместного литовско-тверского владения в зоне пограничья, известную по документам XV в. Обширная волость Сукромна в XVI–XVII вв. претерпела сильные трансформации. Ее часть после захвата в 80-х гг. XV в. со стороны удельного князя Андрея Васильевича так и осталась в составе Можайского уе-

[113] Специальная карта Западной части Российской Империи. Лист XXIV; Специальная десятиверстная карта Европейской России И. А. Стрельбицкого. Лист 43. При локализации волости на эту деревню ссылался и В. С. Борзаковский (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 30).

[114] ДДГ. № 102. С. 421.

[115] Там же. № 89. С. 361.

[116] Там же. С. 361.

[117] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 148–149.

зда. Но основная территория поступила в распоряжение новоявленных Старицких князей.

Южнее Сукромны, в районе р. Яузы (правый приток Гжати), рядом с Иночью (левый приток Москвы) в середине XVII в. еще угадывался стан Тешинов и Загорье Можайского уезда (его территория была сильно разорена в Смутное время)[118]. В нем слились две древние волости, одна из которых принадлежала князьям Крошинским (Тешиновичи), а другая стала известна благодаря передаче Дмитрием Донским сыну Андрею по завещанию 1389 г. (можайская волость Загорье)[119]. Логика колонизационного процесса подсказывает, что волость Загорье возникла на р. Иночь, как результат расселения людей с востока на запад со стороны Московского княжества. Иночь близко подступает к Яузе, по которой с запада на восток шло освоение территорий со стороны волжских притоков и рек Днепровского бассейна, т.е. Смоленского княжества. Вероятно, в водоразделе бассейнов рек Волги и Оки (а он проходил как раз между Яузой и Иночью, а южнее – Гжатью с притоками и Москвой) и сформировалась граница между смоленскими (затем – литовскими) и московскими владениями. Представляется в этой связи, что раннее присоединение к Москве Можайска из состава Смоленского княжества (1303 г. или даже конец XIII в.)[120] было обусловлено не только политическими событиями, но и естественным тяготением территории вокруг верхнего течения р. Москвы к Северо-Восточной Руси. Судя по всему, до конца XV в. даже сообщение между Можайской землей и центрами т.н. Западной Руси[121] не было налажено: реки волоками не соединялись, а сухопутные дороги шли в обход (Москва – Волок Ламский – Зубцов – Ржева, Москва – устье р. Угры – Вязьма). Прямая дорога (Москва – Можайск – Вязьма) еще не функционировала[122].

Еще одной пограничной можайской волостью, известной по духовной грамоте Дмитрия Донского, были Пневичи. Загорье было крепко с ней связано и, возможно, выделилось из ее состава (упомянуто как «Пневичи с Загорьем»)[123]. В середине XVII в. определялось

[118] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 388.

[119] ДДГ. № 12. С. 34.

[120] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 18–20; *Он же.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 134–138.

[121] Термин «Западная Русь» не совсем корректен. Он сформировался при господстве представлений о Москве, как центре русских земель. По отношению к Киеву (центру Древней Руси) Смоленщина, Полотчина находились отнюдь не на западе.

[122] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII–XV вв.; *Он же.* Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 246.

[123] ДДГ. № 12. С. 34.

лишь приблизительное место Пневичей – в верховье р. Рузы (левый приток р. Москвы), к востоку от Отвоцкого и Сукроменского стана[124]. Следовательно, Загорье находилось к югу от Пневичей.

Волости Пневичи и Загорье должны были быть сильно удалены от освоенных в период позднего Средневековья земель. По археологическим данным, лишь немногим далее устья Иночи распространялись памятники, относящиеся к периоду XIV в. и позднее (селище Глядково)[125]. Форпостом московской власти на западе Московского княжества являлся Тушков Городок (у правого берега р. Москвы)[126]. Такое распространение московских владений вплоть до конца XV в. полностью соответствует заявлению С. Герберштейна, о том, что «во времена Витольда владения государей московских простирались на пять-шесть миль за Можайск»[127].

Слияние волостей Тешиновичи и Загорье в один стан подразумевает их близкое соседство. Однако представляется, что в XV в. их разделяло большое пространство незанятой земли, попадавшей на волго-окское междуречье. Возможно, лишь разорения периодов Ливонской войны и Смутного времени заставили объединить столь различные по историческим судьбам и местоположению массивы земель.

Тешиновичи, видимо, занимали часть течения р. Яузы, а еще южнее была расположена еще одна волость князей Крошинских – Лела. Ее средоточием, очевидно, была р. Олеля (на плане Генерального межевания конца XVIII в. – Ляля), левый приток Яузы[128].

Определить местоположение волостей Надславль и Ольховец, к сожалению, не удается. Возможно, их следует искать в пустующем пространстве между Фоминско-Березуйским княжеством и известными волостями князей Крошинских.

К сожалению, данные археологии не могут помочь при локализации владений князей Крошинских. Немногие известные селища и городища в рассматриваемом регионе трудно сопоставить с центрами волостей (городища древнерусского времени Спасское, Городок,

---

[124] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 388.

[125] Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2 / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1995. № 997 (25). С. 85.

[126] Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. № 1033 (5). С. 94–95.

[127] *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. I. С. 327. Немецкая миля равнялась 7420 м, то есть речь шла об ок. 40 км к западу от Можайска. Это примерно уровень устья р. Иночь.

[128] Генерального плана Гжатского уезда часть I, II. Масштаб в 1 дюйме – 2 версты. 1792; Общегеографический региональный атлас «Смоленская область». Масштаб в 1 см – 2 км. М., 2001. С. 16–17.

городище XI–XVII вв. Карманово). Исследованных и обозначенных на карте археологических памятников на границах трех областей (Тверской, Смоленской и Московской) крайне мало. Возможно, будущие исследования дадут свои результаты.

Итак, волости князей Крошинских занимали пространство на восток от р. Гжать (приток Вазузы) по обеим сторонам Яузы (правый приток Гжати). Примерно через верховье Яузы параллельно Гжати проходила литовско-московская граница, точное определение которой невозможно из-за недостаточности сведений источников. Князья Крошинские, первоначально обладавшие какими-то имениями в центральной части ВКЛ, после 1403–1404 гг. получили на новых рубежах государства, вероятно, значительно более крупные владения. Предположительно, московские освоенные земли долгое время не подходили вплотную к их волостям. Но когда это, наконец, произошло, московская власть стала распространяться далее. Король польский и великий князь литовский Казимир не смог организовать оборону земель своих подданных. Владения князей Крошинских находились на значительном удалении от основного массива освоенных земель ВКЛ, положение их обладателей было ненадежным, что и подтвердилось в самом начале московско-литовской конфронтации в 1486 г. – князья были попросту сметены с тех мест, которые «деди и отци их дръжали, и они породилися на той своей отчине»[129].

§ 2.6. Поугорье и Верхняя Ока в системе обороны Великого княжества Литовского

К настоящему времени в изучении литовско-московского пограничья сложилась ситуация, когда целью и объектом исследования становилась сама линия границы. В итоге реконструкция конкретных пределов владений Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского, наблюдение за территориальными изменениями, явившимися следствием ряда пограничных войн, определение состава и административного деления территориальных образований зоны пограничья и прочая близкая к определению границ тематика была в целом хорошо разработана. При этом в стороне остались важные проблемы, связанные с обеспечением целостности, функционированием и повседневной жизнью пограничья. Особого внимания заслуживают шаги властей ВКЛ по формированию системы обороны восточной границы своего государства. Первые территориальные контакты между Москвой и Вильно относятся ко второй половине XIV в. (Ржевская земля, Верхнеокский регион). С самого начала в отношениях двух соперничавших в собирании русских земель центров стали развиваться и нарастать территориальные проблемы. Период литовско-московских отношений XV – первой трети XVI в. характеризовался вспыхивавшими пограничными конфликтами (с конца XV в. переросшими в ряд пограничных войн), в которых наступательная инициатива постепенно переходила к московской стороне, а ВКЛ вынуждено было все более обращать внимание на оборону своих восточных пределов. В этой связи организация сторожевой службы, обеспечения охраны коммуникаций и общего укрепление обороны уязвимых участков границы литовской стороной представляют значительный исследовательский интерес.

Следует заметить, что условия местности, по которой проходила полоса литовско-московской границы, не были одинаковыми. Какие-то районы требовали большего внимания, какие-то вовсе в нем не нуждались. На значительном протяжении граница не соответствовала современному представлению о ней. Полосы неосвоенных, заболоченных или лесных массивов лишь ее обозначали и должны были обеспечивать определенную стабильность в отношениях соседних государств. Образовались зоны прямых контактов московских и литовских владений и участки совместного или чересполосного владения территориями. Здесь поддержание нерушимости границы и избежание конфликтов требовало дипломатического регулирования. В некоторых случаях порубежные отношения следовали правилам и традициям, установившимся еще до прихода в регион московской или литовской власти (например, в смоленско-тверском пограничье).

Разумеется, в ходе московско-литовских конфликтов, правовые нормы (в зонах прямых контрактов) и сложившиеся условия (на неосвоенных пространствах) функционирования пограничья отходили на второй план. Граница превращалась в военный полигон. В непосредственных действиях у границы стороны искали наиболее удобные места для переброски войск к ключевым пунктам окраинных районов государства или стремились разнообразными способами нанести вред своему врагу в самой пограничной зоне. Военная необходимость привела к формированию на наиболее опасных участках литовско-московской границы рубежей обороны, призванных предупредить и, по мере возможности, предотвратить агрессивные действия со стороны соседа.

Представляется, что созданная на восточной границе ВКЛ система обороны довольно успешно справлялась с возложенными на нее задачами. Пограничные городки-крепости эффективно действовали против нападений московских служилых людей, защищая от грабежей и опустошений приграничные территории. Литовской стороне тоже были присущи набеги на московские территории, сложность и запутанность пограничных отношений не позволяет определить инициаторов агрессивных действий.

При вторжениях значительных московских войск с задачами масштабных действий пограничные пункты играли иную роль. Сдержать противника они не были в состоянии, но выполняли функцию оповещения. Своевременная информация или даже временная задержка войск у границы позволяла собрать силы и подготовить к обороне ключевые пункты окраинных регионов ВКЛ (Вязьма, Дорогобуж, Витебск, Полоцк и др.). Они прикрывали важнейшие дороги в глубь страны, и у них зачастую решался исход войны. Мощные города-крепости были включены в единую систему обороны восточной границы государства. А управление пограничным регионом было сосредоточено в Смоленске[1].

Наличие на условной линии литовско-московской границы участков 1. совместного владения (или чересполосицы), 2. прямых контактов территорий, а также 3. «глухих» зон с полосами неосвоенных земель может создать убеждение о пограничной напряженности именно в местах соприкосновения двух государств. Тверские земли (став московскими) в соседстве с вяземскими, Верхнеокский регион стали очагами конфликтов. В то же время до конца XV в. между вяземскими (литовскими) и можайскими (московскими) землями не заметно враждебных отношений: сдерживало неразграниченное пространство.

[1] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. С. 286–287.

Существовал район постоянной военной активности на литовско-московской границе, в котором московские и литовские владения смыкались лишь на небольшом отрезке. Речь идет о Поугорье и частично Верхнем Поочье – территории по сторонам Угры, от резкого поворота этой реки с северо-востока на юго-восток до слияния с Окой и вниз по Оке до г. Любутска. Эти части течения Угры и Оки составляют как бы единую линию, с направлением с северо-запада на юго-восток, так что в древности они воспринимались даже как одна река[2]. Именно вдоль этой линии складывался один из наиболее важных рубежей обороны границы ВКЛ.

До прихода с запада и востока литовской и московской власти (соответственно) регион Поугорья почти не был затронут хозяйственной деятельностью человека. Он представлял собой крайнюю периферию Смоленской земли и совсем отдаленную окраину Черниговского (затем Рязанского) княжества.

Освоение лесных массивов Поугорья началось довольно поздно. К середине XII в. только на верхнее течение Угры распространились владения Смоленского княжества. Тогда (в 1147 г.) дружественные князю Святославу Всеволодовичу Черниговскому половцы были направлены «на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ»[3]. В то же время за рекой Угрой в верховье р. Протвы (еще один левый приток Оки) жило балтское племя голядь, также подчинявшееся Смоленску. В 1147 г., захватив Новый Торг (Торжок) и «Мьстоу всю взя» (в «Новгорочкои волости»), суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий приказал новгород-северскому князю Святославу Ольговичу «Смоленьскоую волость воевати»[4]. Святослав повоевал «люди Голядь верхъ Поротве»[5].

«В восточной половине Смоленской земли», в том числе и в районе Протвы, вблизи Поугорья, разместил некоторые пункты Уставной грамоты 1136 г. князя Ростислава Смоленского П. В. Голубовский[6]. Однако, по справедливой критике В. В. Седова и В. А. Кучкина, Путтин, Беницы, Бобровницы, Доброчков и Добрятино никак нельзя связать с

[2] По польскому хронисту Б. Ваповскому, Птолемей обозначал рекой Ра (Rha) сочетание рек Угры, частей Оки и Волги (Dzieje Korony Polskiйj i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego, ze świeżo odkrytego spółczesnego rękopismu, z języka łacińskiego na ojczysty przetłómaczył, przypisami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. T. 1. Wilno, 1847. S. 170).

[3] ПСРЛ. Т. 15. С. 40.

[4] ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 339.

[5] Там же. Д. П. Маковский писал об основании князем Изяславом на р. Протве после завоевания племени Голядь крепости Изяславль (*Маковский Д. П.* Смоленское княжество. Смоленск, 1948. С. 204).

[6] О датировке грамоты см.: *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 39.

похожими по названию поселениями, находившимися у р. Протвы и дальше на восток[7]. Смоленские земли, таким образом, в древнерусское время едва касались региона Поугорья.

С другой стороны к этому региону постепенно приближались владения Черниговского княжества. В устье р. Протвы находился черниговский г. Лобыньск[8]. Также и все пространство вдоль Протвы и ее притока Лужи, по крайней мере номинально, подчинялось Чернигову[9]. Оно оставалось долгое время в запустении. Археологические данные свидетельствуют, что на месте такого города, как Верея, нет культурного слоя ранее XIV в.[10] Близлежащие курганы также датируются XIV в.[11] В середине XIII в. от Черниговского отделились три княжества, получившие у исследователей общее название Верховских (Верхнеокских), – Новосильское, Карачевское и Тарусское[12]. Территория Верховских княжеств охватывала пространство по обеим сторонам Верхней Оки, с включением таких ее крупных притоков, как Зуша, Жиздра, Таруса, Протва, частично Упа и Угра. Принято считать, что во

---

[7] *Седов А. А.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 255–256; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 83–84.

[8] Город Лобыньск стоял в устье р. Протвы, о чем прямо говорит Ипатьевская летопись под 1146 г.: «а Святославъ възвратися поиде оу верх Окы и пришедъ ста на оусть Поротве в городе Лобыньске» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339, под 6654 г. Также: Там же. Т. 7. С. 38).

[9] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. W., 1936. S. 40.

[10] *Голубева Л. А.* Раскопки в Верейском кремле // МИА СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 143. А. А. Юшко поддерживает Л. А. Голубеву и говорит об основании в XIV в. таких городов, как Боровск, Верея и Новый Городок. См.: *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. С. 64, 86. П. А. Раппопорт писал осторожнее: оборонительные системы Вереи и Рузы были созданы в XIV в. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 47. М. Г. Рабинович утверждал, что Верея возникла на рубеже XI и XII столетий, а поселение на месте Рузы существовало уже в IX–X вв. (*Рабинович М. Г.* К типологии восточнославянских городов (Средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 235, 236). Строго говоря, судить о времени возникновения городов в районе рек Протвы и Лужи затруднительно, ввиду небольшого объема проведенных археологических раскопок (Города Подмосковья. Т. 3. М., 1981. С. 504–505). Вполне возможно, что упоминаемая в 1159 г. Вереисча могла быть позднейшей Вереей (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений: в 8-ми томах. Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. М., 1994. С. 70). Р. Л. Розенфельдт вообще относит Верейское городище к числу ранних славянских поселений Подмосковья (*Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город. М., 1976. С. 12).

[11] Там же.

[12] *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 30.

второй половине XIII – начале XIV в. номинальная власть над землями по рекам Протве и Луже без труда перешла от черниговских князей к рязанским[13].

Условный характер рязанского владения слабо освоенными землями – за р. Окой, а смоленского – за р. Угрой явился одной из причин нарастания преобладания в этом регионе Великого княжества Московского. Геополитически территория, безусловно, испытывала большее притяжение к Москве, чем к отдаленным Рязани и Смоленску. В этой связи характерен обмен территориями между Москвой и Рязанью в 1381 г.[14] Первая приобрела земли на левой («Московской») стороне Оки, а второй достались московские владения («что доселе потягло къ Москве») в правобережье Оки (на «Рязанской» стороне)[15].

Также «смолняне» уступили московскому боярину Федору Андреевичу Свибло около 1371 г. Медынь[16] (на р. Медынке, возле левого притока р. Угры – Шани). Недалеко от Угры в XIV в. сохранялись и владения князей черниговского рода. Московский князь Семен Иванович до конца 40-х – начала 50-х гг. XIV в. приобрел у князя Семена Новосильского волость Заберегу[17] – в верховье р. Протвы, за ее притоком р. Берегой[18]. К бывшим черниговским землям относилась, видимо, и Калуга, впервые упомянутая в 1371 г., как пункт, отторгнутый Москвой у великого князя литовского Ольгерда[19]. Калугу, как свою потерю, назвал в послании патриарху Филофею сам великий князь литовский. Но он, по всей видимости, непосредственно ею не владел. Упоминание в послании 1371 г. московского нападения на новосильского князя Ивана (вероятно, в 1370 г., во время московского похода на

---

[13] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 149–150.

[14] О датировке московско-рязанского договора см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 286, 322; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 245–249.

[15] ДДГ. № 10. С. 29.

[16] Там же. № 12. С. 34. Датировка этого события связывается с литовско-московским договором 1371 г. (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 143). В. А. Кучкин обосновывает иную дату – 1368 г. (*Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского. С. 143).

[17] ДДГ. № 2. С. 12; № 3. С. 14.

[18] Связывается с Зарубежским станом Верейского уезда. (*Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 374; *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. W., 1936. S. 62; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 78).

[19] РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 138; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 50–51. Прим. 135; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150.

Брянск)[20] – союзника Ольгерда, дает некоторое основание причислить Калугу к Новосильскому княжеству[21]. Однако по своему расположению она больше тяготела к соседней Тарусе: за Окой лежали неосвоенные земли и, чуть дальше к востоку, владения Любутска. Таким образом, с основным массивом Новосильского княжества возникал буфер, опиравшийся на природный барьер – р. Оку.

Непосредственно к волости Калуги примыкало Тарусско-Оболенское княжество (также выделившееся из Черниговского), князья которого постепенно распродавали свои владения и все более попадали в зависимость от Москвы. В 1392 г. московский великий князь Василий Дмитриевич приобрел в Орде верховные права на Тарусу[22]. Часть тарусских князей после этого перешла на службу к великому князю литовскому Витовту, который выделил им значительные владения из состава карачевских, козельских и белевских земель[23]. По центру этих владений Мезецку (Мезоческу, Мещовску) одна из ветвей тарусских князей стала называться мезецкими. Оставшиеся в московской службе тарусские и оболенские князья продолжали владеть отчинами, но значительную часть своих владений уже потеряли. К востоку от Калуги определяется место «Пересветовой купли» – территории вдоль левого берега Оки[24], которую приобрел у тарусских князей брянский боярин Александр Пересвет, выехавший в 1370–1371 гг. на службу в Москву[25]. Свои новые владения боярин мог «высмотреть» из-за Оки, так как как раз напротив них располагались земли, относившиеся к

[20] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 152–153; *Янин В.Л.* Новгород и Литва. С. 66; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150. Прим. 194.

[21] *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 50–51. Прим. 135; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150.

[22] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская 4-я летопись. Л., 1925. С. 373; Т. 5. СПб., 1851. С. 245; *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. С. 35–36, 38; *Он же.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. С. 117.

[23] *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 37.

[24] Впервые упомянута в договоре великого князя Василия I с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, заключенном между началом мая 1402 – 20 июля 1404 гг. (ДДГ. № 16. С. 43). О датировке договора см.: *Кучкин В. А.* К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и Средневековая Русь. М., 2009. С. 403). Отождествляется с Куплинским станом Калужского уезда XVI в. (*Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 238).

[25] «Александръ Пересветъ, бывъ преже бояринъ Дьбряньскыи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 204; *Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века. С. 17, 19).

Любутску, который мог являться брянским (черниговским) анклавом. Очевидно, вместе с присоединением Брянска (вскоре после 1356 г.)[26] ВКЛ распространило свою власть и на Любутск.

Связь Любутска с Брянском является лишь гипотезой, следствием наблюдений за совместными действиями брянских и любутских бояр. До сих пор выдвигались предположения об изначальной принадлежности Любутска Рязани (М. К. Любавский) или Новосили (А. А. Горский). Первое основано на существовании одноименного пункта в пределах Рязанского княжества и якобы имевшем место стремлении рязанцев отвоевать этот город у ВКЛ[27]. Второе строится на еще более зыбком фундаменте: упоминании Любутска в «Списке городов русских дальних и ближних» между Одоевом и Новосилью[28].

Любутск занимал чрезвычайно важное положение в верховье р. Оки, и устранение угрозы, исходящей от него, стало одной из важных задач московского правительства. В отличие от линии обороны, складывавшейся вдоль р. Угры, короткая граница по Оке в районе Любутска использовалась и для нападения на московские земли. Здесь имелись броды, использовавшиеся для вторжений на левый (московский) берег Оки, удобно было концентрировать войска, а также встречать московские и рязанские отряды, стремившиеся на территорию ВКЛ.

В 1402 г. город был еще литовским[29]. Но, судя по договору Василия I и серпуховского князя Владимира Андреевича, между 1402–1404 гг.[30], Любутск стал принадлежать Москве[31]. Правда, лишь короткое время и до 1408 г. вернулся под власть ВКЛ[32], снова став очагом напряженности на литовско-московской границе.

Появление в конце XV в. в пределах ВКЛ двухсоставного Мценско-Любутского наместничества[33] и упоминание с начала 20-х гг. XV в. только мценского наместника может как будто свидетельствовать о более позднем возврате Любутска под власть ВКЛ. Пограничные конфликты в его окрестностях фиксируются источниками только с

[26] ПСРЛ. Т. 10. С. 228.

[27] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 52.

[28] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 151.

[29] ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

[30] ДДГ. № 16. С. 44.

[31] *Кучкин В. А.* Об одной лакуне во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 90–91 и др.

[32] В июле 1408 г. Любутск, несомненно, принадлежал ВКЛ.

[33] В 1467 г. в Метрике ВКЛ упомянут смоленский, любуцкий и мценский наместник Миколай Немирович (LM. Kn. 3. P. 44). Таким образом, в то время даже Мценское наместничество не было административно выделено.

1474 г.[34] Однако сведения на ряд ключевых дат позволяют убедиться в постоянной принадлежности Любутска ВКЛ. В 1408 г. вместе с князем Свидригайло в Москву среди прочих двинулись и «любутьскые» бояре[35]. В списке городов, которыми владел Свидригайло около 1432 г., перечислен и Любутск (Lyubutesk)[36]. Наконец, в договоре о «вечном» мире 1449 г. Василий II обязался «не въступатисе» в «Любутескъ»[37]. Никаких, даже косвенных, данных, позволяющих увидеть город московским между указанными датами, нет. Таким образом, почти непрерывно на протяжении второй половины XIV–XV в. Любутском владела Литва. Даже после первой пограничной войны 1486–1494 гг. и заключенного «вечного» мира, когда граница ушла на запад от города, за левый берег Оки, сам он остался (в качестве анклава) под литовской властью. Только в результате следующей войны (1500–1503) Любутск навсегда был потерян ВКЛ.

Если по р. Оке в районе Любутска в конце XIV в. твердо установился участок границы с прямым контактом территорий двух государств, то остальная часть пограничья (в основном в Поугорье) находилась еще в стадии формирования.

Пространство к западу от р. Протвы и ее притоков в направлении Угры во второй половине XIV – начале XV в. активно осваивалось благодаря деятельности московских удельных князей[38]. Между 1353–1359 гг. Москва завладела т.н. «местами рязанскими» по р. Протве и ее правым притокам (прежде всего Луже)[39]. Значительная часть бывших «мест рязанских» была передана в удел князю Владимиру Андреевичу[40], и после этого началось их активное освоение. Лужа и Боровск

---

[34] ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. М., 2000. С. 198; Т. 8. С. 178.

[35] ПСРЛ. Т. 25. С. 237.

[36] *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь Литовский или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб, 1835. Прибавления. С. 130; *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśninia dziejów Litwy, Rusi Litewskiéj i ościennych im krajów. T. 1. Wilno, 1860. № 746. S. 330.

[37] ДДГ. № 53. С. 160.

[38] Подробно об освоении междуречья рек Протвы и Угры см.: *Темушев В. Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. 2006. С. 89–95.

[39] ДДГ. № 4. С. 15, 18; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150; *Темушев В. Н.* Приобретения московских князей в середине XIV в. «Иная места Рязаньская» // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур (история, уроки, опыт, современность). Материалы международной научно-теоретической конференции. Ч. 1. Витебск, 2002. С. 18–21; *Он же.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С. 89–92.

[40] ДДГ. № 11. С. 31.

превратились в города с тянущими к ним волостями[41]. Новые волости и слободы заполнили пространство с левой стороны р. Лужи от верховья до ее изгиба на север (Сосновец, Ловышина, Турьи Горы, Бубол), а после и с правой стороны (Вепрейка)[42]. Также и к югу от г. Лужа появились волости Маковец и Сетунка[43]. Последние были наиболее удалены к югу из всех московских владений, но не достигали Угры. Лишь присоединение до 1371 г. Калуги и Рощи[44], возможно, открывало Москве доступ к самому низовью Угры[45]. Волость Калуга занимала, очевидно, пространство вокруг р. Калужки (левый приток Оки), а Роща была расположена в среднем течении р. Тарусы, вокруг ее левого притока Рощи[46]. Между Калугой и Рощей, территориально далеко отстоявших друг от друга, к началу XV в. появился Лисин – волость в верхнем течении р. Тарусы[47]. Кроме того, во второй половине XIV в. московский (бывший брянский) боярин Александр Пересвет купил довольно значительную часть тарусских владений вдоль берега реки Оки к западу от Алексина, названных «Пересветовой куплей»[48]. В итоге московские владения с нескольких сторон обступили территорию Тарусского княжества. Наконец, в 1392 г. московский великий князь Василий I купил в Орде у Тохтамыша ярлык на г. Тарусу, приобретя верховную власть над тарусскими князьями, некоторые из которых продолжили владеть своими землями, а другие перешли на службу к Витовту[49]. В окружении московских владений оказались также во-

[41] Там же. № 17. С. 47.

[42] АСЭИ. Т. 1. № 257. С. 185–187; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. II. СПб., 1902. С. 13–14; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. С. 550 и карта; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 56.

[43] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. II. С. 14; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 56.

[44] ДДГ. № 12. С. 34; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150.

[45] *Темушев В. Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С. 95.

[46] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. II. С. 22–23.

[47] Там же. С. 2; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 50.

[48] ДДГ. №. 16. С. 43; *Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века. С. 20–21.

[49] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 373; Т. 5. С. 245; *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 37; *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. С. 35–36, 38; *Он же.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. С. 117.

тчины Оболенских князей[50]. Последние утратили статус независимых правителей и поступили на службу к великому князю московскому[51].

В конце XIV в. московские владения распространились даже на юг от Угры и за Оку. Под непосредственное управление Василия I попало Козельское княжество[52]. Между 1402 и 1404 гг. Козельск был придан к уделу серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго[53]. Но уже в 1406 г. город стал достоянием Великого княжества Литовского[54]. Тогда же был захвачен и Воротынск[55]. Очевидно, оба города до того времени подчинялись Москве, ведь в походе 1406 г. князь Лугвень Ольгердович (он возглавлял литовское войско)[56], «въступль же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынескъ взяша, и въ Козелсте посадиша посадникы своа»[57]. ВКЛ только в 1404 г. окончательно закрепило за собой Смоленск, придвинуло свои владения к р. Угре, а уже в 1406 г. стало активно распространять свою власть дальше на восток. Правда, вероятно, в 1408 г., по условиям московско-литовского мира, заключенного «по давному»[58], Козельск должен был вернуться в состав Великого княжества Московского. В завещаниях Василия I он не был назван[59]. Тем не менее в договоре 1433 г. великого князя московского Василия II Васильевича с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем в связи с принадлежностью Козельска первому сказано: «А чем, г(осподи)не, княз(ь) велики, бл(а)гословил тебя от(е)ць твои, княз(ь) велики Василеи Дмитреевич». Однако был назван не сам Козельск, а только «козельские места»[60]. Впрочем, в заключенном в том же году договоре Василия II с галичским князем Юрием Дмитриевичем та же формулировка повторена, но Василий I благословил старше-

[50] См., например: АСЭИ. Т. 1. № 504. С. 382–383, 627; № 607. С. 505, 632;№ 608. С. 515; № 609. С. 518; № 610. С. 519; № 681. С. 543. Сам г. Оболенск находился у р. Протвы (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 322/185. С. 129).

[51] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 59; *Он же.* Землевладельческие права княжат в XV – первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // ИСССР. 1981. № 4. С. 42.

[52] *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска. С. 36–38.

[53] ДДГ. № 16. С. 43.

[54] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 461.

[55] Там же.

[56] Codex epistolaris Vitoldi magni ducis lithuanie. 1376–1430. Collectus opera A. Prochaska. Cracoviae, 1882. № 369. S. 150.

[57] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472.

[58] ПСРЛ. Т. 25. С. 238. См. также: Там же. Т. 8. С. 82; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 468; ПСРЛ. Т. 18. С. 155; Т. 26. С. 175. По Львовской летописи – 11 сентября «миръ взяша вечный по преднему доскончанию» (Там же. Т. 29. С. 225).

[59] ДДГ. № 20. С. 55–57; № 21. С. 57–60; № 22. С. 60–62.

[60] Там же. № 27. С. 70.

го сына «Козельском с месты»[61]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что между 1423–1425 гг., т.е. между написанием 3-й духовной Василия I и его смертью (1425), Козельск вновь стал московским, причем в этот раз не был отнесен к удельным владениям, а остался в составе великокняжеских земель[62]. В дальнейшем (в 30–40-х гг. XV в.) Козельск с некоторыми своими волостями неоднократно упоминался в числе владений великого князя московского и удельных московских князей[63]. Только к 1448 г. ВКЛ снова завладело Козельском. 5 февраля 1448 г. город получил в «держан(ь)е» от короля польского и великого князя литовского Казимира князь Федор Львович Воротынский[64]. В 1488 г. тоже в качестве держания Козельск получил князь Дмитрий Федорович Воротынский[65], а уже в декабре 1489 г. последний вместе со своими владениями перешел на московскую службу[66]. Окончательно город был закреплен за Москвой по миру 1494 г.[67]

Из волостей, упоминаемых в источниках вместе с Козельском, называются Серенск (Серенеск) и Людимск (Людимеск)[68]. Последний совсем близко находился от низовья Угры, причем с правой ее стороны[69]. Для властей ВКЛ, безусловно, важно было исправить сложившуюся ситуацию, когда Москва могла контролировать важные дороги, ведущие в глубь государства (к Дорогобужу, Вязьме, Брянску), и перекрывать доступ к Воротынску, Одоеву и другим центрам Верхнеокского региона. Но представляется, что в период владения Козельском и окрестной территорией (после 1430 и до начала 1448 г.), характеризовавшийся серьезными внутренними неурядицами, Великое княжество Московское не смогло сколько-нибудь значимо повлиять на пограничные отношения в районе Поугорья.

---

[61] Там же. № 30. С. 76.

[62] А. А. Горский считал, что Козельск удерживал Витовт до своей смерти – 1430 г. (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 162).

[63] ДДГ. № 30. С. 76, 78; № 41. С. 122; № 45. С. 129, 132, 135, 138; № 46. С. 141; № 48. С. 147.

[64] Там же. № 49. С. 149.

[65] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. T. I. 1377–1499. W., 1930. S. 392; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 92.

[66] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47–48; № 14. С. 54; Выписка из посольских книг. С. 42; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 91–92.

[67] ДДГ. № 83. С. 330.

[68] Там же. № 41. С. 122; № 48. С. 147; № 83. С. 330. Над Серенском со времен Ольгерда установилось совместное московско-литовское владение (СИРИО. Т. 35. № 24. С. 121; ДДГ. № 53. С. 161).

[69] Отождествляется с городищем у д. Гришово Бабынинского района Калужской области Российской Федерации (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. М., 2006. № 107/44. С. 79–80).

Непосредственным московским соседом в районе Поугорья становилось Новосильское княжество, а точнее – его Воротынский удел, выделившийся к концу XIV в.[70] Город Воротынск на р. Выссе, левом притоке Оки[71], совсем близко расположен от устья р. Угры. Можно было бы предположить протяженность воротынских владений до течения последней[72], если бы не существование Крайшина – волости, чей центр находился между Воротынском и устьем р. Угры. Волость Крайшина «по обе стороне Высы реки» была пожалована королем и великим князем Казимиром князю Федору Львовичу Воротынскому «у вотчину и его детемъ» только в 1455 г.[73] Центр волости отождествлен с селом Спасское (совр. Спас) у самого устья р. Угры и возле Оки[74]. Спас-Городок – городище с окружавшими его селищами, являлся крупным поселением уже в древнерусское время[75]. Следует думать, что обладание пунктом, ставившим под контроль дорогу, проходившую через р. Угру у ее устья, приносило Воротынским немалый доход. С другой стороны, обязанность пограничной службы также легла на плечи этих князей.

В том же 1455 г. в состав Воротынских владений вошел Логинеск, лежавший на юг от столицы княжества[76]. Таким образом, оказывается, что из владений Воротынского княжества только сам город Воротынск с небольшой округой изначально находился на левой стороне р. Оки[77]. Весь основной массив княжества был сгруппирован на правобережье.

---

[70] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 131; *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 30.

[71] АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 556/411. С. 194–195.

[72] Так предполагал С. М. Кучиньский (*Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 61).

[73] АЗР. Т. I. № 57. С. 70; LM. Kn. 3. P. 39; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

[74] *Зельницкая Е. Г.* Исследование древних исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии // Отечественные записки. Ч. 27. СПб., 1826. С. 81–83; *Беляев Л. А.* Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (Археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995. С. 55, 64–65, 67, 69. Составители Археологической карты Калужской области привели ошибочное мнение об отождествлении городища Спас-Городок с Воротынском старым, упоминаемым в событиях 1480 г. (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 91/31. С. 73–74).

[75] *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 164, 167.

[76] *Зельницкая Е. Г.* Исследование древних исторических мест или урочищ... С. 84–85; АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 574/421. С. 198.

[77] Возможно, и место самого Воротынска когда-то принадлежало Карачевскому княжеству, город же был перенесен на новое место с берегов р. Зуши, правого притока Оки лишь в конце XIV – начале XV в. Данное предположение отчасти подтверждается археологическими данными: на городище отсутствует слой XI–

Территориальную принадлежность Крайшина, а следовательно, и устья р. Угры до середины XV в. определить сложно. По списку 1494 г., предоставленному в ходе переговоров литовскими послами московским боярам, Краишино, как и Лагинеск, считались смоленскими волостями[78]. Но там и целый ряд других волостей, а также городов причислен к Смоленску. По всей видимости, содержание списка свидетельствовало о подчинении некоторых городов и волостей великому князю литовскому и управлении ими через смоленских урядников. При этом игнорировалась сложившаяся исторически территориальная структура. Можно лишь предположить, что до начала XV в. часть земель в Поугорье подчинялась Карачеву. Когда Витовт ликвидировал Карачевское княжество, многие земли, в том числе, возможно, и в районе Угры, составили фонд господарских владений.

В состав Карачевского княжества до начала XV в., видимо, входил еще ряд волостей в Поугорье: Гонвенце (?), Опаков, Недоходов, Бушкевичи (Бышковичи), Лычина (Лычино) и Ощитеск (Ощитов). Согласно записи в книге данин Казимира Метрики ВКЛ, эти владения («братня Анъреевая доля»), за исключением Ощитеска, между 1440 – началом 1443 г. получил князь Юрий Михайлович[79], вероятно, справедливо отождествляемый с внуком мосальского князя Святослава Титовича[80]. Ощитеск (сопоставимый с известной в конце XV в. смоленской волостью Ощитов) был дан между 1440–1447 гг. великим князем Казимиром мосальскому князю Володку[81]. 7 ноября 1449 г. (индикт 13, ноября 7) последний получил также пустую волостку Недоходов[82].

Мосальском в XV в. продолжали владеть не на княжеском праве, а на праве вотчины князья из рода карачевских[83], но сам город и пе-

XIII вв., а основная масса находок относится к XV–XVI вв. Совсем рядом с Воротынском Старым находился город Новосиль, из которого в 1375 г. «от насилья от татарского» резиденция князей была перенесена в Одоев (Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. М., 1977. С. 112). Не было ли запустение старого Воротынска и возникновение нового связано с теми же событиями? Впрочем, отдельные находки, относящиеся к домонгольскому времени, на городище Воротынска все-таки были найдены (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 556/411. С. 194; Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В. П. Новикова, Т. А. Гордеевой. Калуга, 2007. С. 38).

[78] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118.

[79] LM. Kn. 3. P. 31.

[80] О существовании сына Михаила у князя Святослава Титовича, неизвестного по родословцам, см.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 231.

[81] LM. Kn. 3. P. 46.

[82] Ibid. P. 37.

[83] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 61–62.

речисленные волости, несомненно, относились к древней территории Карачевского княжества[84]. В 1449 г. лишь один Недоходов был дан князю Володку Масальскому (Владимиру Юрьевичу)[85], что косвенно свидетельствует о смерти второго брата Михайловича и переходе всех его волостей к великому князю литовскому. Из новых господарских владений только волостка Недоходов, оказавшаяся без владельца («пуста деи, а не дана никому»), была распределена, остальные, видимо, остались в великокняжеском фонде.

Проблем с локализацией волостей, близких к р. Угре, не возникает. Только Гонвенце трудно сопоставить с каким-либо населенным пунктом Поугорья. После середины XV в. он больше не упоминался. Вполне возможно, в процессе переписывания 3-й книги Метрики ВКЛ в конце XVI в. название волости было искажено[86]. Например, случайно два раза было поставлено выносное «н». Происхождение названия волости в таком случае можно связать с именем Говен (Говенец). Оно встречается в той же 3-й книге записей[87]. В числе станов Воротынского уезда конца XVII – начала XVIII в. известен Говенский[88]. Он лежал севернее Воротынска у правого берега р. Угры южнее Залидовского стана Мещовского уезда[89]. Совсем рядом, к западу можно заметить группу волостей (Бышковичи, Лычино и Недоходово). Вероятно, это и была упомянутая в середине XV в. волость Говенце.

Кроме того, в районе, близком к Ощитову (совр. Федотково)[90], находившемуся северо-западнее Дмитровца на р. Угре, с XVII в. известно село Говендеги (Говендюги, совр. Знаменка), располагавшееся тоже на

[84] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 52.

[85] LM. Kn. 3. P. 37.

[86] Написание «Гонвенце», где присутствуют две выносные буквы «н» несомненно (Национальный исторический архив Беларуси. КМФ-18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.).

[87] LM. Kn. 3. P. 23, 65.

[88] *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 236. Карта на С. 256–257.

[89] Там же. С. 256–257 (карта).

[90] АКР: Смоленская область. Ч. 2. / Сост. Ю. А. Краснов, С. Е. Михальченко, В. С. Нефедов, Г. К. Патрик. М., 1997. № 1359. С. 153–154. Городище не было идентифицировано как Ощитов. Такой вывод подкрепляется материалами посольских книг (примерное расположение относительно других населенных пунктов) и благодаря сведению плана XVIII в., на котором обозначена р. Щитовка, впадающая в Угру возле села Федотково (Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда со всеми внутри онаго лежащими грацкими, казенными, и въладельческими землями с показаниемъ въ немъ каждаго селения со отъделениемъ грацкими и спецыальными отъ другихъ межами, сочиненъ въ смоленской межевой конторе землемеромъ прапорщикомъ Григорьевымъ Накоскинымъ въ 1780 году, генваря 10 дня. В 1 дюйме – 500 сажень).

правом берегу р. Угры, к юго-западу, за резким изгибом реки[91]. Село относилось к Великопольскому стану Вяземского уезда. Учитывая место с. Говендюги (рядом с Ощитовом) и некоторое соответствие названия (один корень, связанный с именем Говен), его осторожно можно отождествить с центром волости XV в. Говенце. В итоге появляется вероятность значительной удаленности части комплекса владений мосальских князей (Ощитеск-Говенце) от основного массива их волостей, сосредоточенных в низовье Угры.

Локализация Опакова не вызывает затруднений. Его городище расположено на мысу правого берега Угры, на северо-западной окраине с. Палатки Юхновского района Калужской области[92]. Недавние раскопки привели к открытию на Опаковском городище, в северной, наиболее возвышенной его части, у самого края мыса остатков каменной сторожевой башни, сложенной из крупных кусков известняка[93]. Таким образом подтвердилось примечание переписчика духовной грамоты Ивана Грозного 1572 г., в котором сказано: «Опаков ныне село в Медынском уезде, в котором знак каменная палатка доднесь осталась. Сей был на границе Литовского владения во время Витолдово, но великий князь Василей Ивановичь с прочими от Литвы взял в... году»[94]. «Каменная палатка» – это, несомненно, остатки полуразрушенной башни. Кстати, данное сооружение, видимо, и дало новое название Опакову.

Выше Опакова по течению р. Угры с левой стороны ее притока Рессы располагались смоленские волости Мощин и Пустой Мощин. На левой стороне Рессы стоял Мосальск, нижнее течение этой реки, возможно, служило границей между Смоленским и Карачевским княжествами. Через устье Рессы у Пустого Мощина проходила дорога на Вязьму. Там находились постоялые дворы[95], а сбор мыта был организован в Опакове[96]. Дальнейшее течение р. Рессы и ее притоков (прежде

[91] «За окольничьим Матвеем Степановичем Пушкиным вотчина село Мишино, Говендеги тож, а в селе церковь во имя пресвятой богородицы Знамения да придел святомученников Флора и Лавра» (Подлинная переписная книга посадских дворов города и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов... переписи Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Аввакума Григорьева. Копия. 1677 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10818. Л. 321об.).

[92] АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 825/618. С. 255; Памятники истории и культуры национального парка «Угра». С. 20–21; *Массалитина Г. А., Болдин И. В.* Реконструкция истории летописного Опакова с привлечением данных археологии и картографии // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2006. С. 25–26.

[93] Там же. С. 28–32.

[94] ДДГ. № 104. С. 440.

[95] Известны в середине XIX в., но не обозначены на карте Генерального межевания Юхновского уезда конца XVIII в.

[96] Акты Литовской метрики / Собраны Ф. И. Леонтовичем. (Далее: АЛМ).

всего – Пополты) оставалось, вероятно, в сфере влияния Мосальска (а до этого – Карачева). К такому выводу можно прийти, наблюдая за природными особенностями окрестностей. На запад от устья р. Рессы (сама она текла с юга) располагались большие леса и болота[97]. Даже в настоящее время они слабо заселены. Город Мосальск с севера на запад (вплоть до Серпейска) находился в окружении глухих лесов, которые, вполне вероятно, создавали и защищали его границы. Интересно, что в замкнутое пространство попадали такие волости, как Мощин и Пустой Мощин. Это косвенно свидетельствует об их былой принадлежности к Карачевскому княжеству. Ощитов и Гонвенце могли составлять анклав владений карачевских князей, как в свое время волость Заберега, принадлежавшая Новосили, находилась в значительном отдалении от основной территории княжества. Но можно предложить и иную версию. Ощитов мог являться на самом деле смоленской волостью, только в 1440–1447 гг. отдельно переданной великим князем Казимиром мосальскому князю Володке (см. выше). А что касается Гонвенца, то его более вероятное местонахождение полностью вписывается в выделенный регион. Мосальские волости в низовьях Угры во второй половине XV в. перешли в прямое подчинение Смоленску.

Таким образом, вариант изначальной принадлежности как обоих Мощинов, так и Гонвенца, который размещался южнее их, Карачевскому княжеству не дает оснований для чересполосицы владений, а общая конфигурация границ княжеств (Смоленского и Карачевского) выравнивается за счет ликвидации резкого выступа карачевских земель на север.

О территории Карачевского княжества за Угрой (на ее левой стороне) ничего не известно, но Смоленску принадлежала расположенная далеко за этой рекой и ее притоком Шаней Медынь. Около 1371 г. ее для Москвы «вытягал боярин… Федоръ Аньдреевич (Свибло. – *В. Т.*) на обчем рете… оу смолнян»[98] (возможно, из состава Вяземского княжества)[99]. Наблюдения за территорией, относившейся к Медыни в конце XVI–XVIII в., могут показать пограничный характер Угры в начале XV в. Если, используя метод ретроспекции, перенести данные

Т. 1. Вып. 1. 1413–1498 гг. Варшава, 1896. № 152. С. 59; LM. Kn. 6 (1494–1506) / Parengë A. Baliulis. V., 2007. № 243. P. 168.

[97] В этом можно убедиться, если посмотреть, например, на карту А. Рицци-Занония. На ней вокруг Мосальска размещены Мосальский бор (Bor Masalski), Веденский бор (Bor Wedenskoi) и другие леса (*Rizzi-Zannoni A.* Carte de la Pologne dividé par Provinces et Palatinats et subdivisée par districts… 1772. Paris, 1772. № 8)..

[98] ДДГ. № 12. С. 34. По датировке В. А. Кучкина – 1368 г. (*Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского. С. 143).

[99] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 146.

конца XVI в. на ситуацию более раннего времени, добавить фактор присутствия калужских земель у устья р. Угры, то можно обнаружить значительную протяженность литовско-московской границы вдоль этой реки (необходимо учесть, что в 1403–1404 гг. Вязьма и Смоленск были присоединены к ВКЛ, и московско-смоленская граница превратилась в литовско-московскую).

В начале 1494 г. в ходе переговоров московские бояре назвали литовским послам 8 волостей, причисленных к медынским: Городечна, Нерожа, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сковородеск, Гостижа, Белые Вста, Вежки[100]. По писцовому описанию 1586–1587 гг. сохранились Городенский, Вежецкий, Городской, Радомский станы и волость Городня[101]. Тем самым часть волостей конца XV в. либо слилась с другими, либо перешла к соседним уездным центрам.

Территориальный состав Медынского уезда конца XV в. как будто в целом соответствует его состоянию спустя столетие. Однако в переговорах 1494 г. обращает на себя внимание, что вопреки московским боярам, относившим ряд волостей к числу медынских, литовские послы называли их «смоленскими из старины» и в предварительно поданном списке смоленских пригородов и волостей указали все пункты[102]. Смоленскими литовской стороной считались также волости, объявленные боярами боровскими (Трубна, Путынь) и можайскими (Турье, Тешинов, Сукрома, Олховец, Отъезд)[103]. В итоге все спорные территории были уступлены Москве, но они принадлежали ВКЛ до московских захватов в войну 1486–1493 гг.

Из перечисленных волостей определяется местонахождение следующих. Вдоль р. Городенки, правого притока Шани, впадающей слева в Угру, располагалась волость Городечна (волость Городня конца XVI в.)[104]. По речке Нерошке (Нерошенке в XVIII в.)[105], левому притоку Извери, впадающей слева в Угру, лежала Нерожа. Волость Гостижа,

[100] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 119, 137.

[101] Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отделение I. СПб., 1872. С. 832–852.

[102] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118, 119, 137.

[103] Там же.

[104] Писцовые книги Московского государства. С. 849–851.

[105] Генерального плана Медынского уезда часть II-я. Масштаб – в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782; Геометрический генеральный план Калугского наместничества оконч... Медынскому уезду со всеми внутри оного лежащими владельческими землями с показанием в нем каждого селения с отделенными специальными и городскими от других уездов межами, сочинен в орловской межевой конторе в городе Болхове первого класса землемером порутчиком Петром Нееловым Генваря дня 1779 году. Масштаб: в английском дюйме 500 саженей.

несомненно, связана с р. Костижей (Гостижей в XVIII в.)[106], правым притоком Шани. Наконец, в районе р. Вережки (Верешки в XVIII в.)[107], левого притока Угры, находилась волость Вежки (Вежецкий стан конца XVI в.)[108]. Севернее истока Вережки, уже у противоположного берега другой реки – Извери (левый приток Угры), еще в конце XVIII в. стоял погост Вежки[109], от которого к настоящему времени осталось только урочище. Это, вероятно, был центр волости.

Остальные волости, ставшие в конце XV в. медынскими, пока не удалось локализовать, но и те, местоположение которых с большой степенью вероятности определены, занимают пространство треугольником от р. Шани на востоке до р. Угры на юге, тем самым отсекая московские владения конца XIV в. от выхода к р. Угре. Итак, целый ряд волостей, отторгнутых в конце XV в. от ВКЛ, составил уездную структуру Медыни, до этого, видимо, обладавшей лишь статусом центра волости. Очевидно, территорию Медыни до конца XV в. можно сопоставить с позднейшим Городским станом, который распространялся только до р. Шани, левого притока р. Угры[110].

Другие смоленские волости, в конце XV в. отнесенные к числу боровских и можайских, также закрывали выход московских владений к р. Угре. С запада медынские земли ограничивались территорией волости Трубна, занимавшей, очевидно, пространство вдоль реки Трубенки (левый приток Шани). Вместе с волостью Ощитов и Дмитровской землей в 1494 г. была упомянута волость Погорелое[111], центр которой можно неуверенно отождествить с современной Погореловкой (д. Погорелка в XVIII в.)[112], находящейся севернее р. Угры недалеко от впадения в последнюю р. Вережки. С большей долей вероятности можно видеть волость Погорелое в стане Пожога (Пожега, Пожеский) (центр – с. Пожога на р. Угре), известном по писцовым описаниям конца XVI в.[113] Размещался стан совсем рядом с Ощитовом – вдоль левого берега Угры, за резким изгибом реки. Правда, название села и волости

[106] Генерального плана Медынского уезда часть I-я. Масштаб: в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782.

[107] Генерального плана Медынского уезда часть II-я.

[108] Писцовые книги Московского государства. С. 836.

[109] Генерального плана Медынского уезда часть I-я.

[110] Писцовые книги Московского государства. С. 835, 846. На Шани находились дер. Рокитина и сц. Свитино, локализуемые на современной карте (Атлас Калужской области. Масштаб 1:100 000. М., 2002. С. 17).

[111] СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152.

[112] Генерального плана Медынского уезда часть I-я.

[113] Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. Ч. I. Отделение II. СПб., 1877. С. 814–822.

Пожога произошло, очевидно, от ручья Пожега, в то время как волость Погорелое – возможно, от события, связанного с пожаром.

После заключения мира 1494 г. волость Погорелое оставалась в составе ВКЛ: в ответ на жалобу литовского посла московский боярин Дмитрий Владимирович Ховрин[114] заверил, что московским «украиникам» будет запрещено «вступаться» «въ Ощытовъ и въ Погорелое и въ Дмитровские земли»[115]. В перемирной грамоте 1503 г. волость Погорелые и еще 27 волостей названы у города Дорогобужа, закрепленного за Москвой[116].

По отношению к перечисленным волостям единственным подтверждением их связи со Смоленском является показание литовских послов, что может не соответствовать действительности. Однако это еще далеко не все данные, свидетельствующие о принадлежности ВКЛ территории левой стороны р. Угры. Точно известно, что город Опаков, стоявший на правом берегу Угры (совр. Палатки)[117], имел обширные земли и на ее левом берегу. Формулировка «Опаков по Угру» даже вошла в текст московско-литовского договора о вечном мире 1494 г.[118] За ВКЛ сохранялся Опаков с землями до Угры, следовательно, у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила к Москве. Опаковом, как и Дмитровцом в свое время (1492), завладел князь Семен Федорович Воротынский. Но от великого князя Ивана III он получил только территорию до р. Угры («городъ Опаковъ съ волостьми по Угру»)[119], т.е. левобережье напротив Опакова было уже до этого твердо закреплено за Москвой. До Воротынского Опаков принадлежал Сапегам. Возвратив городок в 1494 г., один из них – Василий (Васко) Сапежич жаловался великому князю Александру, что почти все его владения отошли за Угру к великому князю московскому[120] и хорошо бы было получить что-нибудь взамен[121]. Вероятно, большая часть опаковских земель лежала за рекой.

---

[114] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 272.

[115] СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152.

[116] Там же. № 75. С. 400.

[117] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. Прим. 264. С. 192; АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 825/618. С. 255.

[118] ДДГ. № 83. С. 330; СИРИО. № 24. С. 126

[119] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

[120] «...много дей ее за Вгру отошло» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // Русская историческая библиотека. Т. 27. СПб., 1910. № 55. Стб. 565); «отчина его вся за Вгру отошла къ великому князю Московскому» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 130. Стб. 649); «отчина его за Вгрою в Опакове мало не вся к Москве отошла» (LM. Kn. 6. № 229. P. 161).

[121] «...и абыхмо противъ его отчины чимъ пожаловали» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 130. Стб. 650). Другой Сапежич – Ивашка вы-

Два других города, захваченные князем Воротынским с санкции Ивана III, также были отданы новому московскому подданному с землями только по Угру[122]. Города Бышковичи и Залидов находились уже недалеко от устья Угры. При этом Бышковичи стояли не на Угре, а у ее притока речки Бол. Березуй[123], Залидов же находился ниже по течению от устья р. Шани[124]. Место Залидова заставляет разместить его земли на левобережье Угры вплотную к р. Шани и ее притоку Суходреву, так что для московских владений оставался совсем узкий выход к Угре. Казалось бы, в договоре 1494 г. только Опаков назван «по Угру». Однако указание в тексте документа: «...і в Залидов, і в Бышковичи, і в Опаковъ по Угру»[125], несомненно, относится ко всем трем городам. Левобережье р. Угры от Опакова до Залидова в 1494 г. было закреплено за Москвой, а реально присоединено и освоено оно было еще до перехода на московскую службу князя С. Ф. Воротынского (ноябрь–декабрь 1492 г.)[126], т.к. последний сумел завладеть только территорией правобережья. Волости же с левого берега Угры, очевидно, к тому времени влились в состав Медынского уезда. Именно их и назвали московские бояре в переговорах начала 1494 г.

В завещании Ивана III были упомянуты многочисленные слободы, устроенные в левобережье Угры, видимо, еще в конце XV в. Великий князь московский передавал сыну: «...город Медын(ь), и Радомль, и с Вешками по Угру, да на Шане слобода, что Товарков садил, по Угру ж, и с Песочною с меншею, и з слободами, что садили Андреи Картъмазов, да Митя Загрязскои, да Ивашко Гладкои. А что Филипповых детеи Полтева села и д(е)р(е)вни на сеи стороне Угры, и те села и д(е)р(е)вни со всем, что к ним потягло, къ Медыни»[127]. Из перечисленных

менял до начала 1495 г. свою часть (дельницу) Опакова брату на село Щокино (АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. Стб. 567–569. № 58).

[122] «Город Бышковичи с волостьми по Угру, город Залидов с волостьми по Угру, город Опаков с волостьми по Угру» (СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136).

[123] Городище и селище у д. Городище с правой стороны р. Бол. Березуй (АКР: Калужская область. № 255–256. С. 66, 65 (карта); АКР: Калужская область. Изд. 2-е. М., 2006. № 223/255–224/256. С. 105, 103 (карта). Ссылка на старое издание дана в связи с тем, что на карте 2-го, переработанного и дополненного издания место городища на карте указано неверно.

[124] Городище у д. Свинухово в районе знаменитых Залидовских лугов (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 257/282. С. 105, 103 (карта); Памятники истории и культуры национального парка «Угра». С. 34–35). О Залидовских лугах см.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 6. Калужская губерния. СПб., 1849. С. 21; Залидовские луга (сборник научных трудов) / Под науч. ред. Т. А. Гордеевой, В. П. Новикова. Калуга, 2009.

[125] ДДГ. № 83. С. 330.

[126] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 99–100.

[127] ДДГ. № 89. С. 355.

слобод уверенно локализуется лишь та, «что Товарков садил» – это, несомненно, Товарково, волость в устье р. Шани, впадающей слева в Угру. После 1505 г. «волости на Угре, Товарков, Конопнарь (Конопка), и иныя волости по Угре» были даны великим князем Василием III в совместное владение князьям Василию Шемячичу и Василию Стародубскому[128]. Активная колонизационная деятельность московских властей захватила левобережье Угры еще до 1492 г. Фактически происходил захват территории соседнего государства.

Наконец, уникальное известие, отраженное в посольских книгах, окончательно заставляет пересмотреть позицию относительно пограничного характера р. Угры. В 1494 г. «боярин твой (Ивана III. – *В. Т.*), брата нашего, на имя Олферей, волостель Туреский, тыми разы вжо сего году Дмитровское нашое волости засел десять деревень у Радунки; а перво сего, вжо после нашего с тобою докончаниа, тоежо волости нашое Дмитровское Скряба Травин засел два села, на имя Луково а Шибнево; а тивун вежецкий Абрам тоежо Дмитровское волости засел одинатцать деревень»[129]. Три разновременных события (одно до, второе после заключения мира – 5 февраля и третье без уточнения времени) касаются непосредственно Дмитровца и помогают реконструировать границы волости. Наезд на дмитровские земли в 1494 г. был известен Я. Натансону-Лескому, но польский исследователь, уверенно прочертив линию границы по р. Угре, вынужден был признаться в невозможности локализовать упомянутые объекты[130].

Итак, еще в том же году (начинался с 1 сентября 1493 г.) боярин Олферей – «туреский» волостель (волости Турье, к этому времени, видимо, уже отнесенной к Можайску, а до того принадлежавшей князьям Глинским)[131] «засел» 10 деревень Дмитровской волости у речки Радунки. Нападение, таким образом, шло со стороны левого притока р. Угры Туреи, вокруг которой располагалась волость, на другой левый приток Угры – Радунку, известную по карте Генерального межевания как Руденка[132].

Скряба Травин после заключения мира (после 5 февраля) «засел» два дмитровских села – Луково и Шибнево, встречающиеся и на современной карте по разные стороны р. Вори, при впадении в нее Истры[133].

Абрам – тиун вежецкий (волости Вежки, возможно уже отнесенной к Медыни) «засел» 11 деревень Дмитровской волости. Время не

[128] Там же. № 104. С. 440, 441; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 139.

[129] СИРИО. Т. 35. № 56. С. 268.

[130] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 85. Pr. 179.

[131] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 36.

[132] Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда.

[133] Атлас Калужской области. С. 14.

указано, но, видимо, происходило это событие одновременно с предыдущим. Местонахождение деревень не указано, но волость Вежки определена в районе еще одного притока Угры – Вережки.

Таким образом, территория Дмитровской волости в левобережье Угры (о ее протяженности на правом берегу реки ничего не известно) располагалась по обеим сторонам р. Вори и ограничивалась на северо-западе речкой Радункой, на юго-востоке не доходила до речки Вережки, а на севере и северо-востоке вступала в контакт с волостью Турье, а также еще одной известной в этом районе волостью – Ореховной (на р. Истре, притоке Вори)[134].

Течение р. Угры вверх от Дмитровца шло на северо-запад, проходило мимо Ощитова, а потом делало резкий поворот на юго-запад, уходя в глубину земель ВКЛ. В итоге для московских владений оставался только узкий участок у самого устья р. Угры.

Необходимо заметить, что и после заключения мира 1494 г. Дмитровец сохранил свою территорию на левом берегу Угры. При этом заметно стремление московской администрации соседних волостей отрезать часть дмитровских земель. Дмитровец понес некоторые потери, однако по-прежнему контролировал часть левобережья. Кроме того, если считаться с неуверенной локализацией волости Погорелое на левом берегу Угры почти напротив Опакова, то еще в одном месте граница по р. Угре должна быть нарушена. Таким образом, в 1494 г. литовско-московская граница была установлена по Угре на отрезке ниже Дмитровца до устья реки. Вероятно, именно о ситуации 1494–1503 гг., еще свежей в памяти москвичей, и высказался С. Герберштейн в своих «Записках о Московии».

Возвращаясь к началу XV в., необходимо заметить, что заключенный в 1408 г. мир не внес изменений в состояние границы между двумя великими княжествами. Договор был заключен «по давному», а согласно предыдущему соглашению от 4 сентября 1407 г. московская граница сохранялась такой же, какой была при Дмитрии Донском («рубеж отчине моего отца по старине»)[135]. Следовательно, и в 1408 г. граница оставалась прежней, причем именно для Москвы, ведь до начала XV в. ВКЛ еще не присоединило Смоленск, Вязьму и верховья Оки, и его владения не вошли в соприкосновение с московскими. Основываясь на подробном обзоре владельческой принадлежности земель в районе р. Угры, можно утверждать об отсутствии литовско-московской границы вдоль Угры на сколько-нибудь значительном протяжении. Источники конца XV в. обнаруживают существенные владения ВКЛ

[134] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 283.

[135] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 41.

на левой стороне реки[136]. И только к ее устью могли подступать московские земли (в случае, если волость Калуга распространялась дальше на запад от своего средоточия – р. Калужки). Предполагать захват части Великого княжества Московского жителями ВКЛ после 1408 г. нет оснований.

Тем не менее граница по р. Угре в начале XV в. все-таки могла быть обозначена, хотя и условно. Вполне вероятно, что к тому времени в левобережье Угры сохранялись большие неосвоенные пространства. У смоленских князей, видимо, не было заинтересованности, да и возможности освоить и развивать периферийный для них регион. Для ВКЛ же участок заимствованной у Смоленского княжества границы между защищенной лесами и болотами Вяземщиной и пересеченным множеством рек Верхнеокским регионом обнаружил серьезную уязвимость. Понимая стратегическую важность Поугорья, власти ВКЛ предприняли шаги по укреплению участка новой государственной границы. Городки вдоль Угры были розданы во владение верных великому князю людей из числа великокняжеских должностных лиц (Сапега – Опаков) и местных князей (Ф. Л. Воротынский – Крайшино, Лучин, С. Ф. Воротынский – Мощин). Были отстроены новые оборонительные сооружения Дмитровца[137]. Повышенное внимание к региону, выразившееся и в выделении средств на его развитие, послужило толчком для хозяйственного освоения пустующего левобережья Угры.

Таким образом, совсем отрицать возможность существования литовско-московской границы по р. Угре не следует. Такая ее конфигурация могла быть зафиксирована в начале XV в. В действительности образовалась буферная зона – широкая полоса незанятых земель и условно служившая границей. Река Угра очерчивала одну сторону пограничной полосы, а противоположная ее сторона терялась в лесах у р. Шани и дальше на востоке. Только к самому устью Угры в начале XV в. могли подступать московские владения. Через буферную зону свободно проходили войска, двигавшиеся к устью Угры или сворачивавшие напрямик к броду у городка Дмитровец, чтобы сократить дорогу к Вязьме. Постепенно площадь незанятых земель сокращалась за счет их освоения как с литовской, так и, менее деятельно, с московской

[136] При этом, вопреки многим свидетельствам источников, Я. Натансон-Лески, крупнейший исследователь московско-литовской границы, утверждал: «Niema żadnych śladyw, by Litwa sięgała kiedy poza Ugrę dolną (bo o dolnej tylko może być tu mowa)». (*Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Ad. 47. S. 27).

[137] *Массалитина Г. А., Болдин И. В.* Средневековый Дмитровец. К постановке проблемы // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей в 2 ч. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2007. С. 128.

стороны. К концу XV в. ВКЛ принадлежала большая часть обозначенной территории. А Великое княжество Московское, вероятно из-за внутренних проблем, резко замедлило свое проникновение на запад в районе западнее р. Шани. Если во второй половине XIV – начале XV в. наблюдалась активная деятельность удельных московских князей по колонизации и освоению региона вокруг р. Протвы и ее притоков, то на протяжении почти всего XV в. упоминания о новых городах, волостях и слободах почти не встречались.

Рубеж обороны в регионе строился властями ВКЛ с опорой на Угру. Такая ситуация может быть легко объяснена тем, что крутой правый берег Угры создавал естественное препятствие для перемещений войск противника, укрепленное самой природой. Во время Великой Отечественной войны вдоль Угры и ее левого притока Вори долгое время держалась линия фронта. Следы окопов и других полевых укреплений до сих пор сохраняются на обоих берегах рек. Восточнее Угры, хотя там и продолжались владения ВКЛ, не было столь же удобного оборонительного рубежа, к тому же развернутого как будто специально для прикрытия внутренних районов государства. С другой стороны, московская территория оказывалась весьма уязвимой для нападений из-за реки. Практически до р. Протвы и ее притока Лужи (за исключением Медыни, которую можно было легко обойти с юга) не встречалось ни крупных рек, ни сильных крепостей. Так сложилось, что оказавшиеся под московской властью значительные опорные пункты региона (Оболенск, Малоярославец, Боровск, Вышгород, Верея) располагались на правых (западных) берегах рек Протвы и Лужи, что делало их менее успешными в случаях нападений с не защищенного водой фронта. Калугу также не могла прикрыть Ока – к городу легко могли подойти войска противника с запада, переправившись через Угру.

Вероятно, так и произошло зимой 1444/1445 г., когда «приходи Литва къ Колузе»[138]. Большой поход 7-тысячного войска ВКЛ, возглавляемого первыми должностными лицами государства паном Волимунтом

Судивоем[139], Родивилом Осиковичем[140], Ондрюшкой Мостиловичем[141], Иваном паном Гонцевичем[142], паном Юршей[143], Андреем Исаковичем[144], Якубом Раловичем[145], Миколаем Немировым[146], Захарием Ивановичем Кошкиным[147] явился ответом на московское нападение[148].

[139] Судивой Волимунтович в 1444 г. еще был канцлером, а уже в 1445 г. стал смоленским наместником. Вопреки утверждению А. А. Зимина (*Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 102), ковенским старостой он был только с 1447 г. (Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Opracowali H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 51, 249; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. Ziemia smoleńska i wojewydztwo smoleńskie XIV–XVIII wiek / Pod redakcją A. Rachuby. W., 2003. S. 49, 405; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 1. Województwo Wileńskie, XIV–XVIII wiek / Pod redakcją A. Rachuby. W., 2004. S. 107, 750; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. Vilnius, 2003. P. 299).

[140] Людвик Радзивилл Остикович, маршалок господарский (Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 81, 232; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 1. S. 73, 703; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 215–216).

[141] Ондрюшка Мостивилович (Моствилович) (LM. Kn. 3. P. 23, 25, 43, 68).

[142] Возможно, речь идет об Иване (Ивашке) Кгойцеве (Кгойцевиче) (LM. Kn. 3. P. 22).

[143] Возможно, Юрша Иванович, урядник, сменявший различные должности в первой половине XV в. (наместник луцкий, брянский, киевский, кременецкий, браславский) (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 45, 362; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 248).

[144] Андрей Сакович, полоцкий наместник с ок. 1444 г., но с 1440 г. он являлся смоленским наместником (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 49, 391; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 287–288).

[145] Якуб Ралович во второй половине XV в. был маршалком господарским (Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 83, 235; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 283–284).

[146] Миколай Немирович, вопреки мнению А. А. Зимина (*Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 102), в то время не был смоленским наместником. С 1463 г. он известен в качестве витебского наместника и только с 1467 г. – смоленского (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 50, 380; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 277–278).

[147] Наличие в списке литовских воевод представителя знаменитого московского рода, отца талантливого политического деятеля и полководца, с успехом воевавшего против ВКЛ (Якова Захарьича), остается загадкой. А. А. Зимин разъяснений не дал и пропустил З. И. Кошкина среди литовских воевод (*Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 102). Между тем среди смоленских бояр был род с прозвищем Кошка. Известен окольничий Иван (Ивашка) Кошка, действовавший в 90-х гг. XV в. (LM. Kn. 5. № 14. P. 67; Акты Литовско-Русского государства, изданные М. В. Довнар-Запольским. Вып. 1. (1390–1529 гг.). М., 1900. № 55. С. 81) Вполне вероятно, он являлся внуком полного тезки известного московского боярина.

[148] ПСРЛ. Т. 8. С. 111; Т. 12. С. 63; Т. 23. С. 151; Т. 26. С. 196. А. А. Зимин указывает на какие-то литовские сведения, согласно которым во главе похода стоял Станислав Кишка (*Зимин А. А.* Витязь на распутье. Прим. 10. С. 245). Однако в

Ранее той же зимой 1444/1445 г. сыновья хана Улу-Мухаммеда Берде-дат и Касым[149], служившие московскому великому князю Василию II, были направлены к Вязьме и Брянску, «и много потратиша, и въ полон сведоша и пожьгоша» почти до Смоленска[150]. Судя по т.н. западнорусским летописям, пострадала только Вяземская земля[151]. Маршрут «царевичей» неизвестен, но литовская рать предположительно подошла к Калуге из-за Угры. Главной целью похода был, возможно, Можайск. Сам великий князь литовский Казимир прибыл в Смоленск, чтобы организовать поход и наблюдать за событиями[152].

Еще до перехода к Калуге литовское войско на неделю задержалось у Козельска, очевидно, тогда еще принадлежавшего Москве[153]. Как Козельск, так потом и Калугу взять не удалось[154]. С последней взяли «окупъ»[155] и двинулись дальше на север – к речке Суходровь (совр. Суходрев), левому притоку р. Шани, впадающей в Угру. У Суходрови произошел бой между явно преобладавшим по численности литовским войском и наскоро собранными отрядами московских удельных князей Василия Ярославича Серпуховско-Боровского, Ивана Андреевича Можайского и Михаила Андреевича Верейского. В их обязанности входила оборона юго-западных рубежей Великого княжества Московского (уделы там и располагались). Но в это время основные московские силы были стянуты к Владимиру, где находились великий князь Василий II, князья Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван и Михаил Андреевичи, Василий Ярославич «и со всеми князи своими, и бояры, и воеводами, и со всеми людьми»[156]. Сохранились сомнительные известия, что князь Михаил Андреевич в то время не был в походе, болел, а услышав о приходе неприятеля «не многыхъ людеи», отправил навстречу им князя Андрея Васильевича Лугвицу с 300 воинами[157] или что все-таки сам с 300 (или 400) своими людьми бился с «литвой»[158]. Правда, по другим источникам суздальский князь Андрей Лугвица служил князю Ивану Андреевичу и возглавил 100 человек

белорусско-литовском летописании такая информация не была найдена. Вероятно, в середине XV в. Ст. Кишка еще даже не родился.

[149] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Прим. 8. С. 245.

[150] ПСРЛ. Т. 3. С. 424.

[151] Там же. Т. 17. Стб. 341, 400, 466, 541; Т. 32. Литовско-белорусские летописи. М., 1975. С. 85.

[152] Там же.

[153] ПСРЛ. Т. 23. С. 151. Козельск оставался московским до 1447 г. (ДДГ. № 48. С. 147).

[154] Там же.Т. 5. С. 267; Т. 8. С. 112.

[155] Там же. Т. 5. С. 267; Т. 23. С. 151.

[156] Там же. 26. С. 196.

[157] Там же. Т. 23. С. 151.

[158] Там же. Т. 5. С. 267; Т. 12. С. 63.

«можаичей»[159]. Столько же во главе с воеводой Иваном Федоровичем Судоком Монастыревым пришло из числа детей боярских князя Михаила Андреевича (из Вереи) и 60 во главе с воеводой Жичевым – из сил князя Василия Ярославича (из Боровска)[160]. Малочисленное московское войско в основном состояло из «молодых» воинов, но и они проявили себя достойно.

В ходе развернувшегося у р. Суходровь боя передовой отряд войска ВКЛ был опрокинут (скорее инсценировал отступление для заманивания московского войска), но затем литовские «большие полки» полностью разгромили немногочисленных москвичей[161]. Суздальский князь И. А. Лугвица был убит, так же как Карачаров и еще 4 знатных человека, служивших князю Ивану Андреевичу Можайскому. В плен были взяты другие воеводы можайского князя Яропка (Ярополк) и Семен Ржевский, воеводы верейского князя Иван Судок, Филипп Нащокин и князь Иван Конинский и 5 человек «молодых»[162]. При этом потери «литвы» были значительны – 200 человек[163].

Возможно, не стоит принимать на веру сообщение Ермолинской летописи о том, что сразу после сражения литовские войска «съ техъ местъ възвратишася въ своя си»[164]. Однако и сообщения западнорусских летописей свидетельствуют о том, что Московская земля была разорена еще до «московского побоища», то есть битвы у Суходрови. Девять дней «москвичи» собирали войска, а потом погнались за уходившей литовской ратью[165]. Вероятно, до этого момента литовские воеводы «5 городовъ взя, и плени земли много и повоева», о чем пишет новгородский летописец[166]. В западных летописных источниках среди городов, которые «повоевали» литовские воеводы, названы Козельск, Верея, Калуга и Можайск[167]. К ним, вероятно, нужно прибавить какие-то из следующих пограничных московских пунктов: Малоярославец, Боровск, Вышгород и Медынь, чтобы определить 5 захваченных городов, так как Козельск и, наверняка, Можайск не были взяты, а Калуга откупилась.

---

[159] Там же. Т. 8. С. 112; Т. 26. С. 196.

[160] Там же. Т. 8. С. 112; Т. 12. С. 63; 26. С. 196. Составитель Никоновской летописи добавил, что ни одного из трех князей тогда в своих городах (Можайске, Верее и Боровске) не было (Там же. Т. 12. С. 63). По данным хроники Быховца москвичей было пятьсот (Там же. Т. 17. Стб. 541; Т. 32. С. 85).

[161] Там же. Т. 23. С. 151.

[162] Там же. Т. 8. С. 112; Т. 12. С. 63; Т. 26. С. 196.

[163] Там же.

[164] Там же. Т. 23. С. 151.

[165] Там же. Т. 17. Стб. 341, 400, 467.

[166] НПЛ. С. 424. Близкое сообщение в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 12. С. 63).

[167] Там же. Т. 17. Стб. 341, 400, 466, 541; Т. 32. С. 85.

Итак, можно заметить, что и для московской стороны район, близкий к Поугорью, оказался весьма уязвимым в военном отношении. Войско ВКЛ, разоряя московские земли, беспрепятственно прошло от Козельска до Можайска и только на обратном пути столкнулось с незначительным сопротивлением. Безусловно, если бы на месте оказались ориентированные на защиту западной московской границы удельные князья со своими дворами, ситуация могла бы сложиться иначе. Следует заметить, что московская оборона строилась с опорой на реки Протву и Угру, а значительные территории междуречья Протвы и Угры оставались беззащитными. Ни Калуга, ни Медынь, замыкавшие с юга и севера участок литовско-московской границы, не могли, как выяснилось, гарантировать безопасность московской территории. Необходимость укрепления западной московской границы ближе к р. Угре особо проявилась в ходе событий 1480 г.

Когда в 1480 г. путь хана Ахмата преградили московские силы в районе Коломны, Серпухова и Тарусы, «царь поиде в Литовъскую землю, хотя обоити чрес Угру»[168]. В Воскресенской летописи дано объяснение такому маневру: «И поиде къ Литовской земле, обходя Оку реку и ожидаа къ себе на помочь короля или силы его»[169]. Первостепенным для хана Ахмата был поиск в организованном московской стороной заслоне слабого места, которое бы сочеталось с удобным путем в центр государства: «А Татарове искаху дорогы, куды бы тайно перешедъ, да изгономъ идти къ Москве. И приидоша ко Угре реке, иже близъ Колуги, и хотяше перебрести»[170]. Тогда Иван III повелел идти навстречу татарам сыну Ивану Ивановичу и брату Андрею Васильевичу Меньшему «к Колузе къ Угре на берегъ»[171]. Без сомнения, хан подошел к самому низовью Угры, так как и русские силы подошли туда же: «...и посла к берегу сына своего великого князя Ивана, а велел ему стояти усть Угры...»[172] Татарами была осуществлена попытка захватить перевоз через Угру у ее устья и открыть дорогу на Москву: «Царь же поиде незнаемыми пути на Литовскую землю, хотя искрасти берегъ, и прииде на Угру октября в 8 день, в неделю в 1 час дни, приступиша к берегу к Угре, хотеша перевоз взяти»[173]. Ахмат отошел от берега и стал изыскивать другие возможности для вторжения: «Царь же не возможе берегу взятии и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе, и распусти вои по всеи земли Литовскои»[174]. Так, не ожидая встречи с

[168] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.
[169] Там же. Т. 8. С. 206. См. также: Там же. Т. 12. С. 200.
[170] Там же. Т. 20. С. 346.
[171] Там же. Т. 25. С. 327.
[172] Там же. Т. 26. С. 263.
[173] Там же. С. 264.
[174] Там же.

московскими силами, отдельный ордынский отряд осуществил попытку перейти Угру по броду в районе Опакова: «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князеи своих и воевод и множество Татар. Прилучи же ся туто множество князеи и бояръ великого князя, не дадяще перелести Угры»[175]. И хотя Ахмату удалось разведать все возможные места переправы через Угру («и знахори ведяху его къ Угре-реце на броды»)[176], московские воеводы заранее «пришедшее, сташа на Угре и броды и перевозы отъяша»[177].

Выборка летописных известий о событиях 1480 г. ярко иллюстрирует оборонительную роль Угры, возможностями которой воспользовалась московская сторона. По словам Ю. Г. Алексеева, «в октябре 1480 г. русские войска решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам)»[178]. Действительно, в большей части своего течения мелкая, извилистая р. Угра только в сочетании с оборонительными сооружениями, контролирующими многочисленные броды и переправы, или в наличии рядом значительных войск представляла собой внушительную преграду. Московская сторона не имела укреплений на левом берегу Угры, который ей не принадлежал и был по большей части пологим, а по весне заливался.

Опасность, грозившая со стороны Угры, становилась все более реальной с наступлением холодов. «Съ Дмитреева же дни стала зима, и реки все стали, и мрази велики, яко не мощи зрети»[179]. Вся протяженность реки перестала служить препятствием для передвижений татарской конницы. Оборонительный рубеж, основанный на естественной водной преграде и скрепленный силами стоявших вдоль него войск, прекратил свое существование. В связи с этим московский великий князь принял решение отвести войска к оборонительной линии, представлявшей собой систему крепостей вдоль рек Лужи и Протвы. («Егда же река ста, тогда князь велики повеле сыну своему, великому князю, к брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и приити к себе на Кременець, боящеся Татарьского прехождения»)[180]. Целью маневра, кое-где превратившегося в беспорядочное бегство («а наши мняху Татаръ за собою реку прешедшю и побегоша на Кременець»)[181], было занятие новой позиции, прикрывав-

[175] Там же. С. 265.

[176] Там же. Т. 12. С. 200.

[177] Там же.

[178] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 107.

[179] ПСРЛ. Т. 6. С. 231. Речь идет о дне памяти святого Дмитрия Солунского, отмечаемый 26 октября (по старому стилю).

[180] Там же. Т. 25. С. 328.

[181] Там же.

шей пути к Москве. Ключевой пункт этой позиции – город Кременец был построен на мысу левого (восточного) берега р. Лужи[182], т.е. ориентирован на отражение угрозы с запада. Там была устроена ставка Ивана III («пришедъ ста на Кременсце съ малыми людми, а людей всехъ отпусти на Угру».)[183] Поэтому сюда приходила подмога (например, удельные князья Андрей и Борис Васильевичи), а после наступления морозов здесь были сконцентрированы все московские войска[184].

От Кременца московские войска были отведены еще далее – к Боровску и р. Протве («Князь же великы с сыномъ и з братьею и со всеми воеводами поидоша к Боровьску»)[185], очевидно, для занятия еще более удобной позиции. Необходимо признать, что в войске и среди ближайшего окружения московского государя господствовали панические настроения, неуверенность в своих силах и нерешительность («бысть же страхъ на обоихъ, единіи другихъ бояхуся»)[186]. Москва готовилась к осаде, в эвакуацию на север (в Белоозеро) была отправлена великая княгиня Софья Витовтовна вместе с московской казной. От татар планировали бежать аж «къ Окіяну морю»[187]. Видимо, только безвыходность ситуации вынудила московское командование готовиться к сражению на полях у Боровска («...поидоша къ Боровску, глаголюще, яко на техъ поляхъ съ ними бой поставимъ»)[188].

Но необходимость сражения отпала сама собой, так как татары восприняли уход московского войска от берега реки как намерение дать им место для боя и бежали («Татарове страхомъ одержими побегоша, мняще, яко берегъ даютъ имъ Русь и хотять с ними битися»)[189]. Безусловно, совокупность разных причин побудила хана Ахмата отказаться от противостояния с Иваном III, но следует заметить, что освобождение Московской Руси от ордынского ига не было однозначно предопределено. Грандиозные военные успехи Ивана III в борьбе с сильными противниками, уверенная централизаторская политика внутри своего государства представляют более поздний этап развития Великого княжества Московского. Определенная осторожность и даже нерешительность характеризует действия Ивана III и в первой московско-литовской пограничной войне.

---

[182] Археологическая карта России: Калужская область. Изд. 2-е. № 475/335. С. 170–171.

[183] ПСРЛ. Т. 6. С. 224.

[184] ПСРЛ. Т. 6. С. 224; Т. 25. С. 328.

[185] Там же. С. 328.

[186] Там же. Т. 6. С. 224.

[187] Там же. С. 224–225.

[188] Там же. С. 224.

[189] Там же. Т. 25. С. 328.

Первая пограничная война между Великими княжествами Московским и Литовским началась в 1486 г.[190] Значительные события в ходе войны развернулись в районе р. Угры, четко обозначив пограничную зону в левобережье этой реки и оборонительный рубеж вдоль ее линии. Особую роль в войне играл Любутск. Если боевые действия для ВКЛ в Поугорье не выходили за рамки пассивной обороны, то со стороны участка границы по Оке можно наблюдать активный, инициативный и даже наступательный характер ведения войны.

С самого начала московско-литовской войны в регион Поугорья были устремлены интересы московского удельного князя Андрея Васильевича Углицкого (со стороны принадлежащего ему Можайска) и представителей великокняжеской администрации (со стороны Боровска, Медыни, Калуги). Наступление велось по двум направлениям – с севера и юга. Характер «странной» войны (по образному определению А. А. Зимина) допускал не столько активные военные действия с прямыми захватами ключевых пунктов на территории противника, сколько постепенное разорение и присоединение пограничных земель, оказание постоянного давления на местных землевладельцев, вынуждавшее их оставлять свои владения (князья Крошинские и Глинские) или переходить на сторону Москвы (Воротынские и др.). Московские власти не только создавали невыносимые условия жизни на порубежье, но и действовали методом обещаний, посулов. Так, решивший служить Ивану III князь Семен Федорович Воротынский получил от московского государя во владение и свои земли, и все те, что смог занять, в итоге объединив в своих руках все Поугорье. При этом значительная часть левобережья Угры до ноября–декабря 1492 г. (времени перехода С. Ф. Воротынского) уже была освоена и разделена между можайской частью удела князя Андрея, Боровским и Медынским уездами.

Еще до осени 1486 г. служилыми людьми князя Андрея Васильевича были разорены волости Могилен, Негодин и Миценки, принадлежавшие старшему вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу[191] и располагавшиеся в районе р. Вори (левого притока Угры). Вскоре та же участь постигла волость того же князя Ореховну[192] (у Истры, левого притока Вори, ниже по течению от упомянутых выше волостей). Осенью 1486 г. нападению служилых людей князя Андрея Васильевича подверглись Дубровский двор и Дубровская волость все того же вяземского князя[193] (на р. Жижале, левом притоке Угры, западнее предыдущих волостей).

---

[190] Обоснование датировки этой войны: *Цемушаў В.* «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. Том 15. Сшыткі 1–2 (28–29). Снежань 2008. С. 5–48.

[191] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

[192] Там же. № 1. С. 2.

[193] Там же. № 1. С. 2; № 12. С. 49.

До середины осени 1487 г. нападение на волости Могилен, Негодин и Миценки повторилось[194]. Тогда же в непосредственной близости от Угры, в волости Ореховне представители князя Андрея Васильевича организовали слободу[195]. Сама волость была объявлена «издавна» принадлежащей Можайску[196]. Вероятно, в то же время были заняты волости Могилен и Миценки (Мицонки), в которых, согласно посольской жалобе 1490 г., были посажены наместники князя Андрея Васильевича[197]. Слуги удельного московского князя основательно закрепились в Вяземском княжестве и, захватив волость Дуброву и Дубровский двор, попытались даже уничтожить участок проходящей рядом посольской дороги, с тем чтобы провести ее через свою территорию[198].

Параллельно с удельными князьями в направлении Вяземского княжества действовали представители великокняжеской администрации. До середины осени ими были заняты и ограблены волости князей Глинских Щательша и Судилов[199] (чуть западнее р. Вори). Вотчина князей Глинских располагалась к западу от владений князя Михаила Вяземского. Таким образом, московская власть распространилась еще дальше в глубину Вяземского княжества. Щательша (Шатеш) и Судилов (Сулидов), так же как и Могилен (Могилна), Миценки (Миченки) вскоре появились в составе можайских волостей[200].

В конце концов территория, захваченная князем Андреем Васильевичем, приблизилась непосредственно к р. Угре. До конца 1488 г., согласно датировке посольских книг, последовало нападение людей князя Андрея на волость «к Дмитрову»[201]. Наступление велось, очевидно, со стороны Ореховны, уже принадлежащей князю Андрею, вдоль левого берега р. Вори (где шла дорога) к ее устью и затронуло только левобережную часть Дмитровской волости. При этом было ограблено 50 деревень[202]. Сам Дмитровец, видимо, не пострадал. Возможно, про то же событие с подробностями идет речь в посольских книгах 1489 г. со ссылкой на два года ранее. В таком случае датировку нападения на Дмитров можно уточнить – лето 1487 г.[203] Но также остаются вероятными две атаки на Дмитровец: летом 1487 г. – Кошкара, Ботина брата,

[194] Там же. № 1. С. 2.

[195] Там же; Выписка из посольских книг. С. 35.

[196] СИРИО. Т. 35. № 2. С. 6.

[197] Там же. № 12. С. 49. См. также: Там же. № 18. С. 74.

[198] Там же. № 1. С. 2.

[199] Там же. С. 4.

[200] Упоминаются в завещании Ивана III 1504 г. (ДДГ. № 89. С. 355).

[201] СИРИО. Т. 35. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

[202] Там же.

[203] Жаловался королю Казимиру на опустошение Дмитровской волости смоленский наместник Иван Ильинич, который стал таковым в начале 1487 г. (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. № 41. S. 50).

Оболта с братом и других «с своими товарищи» (людей великого князя Ивана III?) и до конца 1488 г. – людей князя Андрея. Именно в первом случае было «выбрано» 50 деревень, взято 42 коня, награблено имущества на 70 рижских рублей[204]. Во второй раз были побиты люди, некоторые уведены в плен, ограблены. Неточность и абстрактный характер формулировки второго нападения (отразилось в посольских книгах раньше первого) позволяет думать о недостатке сведений о реальном ущербе, который был выяснен ко времени следующего посольства. Таким образом, возможность отождествления событий сохраняется.

В то же время дважды подверглась опустошению соседняя волость Турье (князей Глинских, вдоль р. Туреи, левого притока Угры). В ней было сожжено сначала 200 деревень, а после еще 32[205]. Нападение велось с востока детьми боярскими князя Андрея Можайского (вероятно, из Ореховны), а также отдельно силами холмского волостеля (волости Брагин Холм?)[206], сосницкого доводчика (волости Сосновец?)[207] и др.[208]

Нападение в район Поугорья велось не только с севера, но и с юга. Постоянным нападениям и грабежу подвергалась волость Недоходов (ее центр – на р. Тече недалеко от правого берега Угры), принадлежавшая смоленскому наместнику князю Тимофею Владимировичу Мосальскому[209]. До конца 1488 г. волости Недоходово, а также Меск, Бышковичи и Лычино (князей Воротынских, восточнее Недоходова, также на притоках р. Бол. Березуй, впадающей справа в Угру) были заняты людьми, пришедшими, вероятно, со стороны Медыни, так как в ответ князья Воротынские осуществили нападение именно на медынские волости[210]. В декабре 1489 г. на московскую службу перешел один из Воротынских – князь Дмитрий Федорович[211]. Кроме прочего, князь Дмитрий оставил своих наместников в городах Серенск и Бышковичи, волостях Лычино и Недоходов[212]. Значительная часть Поугорья, таким образом, оказалась в руках нового московского подданного.

Севернее захваченной территории находился Опаков, который подвергся нападению и грабежу московскими людьми во главе с Хотетов-

[204] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

[205] Там же. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

[206] Если речь идет о представителе московской администрации в волости Брагин Холм, то следует сделать вывод о ее соответствующей принадлежности.

[207] Вероятно, здесь упомянут доводчик (судебный исполнитель, помощник волостеля) не из волости Сосновец, а из лежащего поблизости от Брагина Холма погоста Сосницкого на р. Воре, известного по карте Генерального межевания (Генерального плана Гжатского уезда часть III-я. В 1 дюйме – 2 версты. 1780).

[208] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

[209] Там же. № 1. С. 3, 4; № 8. С. 36.

[210] Там же. № 6. С. 20, 21; № 8. С. 39.

[211] О дате перехода см.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 92.

[212] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47–48; № 14. С. 54.

ским до конца апреля 1490 г.[213] После перехода на московскую сторону в 1492 г. Опаковом завладел князь Семен Федорович Воротынский, но от великого князя Ивана III он получил только территорию до р. Угры («городъ Опаковъ съ волостьми по Угру»)[214], а левобережье напротив Опакова было уже до этого закреплено за Москвой (отнесено к Медыни).

В итоге в руках князя С. Ф. Воротынского сконцентрировалось все течение Угры (в основном правобережье) с городами Мосальск, Серпейск, Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечна и Лучин. На левую сторону Угры выходили г. Лучин и ряд вяземских волостей, захваченных князем Семеном[215]. Часть территории левобережья, относившуюся к городам Опаков, Бышковичи и Залидов, князь Семен не получил. Среди пунктов, расположенных в непосредственной близости от Угры, во владении Воротынского оказались Лучин, Великое Поле, Волста Нижняя[216], Ощитов, Дмитров, Пустой Мощин[217], Опаков и Залидов. Вся система укрепленных пунктов вдоль Угры была для ВКЛ потеряна. Однако по условиям «вечного» мира 1494 г. владения князя Семена в Поугорье, включая даже те, что были даны ему или его отцу королем Казимиром (Лучин и Мощин), были возвращены в состав ВКЛ[218]. При этом территории с левой стороны Угры, прочно интегрировавшиеся в состав московских административно-территориальных единиц (можайская часть удела князя Андрея Васильевича, Боровский и Медынский уезды), остались нетронутыми. Представители князя С. Ф. Воротынского, расставленные по городам и волостным центрам Поугорья, не стали той серьезной опорой, на которую можно было опереться в отстаивании территорий. В то же время землевладельцы и даже значительная часть населения левобережья Угры уже были московскими.

---

[213] Там же. № 12. С. 49.

[214] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

[215] Там же.

[216] Местоположение неизвестно, но связано, очевидно, с низовьем р. Волосты, впадающей слева в Угру в районе Великого Поля.

[217] Место Пустого Мощина определено по материалам Генерального межевания конца XVIII в. и картам XIX в. (Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда со всеми внутри онаго лежащими грацкими, казенными, и въладельческими землями с показаниемъ въ немъ каждаго селения со отъделениемъ грацкими и спецыальными отъ другихъ межами, сочиненъ въ смоленской межевой конторе землемеромъ прапорщикомъ Григорьевымъ Накоскинымъ въ 1780 году, генваря 10 дня. В 1 дюйме – 500 сажень). Городища в районе Пустого Мощина не найдено. Но его удобное расположение возле устья р. Рессы и брода через Угру заставляет предполагать наличие оборонительных сооружений. Вполне вероятно, что городище на месте Мощина было уничтожено в ходе активных боевых действий времени Второй мировой войны, проходивших как раз в районе р. Рессы (Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 386).

[218] LM. Kn. 5. № 76. P. 130.

На переговорах 1494 г. литовские послы вынуждены были смириться с навязанным московскими боярами новым административно-территориальным делением, включавшим исконные смоленские волости в состав Можайска, Боровска и Медыни.

Характерно в этой связи сохранение в составе ВКЛ не только самого городка Дмитровца, но также и территории, относящейся к его волости, в левобережье реки. Находившийся посредине между двух направлений московского наступления в Поугорье Дмитровец выстоял сам, не будучи ни разу захваченным, и защитил всю свою территорию.

Средоточием власти ВКЛ в Верхнеокском регионе являлось Мценско-Любутское господарское наместничество, его часть – Мценское наместничество образовалось уже до 1422 (1423) г.[219], но потом некоторое время единый наместник управлял Смоленском, Любутском и Мценском. Только после 1469 г. было сформировано отдельное Мценско-Любутское наместничество[220]. С уверенностью первого любутского и мценского наместника можно видеть в князе Дмитрии Ивановиче Путятиче Друцком, весной 1486 г. информировавшего литовского господаря о московском нападении на Мценск[221]. Выделяемый между 1477 и 1486 гг. Р. Петраускасом мценский и любутский наместник Васко Любич сомнителен[222]. Резиденция наместника была в Мценске и для того, чтобы управлять довольно отдаленной второй частью наместничества, им назначался свой наместник. У князя Ивана Юрьеви-

[219] ПСРЛ. Т. 8. С. 92.

[220] С 1467 по 1469 г. Смоленск, Любутск и Мценск оставались в подчинении Миколая Немировича (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 50). Поэтому, вероятно, только после 1469 г. отдельное Мценско-Любутское наместничество могло быть организационно оформлено. Во всяком случае у следующих смоленских наместников ни Любутск, ни Мценск не упоминался.

[221] LM. Kn. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anuñutė. V., 1994. № 128–129. P. 139; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 56.

[222] *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. P. 317. В перечне смоленских урядников со ссылкой на Р. Петраускаса Васка Любич назван с отчеством Павлович (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 56). В данном случае искусственно объединены два разных человека – Васка Любич и Василий Павлович (*Груша А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2004. С. 143). Представление о неизвестном любутско-мценском наместнике, несомненно, восходит к письму виленского воеводы Олехны Судимунтовича к королевскому писарю и державце любецкому Васке Любичу. Письмо адресовано «namestniku Ljubetckomu», что и ввело в заблуждение ряд исследователей (Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. T. 1. (1387–1507) / Wydali ks. J. Fijałek I W. Semkowicz. Kraków, 1932. № 372. S. 435–436). Речь в тексте, конечно же, идет о Любече на Днепре, что и отмечено в комментарии составителей сборника документов (Там же). Кроме того, в тексте упомянуты кроме р. Днепр, Стрешин и Горволь, стоящие на этой реке выше Любеча.

ча Трубецкого в Любутске был наместник Васка (Василий) Иванович Протасьев[223].

Непосредственное соседство (за Окой) с территорией Великого княжества Московского, расположение в среде ненадежных постоянно конфликтующих между собой Новосильских князей побуждало власти ВКЛ к выработке особой линии поведения для любучан. Город находился в постоянной боевой готовности. Он имел мощные оборонительные сооружения, должен был обладать значительными людскими и материальными ресурсами для выполнения довольно сложных задач в окружении враждебно настроенного населения. Любутск на протяжении долгого времени являлся главным стабилизирующим фактором в неустойчивой пограничной зоне с неопределенной владельческой принадлежностью окрестных территорий.

Любутск вел постоянную борьбу за сохранение и поддержание власти ВКЛ в регионе Верхней Оки. Его роль была замечена московской стороной. Оказывая давление на Любуцк и отдаленный Мценск, можно было воздействовать на позицию местных князей и решать вопрос господства на значительной территории.

Ликвидация центра власти ВКЛ в Верхней Оке – Мценско-Любутского наместничества фактически означала устранение из региона литовских рычагов воздействия. Активное и целенаправленное стремление московской стороны к этому проявилось в конце XV в. Еще до начала пограничной войны, осенью 1474 г., московское войско во главе с воеводой Семеном Беклемишевым было послано великим князем Иваном III к Любутску. Тогда любутские волости были опустошены, но сам город выстоял[224]. В ответ «любучане» внезапно пришли во владения князя Семена Одоевского (служил Москве и, видимо, участвовал в походе). Последний успел собрать лишь немногих своих людей, и в бою был убит[225].

С весны 1486 г. началась череда взаимных нападений, различного рода диверсий, грабежей и опустошений с обеих конфликтующих сторон[226]. Боевые действия велись по нарастающей – от мелких погромов жителей близлежащей от Любутска территории до масштабных походов великокняжеских войск к городу или глубоких рейдов людей из Любутска по московским землям.

В конце марта – начале апреля 1488 г. любучане, очевидно, во главе со своим наместником («воеводкой») отважились на поход вдоль Серпуховской дороги с Серпухова до р. Лопасны (левый приток Оки). В «неделю в четвертую поста» были разбиты великокняжеские люди Федки Ордын-

[223] СИРИО. Т. 35. № 6. С. 21; № 8. С. 36; № 12. С. 49.
[224] ПСРЛ. Т. 6. С. 198; Т. 8. С. 178.
[225] Там же. С. 178.
[226] LM. Kn. 4. № 128. P. 139.

ца[227]. Это и другие наступательные действия с территории Мценско-Любутского наместничества свидетельствовали о довольно значительных военных ресурсах великокняжеской власти ВКЛ на Верхней Оке.

В начале 1489 г. «воеводка любутской» князя И. Ю. Трубецкого Васка Протасьев в «наезде» на калужские волости попал в плен[228]. В 1492 г. действовал уже другой мценский и любутский наместник – Борис Семенович Александров[229]. К прежней тактике грабежа калужских и алексинских волостей добавилось уничтожение московских сторожей на границе с Полем[230]. Тем самым преследовалась цель ослабления оборонительных возможностей Великого княжества Московского перед лицом Крымского ханства и Большой орды.

Наконец, в августе 1492 г. был осуществлен большой поход московского войска во главе с князем Федором Васильевичем Телепней-Оболенским «со многими людми войною безвестно». Любутск и Мценск были захвачены и сожжены, наместник Бориса Семеновича Александрова уведен в плен, так же как и 1500 жителей городов[231]. Это был последний аккорд по уничтожению системы обороны ВКЛ в регионе. Больше опоры власти ВКЛ тут не существовало. Непосредственным итогом похода явился переход на московскую сторону ряда князей, которые держались почти до конца: Семена Федоровича Воротынского, Андрея и Василия Васильевичей Белевских, Михаила Романовича Мезецкого[232].

Любутск и Мценск были заняты и оставались под московской властью до заключения мира в феврале 1494 г.[233] Согласно замечанию Разрядной книги по условиям договора «взяли назад город Мценеск литва»[234]. Московская сторона посчитала целесообразным возвратить его в состав ВКЛ. Благодаря твердой позиции литовских послов на переговорах в Москве за ВКЛ был закреплен также и Любутск[235]. В то же время все Новосильские князья были признаны в московской стороне,

[227] СИРИО. Т. 35. № 4. С. 17.

[228] Там же. № 6. С. 21; № 8. С. 36; № 12. С. 49.

[229] Там же. № 16. С. 66–67.

[230] Там же. № 18. С. 76.

[231] Там же. Т. 12. С. 233–234; Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963. С. 157; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 32; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 32; СИРИО. Т. 35. № 18. С. 73; № 56. С. 267; «Выписка из посольских книг». С. 46; LM. Kn. 5. № 9. P. 63.

[232] СИРИО. Т. 35. № 18. С. 81.

[233] Там же. № 24. С. 125. В самом договоре обозначена дата – «А писанъ на Москве, лета 7002, февраля въ пятый день», однако настоящей датой заключения «вечного» мира нужно считать 7 февраля.

[234] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 38.

[235] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 121.

так что Любутск со своей небольшой округой оказался окружен владениями соседнего государства, стал анклавом. В таком положении он не мог долго держаться. Связь города с основной территорией ВКЛ, очевидно, осуществлялась по судоходным рекам Оке и Угре, так что проблемы с обеспечением могли быть решены. Но исчезал смысл борьбы за отдаленный клочок литовской земли, не дававший никаких перспектив в контроле над Верхнеокским регионом или какие-либо иные существенные стратегические выгоды. Участок границы по Оке сохранялся, но рубежом обороны территории ВКЛ он уже не служил.

На короткое время (1494–1503) часть Угры действительно стала границей, причем не только от Опакова до Залидова в своем нижнем течении, но и в местах выхода к ее берегу Вяземского княжества, которое целиком было присоединено к Москве[236]. Былая вяземская волость Турье, располагавшаяся по сторонам р. Туреи, очевидно, имела выход у устья и к Угре. Даже часть правого берега р. Угры, где находился Козельск (городище Ивановское)[237], если считать его принадлежащим князьям Козловским (из Вяземских), возможно, стала относиться к московской территории. Находящийся ниже по течению от Козельска Ощитов (городище Федотково) оставался после 1494 г. литовским[238].

Сложен вопрос о принадлежности волости Великое Поле (ее одноименный центр стоял у левого берега Угры)[239]. Волость наряду с другими, названными отчиной вяземских князей, держал князь С. Ф. Воротынский[240]. И всех их «князь великий не отступился, а послы их отступилися», то есть в том числе и Великое Поле было закреплено за Москвой. Тем не менее известно, что этой волостью владел

[236] ДДГ. № 83. С. 330; *Темушев В. Н.* Периферийные княжества в системе обороны ВКЛ: на примере Вяземского княжества // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 крас. 2004 г.. Мн., 2007. С. 95–102.

[237] АКР: Смоленская область. Ч. 2. № 1336. С. 148. Городище не было идентифицировано как Козельск. Такое название известно по картографическим материалам XVIII в. Рядом (за р. Угрой) начинался массив владений князей Козловских (Клин, Молота, Козлов) (LM. Kn. 3. P. 45). В XVII в. Козельск – центр Козельского стана Вяземского уезда.

[238] Между 1440–1447 гг. село Ощитеск было дано великим князем Казимиром Мосальскому князю Володку (Владимиру) Юрьевичу, «дяди его кн(я)зя Михаилова делница» (LM. Kn. 3. P. 46). Следовательно, можно сделать вывод о былой принадлежности Ощитова не Смоленску, а Мосальску и даже Карачеву.

[239] Археологические данные, подтверждающие древность современной деревни Великополье, отсутствуют. Возможно, центр волости находился не на современном месте, а, например, там, где расположены два городища с характерным названием Городище (АКР: Смоленская область. Ч. 2. № 1382–1383. С. 161–162). Великое Поле – центр Великопольского стана Вяземского уезда XVII в., но отошел он к Вязьме, возможно, после утраты в 1618 г. Дорогобужа.

[240] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 137.

когда-то Ян Гаштольд, и относилась она к Дорогобужу[241]. Также и в перемирной грамоте 1503 г. среди присоединяемых к Москве была перечислена дорогобужская волость Великое Поле[242]. Таким образом, однозначное решение о принадлежности Великого Поля между 1494 и 1503 гг. выработать сложно. Как бы то ни было, Угра в межвоенный период в нескольких местах служила границей. Вероятно, об этом времени и писал С. Герберштейн.

Совокупность источников, в целом как будто неоспоримо свидетельствующая о пограничном характере Угры на протяжении всего XV в., должна быть разбита на отдельные сообщения и подвергнута анализу. Сведения о Поугорье укладываются в три временных среза. Обозначение литовско-московской границы вдоль Угры в начале XV в. могло быть связано с различными причинами. Тут возможна и ненадежность источника информации, использованного составителем хроники Быховца, и отголоски действительного желания установить границу по естественному природному рубежу в регионе, из-за своей обособленности не поддающемуся точному размежеванию. Данные С. Герберштейна (первая четверть XVI в.) фиксировали ситуацию после московских завоеваний первой пограничной войны 1486–1494 гг. и отражали реальное состояние литовско-московского пограничья. Наконец, пределы административно-территориальных единиц конца XVI в. (прежде всего Медынского уезда), частично оправдывающие проведение границы по р. Угре, не могут быть перенесены на более раннее время из-за произошедших существенных изменений.

Представление о литовско-московской границе, опиравшейся на Угру, к XVIII в. стало стереотипом, который нашел отражение на ряде европейских карт. Рядом Угрой, причем в разных ее местах, помещались подписи с идентичным смыслом и, например, таким содержанием: «Ugra, Riviere bourbeuse qui servoit autrefois de limites entre la Lithuanee et la Moscovie»[243] или «Ugra il lutosus qui limites inter Lithuaniam et Moscoviam»[244]. Во время создания карт литовско-московская граница (вернее, граница России и Речи Посполитой) уже далеко отодвинулась от региона Поугорья, однако их составители посчитали необходимым акцентировать внимание на якобы имевший место факт столь далеко простиравшихся на восток владений ВКЛ. Несомненно, растиражированное известие о былой границе было почерпнуто из «Записок о

[241] LM. Kn. 3. P. 46.

[242] СИРИО. Т. 35. № 75. С. 400.

[243] Carte de Moscovie Dressée par Guillaume De l'Isle, Premier Géographe du roy... Paris, 1706 // Матеріяли до історії картографії України / Сост. В. А. Кордт. Ч. 1. Киев, 1931. С. 14, № 19.

[244] Imperii Moscovitici pars Australis in lucem edita per Mathaus Seutter. Augspurg, 1730.

Московии» С. Герберштейна. Об отсутствии четких представлений о том, где же все-таки по Угре проходила литовско-московская граница, свидетельствует то, что подпись и обозначение границы на старых картах помещались то в верховье реки[245], то в ее нижнем течении (но не захватывая устья, которое оставлялось Москве)[246].

Итак, наблюдение за московско-литовским конфликтами XIV–XV вв. показало, что большинство из них происходило в непосредственной близости или прямо в регионе Поугорья или вокруг короткого отрезка Оки от устья Угры до г. Любутска. Достаточно серьезные причины возникновения такой ситуации нужно видеть во-первых, уязвимости указанных участков литовско-московского пограничья и во-вторых, удобстве передвижения войск по дорогам, бродам и переправам. Характер местности с одной стороны позволял обеспечить внезапность нападения, а с другой – значительно усложнял организацию обороны границ. Этим активно пользовались обе конфликтующие стороны. Московские и литовские власти не смогли добиться точного определения общей линии границы. Возможно, в начале XV в., когда владения ВКЛ приблизились к территории Великого княжества Московского, она была условно проведена вдоль течения Угры. Но, как выяснилось к концу века, владения ВКЛ перешагнули далеко на восток за этот природный рубеж. Тем не менее именно Угра стала тем барьером, опираясь на который стала строиться система обороны восточной границы ВКЛ. Также и московская сторона, используя определенное удобство природных объектов, укреплялась не в контактной пограничной зоне, а далеко от нее, у рек Протвы и Лужи. Только у Оки, «Берега» сложились противостоящие друг другу системы со своими крепостями, сторожами, наблюдательными пунктами.

Граница по «вечному» миру 1494 г. сформировалась таким образом, что основной рубеж обороны ВКЛ, опиравшийся на Угру, остался нетронутым. Почти весь комплекс городов-крепостей вдоль Угры (Ощи-

[245] Poland. Corrected from the Observations communicated... By His Obliged Humble Servant Ion. Senex [Ok. 1762] // Polonia. Atlas map z XVI–XVIII wieku. W., 2005. S. 18; Mappa Geographica... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Cura et Sumptibus Tobiae Conradi Lotter Geogr. Aug. Vindel. Nach der Neuen Abtheilung. Portiones 1772 // Там же. S. 24; Mappa Geographica ex novissimis observationibus... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Opera et Sumptibus Ioh. Michael Probst. Geogr. Aug. Vindel. MDCCXXCIII [1773] // Там же. S. 25; La Pologne. Dressée sur ce qu'en ont donne Starovolsk, Beauplan, Hartnoch, et autres Auteurs... A Paris... 1806 // Там же. S. 27.

[246] Nouvelle Carte Des Etats Du Grand Duc De Moscovie En Europe. Partie Meridionale. Henri Chatelain. Amsterdam, 1714; Ukrania quae et Terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldoviae, Minoris q. Tartariae, Provincus exhibita a Ioh. Baptista Homanno. Noriberga, 1720; Moscovey in Europe from the latest Observations... by John Senex. London, 1721; Imperii Moscovitici pars Australis in lucem edita per Mathaus Seutter. Augspurg, 1730.

тов, Дмитровец, Опаков, Пустой Мощин, Бышковичи, Залидов) был возвращен литовскому господарю. К Москве, вероятно, перешел только один пункт в правобережье реки – Козельск (его не следует путать с городом с таким же названием на р. Жиздре), вместе с территорией Вяземского княжества, которое в полном составе было отобрано у ВКЛ. Также стоявшее у устья Угры Крайшино и расположенный восточнее Людимеск достались Москве. Московские владения только в конце XV в. в нескольких местах непосредственно приблизились к левому берегу Угры. Однако весь военный потенциал ВКЛ был сохранен. Все те же крепости возвышались на правом берегу р. Угры, на правую сторону р. Оки. Во владения Верховских князей, теперь, правда, служивших другому правителю, вклинивались господарские города Любутск и Мценск. В Поугорье и Верхней Оке ВКЛ потеряло лишь буфер, который оберегал внутреннюю территорию от прямой военной опасности. Утрачены были Вяземское княжество, часть земель слабо освоенного левобережья Угры и массивы владений Верховских князей (Новосильское княжество).

Опасно было то, что московская территория распространилась южнее устья р. Угры и на левый берег Оки. Это ставило под удар с тыла оборонительную систему Поугорья и грозило отторжением от ВКЛ значительной территории. Рубеж обороны по Угре был ориентирован на восток, в то время как с юга его охватывали московские земли (особенно если учесть и совместные литовско-московские владения в среде Мезецких князей). К северу от Поугорья вяземские земли простирались еще дальше и достигали Днепра. Выдвинутые на запад массивы Вяземского княжества и верхнеокских земель зажимали в тиски с севера и юга остававшиеся за ВКЛ территории. Любутск оказался со всех сторон окружен неприятелем. Стратегически регионы Поугорья и Верхней Оки были обречены на захват со стороны Москвы.

Шаги властей ВКЛ, активная деятельность представителей рода Сапег свидетельствуют о стремлении стабилизировать пограничную ситуацию в регионе. Следует заметить, что именно Сапеги взяли там в свои руки поддержание обороноспособности.

10 ноября 1495 г. в держание «до живота» писарь Ивашка Сопежич (Иван Семенович Сапега) получил Дмитровец[247]. Примерно в то же время (к началу 1495 г.) он выменял у брата Василия часть принадлежавшего тому Опакова[248] и, вместе с Дмитровцом, сформировал на границе с Великим княжеством Московским значительное владение.

[247] LM. Kn. 6. (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. V., 2007. № 137. P. 121.

[248] «Ему всю спустилъ свою дельницу Опаковскую своею доброю волею» (АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // РИБ. Т. 27. СПб., 1910. № 58. Стб. 567–569).

20 декабря 1497 г. все имения Ивашки Сопежича (без Дмитровца) были подтверждены великим князем Александром[249].

Брат писаря, дворянин Васка Сопежич (Василий Семенович Сапега) также не оставил без внимания регион Поугорья. Он развил активную деятельность по соседству с Дмитровцом и Опаковом, в находившейся между ними волости Мощин. Сначала он получил там во владение сельцо Дубровки[250], а к 1497 г. скупил и выпросил у господаря в отчину вместо потерянных за Угрой опаковских земель большое количество сел и других имений в этой волости (села Щербиново, Свирково, Почернино, Местово, селище Безменовское)[251]. Все указанные пункты волости Мощин располагались в районе р. Рессы (правый приток Угры) и ее притоков. Почти все они дожили до нашего времени.

В 1494 г. в Мценске и Любутске наместником стал Богдан Семенович Сопежич[252]. В итоге «Сопежины дети» стали обладателями самого края ВКЛ, клином вдававшегося в территорию Великого княжества Московского. (В то же время неизвестно кому принадлежали города Мосальск, Бышковичи и Залидов, волости Недоходово, Лычино и др.) Таким образом, устойчивость всей линии юго-восточной литовско-московской границы теперь зависела от активности и энергии трех братьев.

Иван Сапега курировал внешнюю политику ВКЛ в отношениях с Москвой, являлся канцлером великой княгини Елены Ивановны – дочери Ивана III и жены литовского господаря, так что, вероятно, рассчитывал и на дипломатическом уровне поддержать статус-кво в близком регионе.

Положение владений Сапег позволяло взять под контроль передвижения по Поугорью. Теперь, когда Вязьма отошла к Москве, наиболее важной становилась прямая дорога на Дорогобуж. Она связывала Поугорье (а дальше по рекам Угре и Оке – Любутский анклав) с основной территорией ВКЛ. Через Мосальск и совместно управлявшийся Мезецк можно было направиться на Смоленщину и Северщину. Достаточно было захватить Дорогобуж (а он стоял у самой границы), отторгнуть у ВКЛ Северщину, и Поугорье вместе с Мценско-Любутским наместничеством оказывалось в изоляции. Так и произошло в 1500 г., когда Дорогобуж был захвачен московским войском Юриея Захарьича Кошкина, а правившие на Северщине князья Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич перешли на московскую сторону вместе со Стародубским и Новгород-Северским княжествами. Регионы Поугорья и Верхней Оки и укреплявшие их оборонительные рубежи не смогли снова проявить себя в борьбе с нарождавшимся единым Российским государством.

---

[249] LM. Kn. 6. № 243. P. 166–168.

[250] Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 56. Стб. 566; АЛМ. № 155. С. 60.

[251] LM. Kn. 6. P. 160–161.

[252] Ibid. № 137. P. 121.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Между владениями Великих княжеств Литовского и Московского долгое время существовали только места соприкосновения (в районах Ржевской земли и так называемых Верховских княжеств). С самого начала там развертывались конфликты, которые, однако, были сглажены благодаря стремлению к компромиссу с обеих сторон. Одновременно шла постоянная борьба за влияние на ряд княжеств, разделявших ВКЛ и Великое княжество Московское. Смоленское, Черниговское (Брянское) и Верховские княжества попеременно попадали в зависимость от Москвы или Вильно, однако сначала над Черниговским (в середине XIV в.), а потом Смоленским и Верховскими (в начала XV в.) княжествами закрепилась власть ВКЛ.

С присоединением к ВКЛ значительных территорий с восточной стороны наконец сформировалась литовско-московская граница, которая позднее практически без перемен просуществовала почти столетие. Причина такой устойчивости не в добрососедских отношениях (конфликты и даже войны по-прежнему происходили), а в своеобразном характере границы, которая во многих местах представляла собой полосу незанятых и неосвоенных земель. Природная обособленность берегла спокойствие литовско-московского пограничья. Исключением стал один из «глухих» участков границы в районе Поугорья – наиболее удобный для вторжений противника, арена московско-литовского военного противостояния. Создание системы защиты вдоль р. Угры, как естественного барьера на пути армий противника, стало одной из важных задач правительства ВКЛ. В первой московско-литовской пограничной войне 1486–1494 гг. оборонный рубеж вдоль р. Угры показал свою эффективность.

На восточной границе ВКЛ была сформирована сильная система защиты, которая до определенного времени успешно выдерживала московское давление. После первой пограничной войны конца XV в.,

несмотря на территориальные потери и захваты ключевых пунктов, почти вся линия защиты была восстановлена. Только последующие события, происходившие уже вне пограничной зоны (Северщина) сделали прикрытие значительной части восточных земель ВКЛ просто ненужным. Постепенно роль охраны границы была переведена на другие оборонительные структуры, которые были развернуты уже на территории современной Беларуси (вдоль Двины и Днепра).

Реконструкция литовско-московской границы, наблюдение за территориальными изменениями между ВКЛ и Великим княжеством Московским невозможно без анализа военно-политических событий. С другой стороны, именно внимание к историко-географическим обстоятельствам дает возможность с большей точностью понять характер, особенности и даже сам ход военных действий. В итоге представление о московско-литовских конфликтах второй половины XIV – первой половины XV в. и первой московско-литовской пограничной войне 1486–1494 гг. приобретает особое звучание, во многом конкретизирующее и даже отвергающее традиционные мнения и взгляды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВАК	Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АКР	Археологическая карта России
АЛМ	Акты Литовской метрики
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
МАМЮ	Документы Московского архива Министерства юстиции
МИА СССР	Материалы по истории и археологии СССР
НИАБ	Национальный исторический архив Беларуси
«Пам'ять» 1527 р.	«Пам'ять» 1527 р. // Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 207–215
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РИБ	Русская историческая библиотека
СИРИО	Сборник Императорского Русского исторического общества
AGAD. Arch. P.	Archiwum Główny Aktów Dawnych. Archiwum Potockich z Radzynia
LM	Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I. 1257–1613 гг. // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. М., 1898.

Акты Литовской метрики / Собраны Ф. И. Леонтовичем. Т. 1. Вып. 1. 1413–1498 гг. Варшава, 1896.

Акты Литовской метрики / Собраны Ф. И. Леонтовичем. Т. 1. Вып. 2. 1499–1507 гг. Варшава, 1897.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1951.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 2. М., 1956.

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. XIII. Вильна, 1886.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1863.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1861.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1863.

Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777.

Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытнарускай, старабеларус. і польск. Мн., 1997.

Большой всемирный настольный атлас Маркса / Под ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. СПб., 1910.

Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 г.). М., 1992.

Военно-топографическая карта. Могилевская губерния. СПб., 1850. 3 версты в дюйме.

Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Упорядкув. та пер. з пол. о. Юрія Мицика. К., 2009.

Генерального плана Гжатского уезда часть I, II, III-я. Масштаб: в 1 дюйме – 2 версты. 1780.

Генерального плана Зубцовского уезда часть I. Масштаб: в 1 дюйме – 2 версты. 1780–1790.

Генерального плана Медынского уезда часть I-я. Масштаб: в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782.

Генерального плана Медынского уезда часть II-я. Масштаб: в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782

Генеральный план Белицкого уезда / Генеральное межевание Могилевской губернии. 1784.

Генеральный план Рогачевского уезда / Генеральное межевание Могилевской губернии. 1784.

Генеральный штаб Красной Армии. Карты. М., 1942. Л. N-36-XXVII, N-36-XXVIII, N-36-XXXIII, N-36-XXXIV.

Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого кн. Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках / Соч. и грав.: 6-го Кл. Пядышев. СПб., 1821. № 13, 21.

Геометрический генеральный план Калугского наместничества оконч... Медынскому уезду со всеми внутри оного лежащими владельческими землями с показанием в нем каждого селения с отделенными специальными и городскими от других уездов межами, сочинен в орловской межевой конторе в городе Болхове первого класса землемером порутчиком Петром Нееловым Генваря дня 1779 году. Масштаб: в английском дюйме 500 саженей.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. I. М., 2008.

Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. I. IX–XVIII ст. Склалі В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі і Д. І. Даўгяла. Менск, 1936.

Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. II. Грамоты и записи. Юрьев, 1897.

Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб., 1910.

Лихачев Н. П. «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» // Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXVIII. 1908.

Межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848–49 гг. под наблюд. ген. Менде. Масштаб: в 1 дюйме – 2 версты.

Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552 гг.). Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. Мн., 2000.

Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга № 30 (1480–1546 гг.). Кніга запісаў № 30 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. В. С. Мянжынскі. Мн., 2008.

Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996.

Можайские акты 1506–1775 гг., сообщил архимандрит Дионисий. СПб., 1892.

Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004.

Национальный исторический архив Беларуси. КМФ-18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 3.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Ограничение Кричевского староства. 1604 г. // НИАБ. Фонд 694. Опись 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 60–71

Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 34–35.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. I. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887.

Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. 1 // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. II. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Составитель Б. Н. Морозов. М.; Варшава, 1997.

Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отделение I. СПб., 1872.

Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. Ч. I. Отделение II. СПб., 1877.

Полное собрание русских летописей. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 3 (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Вып. 2 (Новгородская четвертая летопись). Л., 1925.

Полное собрание русских летописей. Т. 5 (Софийская первая летопись). СПб., 1851.

Полное собрание русских летописей. Т. 6 (Софийские летописи). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. (Софийская вторая летопись). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 7 (Летопись по Воскресенскому списку). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 8 (Летопись по Воскресенскому списку). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 11 (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 12 (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 15 (Рогожский летописец. Тверской сборник). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 17 (Западнорусское летописание). М., 2008.

Полное собрание русских летописей. Т. 18 (Симеоновская летопись). М., 2007.

Полное собрание русских летописей. Т. 20 (Львовская летопись). Вып. 1. М., 2005.
Полное собрание русских летописей. Т. 23 (Ермолинская летопись). М., 2004.
Полное собрание русских летописей. Т. 24 (Типографская летопись). М., 2000.
Полное собрание русских летописей. Т. 25 (Московский летописный свод конца XV в.). М., 2004.
Полное собрание русских летописей. Т. 26 (Вологодско-Пермская летопись). М., 2006.
Полное собрание русских летописей. Т. 27 (Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века). М., 2007.
Полное собрание русских летописей. Т. 28 (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)). М.; Л., 1963.
Полное собрание русских летописей. Т. 32 (Литовско-белорусские летописи). М., 1975.
Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. М., 1977.
Российской атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий. СПб., 1792.
Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 1. Ч. 1. М., 1913.
Сборник Муханова. СПб., 1866.
Специальная десятиверстная карта Европейской России, И. А. Стрельбицкого. 1865–1871. Масштаб: в 1 дюйме 10 верст (1 : 420 000).
Специальная карта Западной части Российской Империи, составленная и гравированная... при Военно-Топографическом депо с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. Масштаб: в 1 дюйме – 10 верст (1 : 420 000).
Список населенных мест Гомейского округа. Гомей, 1927.
Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.
Список населенных мест Российской империи. Черниговская губерния. СПб., 1866.
Список населенных мест Черниговской губернии. Чернигов, 1924.
Хроника Быховца. М., 1966.
Шумаков С. А. Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.). Вып. 1. М., 1902.
Шумаков С. А. Сотницы, грамоты и записи. Вып. III. М., 1904.
Codex epistolaris Vitoldi magni ducis lithuanie. 1376–1430. Collectus opera A. Prochaska. Cracoviae, 1882.
Długosz J. Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. V. Ks. XII. Kraków, 1870.
Dzieje Korony Polskiéj i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego, ze świeżo odkrytego spółczesnego rękopismu, z języka łacińskiego na ojczysty przetłómaczył, przypisami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. Tom I. Wilno, 1847.
Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. Przekład K. Mecherzyńskiego. T. III. Ks. IX, X. Krakyw, 1868.
Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. T. 1. (1387–1507) / Wydali ks. J. Fijałek I W. Semkowicz. Kraków, 1932.

Kodex dyplomatyczny Polski... wydany za staraniem i praca L. Rzyszczewskiego i A. Muczkowskiego przez A. Z. Helcel. T. I. W., 1847.
Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. T. II. W., 1846.
Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 1. Księga 3: Ludwik, Król Polski i Węgierski / Wydanie K. J. Turowskiego. Sanok, 1856.
Kronika polska Marcina Kromera biskupa warmińskiego ksiąg XXX: dotąd w trzech językach, a mianowicie w łacińskim, polskim i niemieckim wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błażowa Błażowskiego i wydana w Krakowie w drukarni M. Loba r. 1611. Sanok, 1857.
Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 3 (1440–1498) / Parengė L. Anuţutė ir A. Baliulis. V., 1998.
Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anuţutė. V., 1994.
Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. V., 1993.
Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. V., 2007.
Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Kn. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis ir kt. V., 1994.
Magni Ducatus Lituaniae infuos Palatinatus et Districtus divisus deliniatus a Rever Parte Ioanne Nieprecki. Norimberga, 1749 // *Казлоў Л. Р.* Старажытная картаграфія Беларусі. вып. 1. Мн., 2005. С. 24–25.
Perthees de H. K. Polonia secundum legitimas proiectionis stereographicae regulas et iuxta recentissimas observationes adhibitis. MDCCLXX // *Madej J.* «Polonia... 1770» Karola de Perthéesa na tle osiemnastowiecznej kartografii polskiej i krajów ościennych. W., 1987.
POLONIA. Atlas map z XVI–XVIII wieku. W., 2005.
Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uhwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. T. I. Wilno, 1860.
Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1386–1430 / Zebrał i wydał J. Ochmański. W.; Poznań, 1986.

Исследования, справочники

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
Алексеев Л. В. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 5–11.
Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. Кн. 1. М., 2006.
Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
Алексеев Ю. Г. Кто такой Василий Долматов? // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 237–243.
Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

Алексеев Ю. Г. Победа на Ведроше // Rossica antique 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III: Некоторые вопросы стратегического руководства // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 37–48.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. Тула, 2001. С. 258–287.

Арсеньев Ю. В. Новые данные о роде Масловых // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1912. Вып. 2 (30). С. 43–67.

Археологическая карта России: Калужская область / Под общей редакцией Ю. А. Краснова. М., 1992.

Археологическая карта России: Калужская область. Изд. 2-е / Под редакцией А. В. Кашкина. М., 2006.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2 / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1995.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. / Сост. Ю. А. Краснов, С. Е. Михальченко, В. С. Нефедов, Г. К. Патрик. М., 1997.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1 / Под ред. А. В. Кашкина. М., 2003.

Атлас Калужской области. Масштаб 1 : 100 000. М., 2002.

Атлас Московской области. Масштаб 1 : 100 000. М., 2001.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам. Ч. I. 1487–1584. М., 1862.

Беляев Л. А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (Археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995. С. 55–73.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.

Болдин И. В. Археологическое исследование городища летописного Любутска (по материалам раскопок 2000 г.) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 24–29.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000.

Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Веселовский С. Б. Дьяки и подъячие XV–XVII вв. М., 1975.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.

Виноградов И. П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962.

Витов М. В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 240–245.

Витов М. В. Севернорусская топонимия XV–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 75–91.

Власьев А. Г. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. I. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 6. Калужская губерния. СПб., 1849.

Волков В. Хитрая война. Московско-литовское противостояние 1492–1494 гг. // Родина. № 11. 2003. С. 60–63.

Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. М.; Л, 1948. С. 280–314.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М., 2008.

Голубева Л. А. Раскопки в Верейском кремле // МИА СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 134–143.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 271–302.

Города Подмосковья. Т. 3. М., 1981.

Городские поселения в Российской империи. Т. I. СПб., 1860.

Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. Москва, 1996. С. 76–110.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190.

Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1890.

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.

Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XV вв. М., 1963.

Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2004.

Груша А. І. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мн., 2003.

Грушевський М. Історія України-Руси. Том IV. Київ, 1993.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1995.

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // Записки Императорского русского археологического общества. Т. XII. Вып. II. Новая серия. Кн. 5. СПБ., 1901. С. 137–172.

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. II. СПб., 1902.

Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905.

Доўнар А. Б. Войны ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай у канцы XV – першай трэці XVI ст. // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2008. С. 411–425.

Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.

Залидовские луга (сборник научных трудов) / Под науч. ред. Т. А. Гордеевой, В. П. Новикова. Калуга, 2009.

Зельницкая Е. Г. Исследование древних исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии // Отечественные записки. Ч. 27. СПб., 1826. С. 69–90.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. Вып. 87. М., 1971. С. 219–286.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 275–324.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Сб. ст. М., 1975. С. 28–56.

Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–168.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1882.

История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1: XII–XVIII века. М., 1997.

Кананoвіч У. І. Змаганне за спадчыну Рурыкавічаў (Палітычныя дачыненні Вялікага Княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы ў XV–XVI стст.) // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 5. С. 2–7.

Кананoвіч У. І. Усходняя палітыка Казіміра ў апошняй чвэрці XV ст. // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: Тэзісы дакладаў. Ч. 2. Мн., 1993. С. 112–115.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 тт. Т. V. М., 1993.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 тт. Т. VI / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1998.

Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462–1508. Ч. 1–2. М., 1867.

Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.

Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Литовский период. Біла Церква, 2007.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV – первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. № 4. 1981. С. 33–49.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. Москва, 1995.

Кондратьєв І. В. Любецька волость у 1471–1480 рр. // Вісник Черніговського державного педагогічного університету. Вип. 73. Серія: Історичні науки. № 6. Чернігів, 2009. С. 110–115.

Кондратьєв І. В. Любецька волость наприкінці XV – на початку XVI ст. // Сіверянський літопис. 2006. №6. С.27–37.

Кондратьєв І. В. Любецька волость у першій половині – середині XVI ст. // Сіверянський літопис. 2008. №1. С.22–30.

Кондратьєв І. В. Під Литвою, Москвою та Польщею (до історії сіл Чернігівського району у XV – першій половині XVII ст.). Чернігів, 2005.

Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 28. 2007. С. 81–95.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб, 1835.

Крашенинников В. В. Взгляд через столетия. Очерки истории Брянского края. Тула, 1990.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула, 2002. С. 5–29.

Кузьмин А. В. Верховские княжества // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 197.

Кузьмин А. В. Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева: Сборник статей. СПб. С. 230–253.

Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в. Из истории Смоленской земли // Russia mediaevalis. T. X, 1. München, 2000. P. 55–75.

Кучкин В. А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (Число и политико-географическое размещение) // История СССР. № 6. 1990. С. 72–86.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003.

Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989. С. 99–107.

Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149–162.

Кучкин В. А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009.

Кучкин В. А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 7–9.

Кучкин В. А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. 2(12). Л., 1984. С. 165–176.

Кучкин В. А. Об одной лакуне во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 87–95.

Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 106–183.

Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей. Москва, 1980. С. 26–113.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. (Этюд по истории провинции Московского государства). М., 1893.

Лелецкий В. В. О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества // Отечественная история. М., 1998. № 2. С. 175–178.

Леонтьева Г. А. Палеография, хронология, археография, геральдика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000.

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности (заселение и объединение Центра). Л., 1929.

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.

Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008.

Маковский Д. П. Смоленское княжество. Смоленск, 1948.

Массалитина Г. А., Болдин И. В. Реконструкция истории летописного Опакова с привлечением данных археологии и картографии // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2006. С. 22–32.

Массалитина Г. А., Болдин И. В. Средневековый Дмитровец. К постановке проблемы // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей в 2-х частях. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2007. С. 126–129.

Массалитина Г. А., Модин И. Н., Болдин И. В. Комплексные археологические и геофизические исследования на городище Жары 1 Юхновского района Калужской области // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 40–55.

Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна с картой и алфавитным указателем. СПб., 1913.

Митрошенкова Л. В. К истории формирования Малоярославецкого уезда // Историческая география России: новые подходы. Сб. ст. М., 2004. С. 75–88.

Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.

Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 150–163.

Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.

Общегеографический региональный атлас «Смоленская область». Масштаб 1:200 000. М., 2001.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. II. (XIV–XV вв.). М., 1953.

Павлов-Сильванский В. Б. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 92–102.

Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В. П. Новикова, Т. А. Гордеевой. Калуга, 2007.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (наместники и волостели). М., 2000.

Пашуто В. Т., Флоря Б. Н. Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Петрунь Ф. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. Київ, 1928. № 76. Ч. І. С. 165–168.

Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мн., 2005.

Пономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 41–50.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1997.

Пташицкий С. Л. Князья Пузыны. СПб., 1899.

Рабинович М. Г. К типологии восточнославянских городов (Средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 230–244.

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы по истории и археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961.

Розенфельдт Р. Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город. М., 1976. С. 5–16.

Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327–476.

Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 14–18.

Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

Сагановіч Г. М. Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1492–94 // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі–Кадэнцыя. Мн., 2005. С. 370.

Сагановіч Г. М. Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1492–94 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2. Беліцк–Гімн. Мн., 1994. С. 185–186.

Сагановіч Г. М. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001.

Салей С. М. Усходні напрамак знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага ў 1385–1569 гг. // Шлях у навуку. Мн., 1997. С. 142–145.

Седов А. А. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 240–260.

Снапкоўскі У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст. Мн., 2003.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М., 1993.

Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Мн., 1993.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893.

Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. (5 кн.). Т. 2, 3. История Российская. М., 1994.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. (5 кн.). Т. 5, 6. История Российская. М., 1996.

Тверская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. М., 1992.

Темушев В. Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России: Сб. статей. Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2006. С. 82–109.

Темушев В. Н. К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (Владения князей Крошинских) // Ruthenica. VI. Киев, 2007. С. 299–307.

Темушев В. Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77–80.

Темушев В. Н. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2007. Вып. 4. С. 87–97.

Темушев В. Н. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1. Мн., 2004. С. 71–80.

Темушев В. Н. Периферийные княжества в системе обороны ВКЛ: на примере Вяземского княжества // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 крас. 2004 г. / пад рэд. Н. У. Сліж. Мн., 2007. С. 95–102.

Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 2. Минск, 2009. С. 44–122.

Темушев В. Н. Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей в 2 т. Т. 2. История. Тула, 2007. С. 257–277.

Темушев В. Н. Река Угра – вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь, 2004. С. 305–318.

Темушев В. Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. Мн., 2007. С. 241–250.

Темушев В. Н. Сведения о московско-литовском пограничье в посольских книгах времени Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С.294–306.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 214–259.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957.

Успенский В. П. Литовские пограничные городки: Селук, Горышин и другие. К вопросу об определении мест, упоминаемых в летописях, пограничных литовских городков: Селука, Горышина и др. и проведение границы прежнего Ржевского уезда с Литвою. Тверь, 1892.

Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 31–39.

Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003.

Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 58–80.

Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 186.

Фролов А. А. Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI – начале XVIII века // Очерки феодальной России. Вып. 9. М., 2005. С. 106–120.

Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 11. М., 1911.

Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 39–57.

Цветаев Д. В. Великий князь Олег Рязанский и его жалованная грамота Ольгову монастырю // Сборник Московского архива министерства юстиции. С. 11–63.

Цемушаў В. М. «Вайна пад час міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Масквою (1486–1494) // Беларускі гістарычны агляд. Мн., 2008. Т. 15. Сшыткі 1/2. С. 5–48.

Цемушаў В. М. Крайнія ўсходнія межы зямель Вялікага княства Літоўскага ў XV ст. (Уладанні князёў Крошынскіх) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3. Мн., 2008. С. 60–64.

Цемушаў В. М. Перыферыйныя княствы ў сістэме абароны ВКЛ (Вяземскае княства ў 15 ст.). // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 крас. 2004 г. Мн., 2007. С. 95–102.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1948.

Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Том 1). М., 1998.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шеков А. В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.) // Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993.

Шеков А. В. О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004.

Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дисс. ... канд. истор. наук. Науч. рук-ль М. Н. Тихомиров. М., 1970.

Шеламанова Н. Б. Рославльский уезд в XVI в. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII. М., 1974. С. 165–193.

Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1–2. Смоленск, 1982–1983.

Шэйфер В. А. Узаемаадносіны Вялікага княства Літоўскага і маскоўскай дзяржавы ў канцы XV – першай трэці XVI ст. у ацэнцы пачынальнікаў найноўшай беларускай гістарыяграфіі // Веснік ГрДУ. № 2 (20). 2003. С. 3–6.

Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 37–47.

Юшко А. А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.

Юшко А. А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003.

Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Київ, 2008.

Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Błaszczyk G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności (1492–1569). Poznań, 2002.

Boniecki A. Herbarz Polski. Cz. I. Wiadomosci historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. T. I. W., 1899.

Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. W., 1887.

Halecki O. Chaleccy na Ukrainie // Miesięcznik heraldyczny. 1910. № 8–12.

Godzishewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634–1648) // Prace komisji Atlasu historycznego Polski. Z. III. Krakow, 1935. S. 1–96.

Jabłonowski A. Polska XVI wieku pod wzgledem geograficzno-statystycznym. T. IX. Ziemie ruskie. Ukraina (Kijów-Bracław). Dz. 1–3. W., 1894–1897.

Kelma E. Ryd Sakowiczów i jego majętności w XV i pierwszey połowie XVI wieku // Lituano-slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 155–177.

Kolankowski L. Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonow. T. I. 1377–1499. W., 1930.

Kolankowski L. Zygmunt August, Wielki książę Litwy do r. 1548 r. Lwów, 1913.

Kuczyński S. M. Rodowód Michała Chaleckiego // Miesięcznik heraldyczny. 1934. № 1. S. 6–12; № 2. S. 17–23.

Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. W., 1936.

Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999.

Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellonskiej. Lwyw; W., 1922.

Petrauskas R. Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a. Vilnius, 2003.

Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studiu nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku, Poznań, 1995.

Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413 // Lituano-slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 7–139.

Skopińska Z. Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440–1453 // Ateneum Wileńskie. 1928. Z. 15. S. 108–150.

Slownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. III. W., 1882.

Tęgowski J. Kilka uwag o genealogii kniaziów Kroszyńskich do końca XV wieku // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. T. 15. Poznań-Wrocław, 2003. S. 35–43.

Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Opracowali H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 1. Województwo Wileńskie, XIV–XVIII wiek / Pod redakcją A. Rachuby. W., 2004.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. Ziemia smoleńska i wojewydztwo smoleńskie XIV–XVIII wiek / Pod redakcją A. Rachuby. W., 2003.

Wierzbowski T. Vademecum. Podręcznik dla studjów archiwalnych. Lwów; W., 1926.

Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.
Война во время мира:
первая пограничная война. 1486–1494 5

Глава 1.
НАЧАЛО МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ПЕРЕДЕЛ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

1.1. История изучения и источники 10
1.2. Датировка войны 29
1.3. Структура боевых действий 38
1.4. События войны 49
1.5. Итоги войны 79

Глава 2.
ОТ УСТОЙЧИВОЙ ЛИТОВСКО-МОСКОВСКОЙ ГРАНИЦЫ К РАЗДЕЛУ СФЕР ВЛИЯНИЯ

2.1. Московско-литовский договор 1449 г. 96
2.2. Борьба за Ржеву и ржевский отрезок границы в середине XIV – начале XVI в. 100
2.3. Литовско-тверская граница 123
2.4. Фоминско-Березуйское княжество между Вильно, Москвой и Тверью. 136
2.5. Вяземское княжество на периферии Великого княжества Литовского. Владения князей Крошинских 152
2.6. Поугорье и Верхняя Ока в системе обороны Великого княжества Литовского. 179

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 221

Список сокращений 223
Библиография 224

Виктор Николаевич Темушев

ПЕРВАЯ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА 1486–1494

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*

Художественный редактор *Н. А. Шакиров*

Корректор *М. Г. Смирнова*

Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15.

Заказ 4413.

Издательство «Квадрига»

kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-111-3

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Петербурге обращайтесь в Торговый Дом «Гуманитарная Академия» Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8 (ст. метро «Черная Речка», полуподвал, вход с ул. Академика Шиманского). Тел./факс: (812) 430-99-21 E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве обращайтесь в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги "Гнозис"» Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор» 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1 Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru 8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

Московско-литовские пограничные войны конца XV – первой трети XVI в. взломали геополитическую ситуацию Восточной Европы. Книга посвящена наименее изученной – первой из них. В ней определились стратегия отношений соседних государств, идеология Российского государства, провозгласившего программу собирания русских земель ВКЛ.

Автор применил историко-географический подход к источникам, сделав выводы о ходе военных действий, их направленности, определив территориальные потери, регионы следующего конфликта. Военные действия выявили границу – первую линию обороны ВКЛ, внимание к ее конфигурации и местности позволило понять замыслы сторон.

Впервые проанализированы методы ведения войны – запугивание населения, пресечение торговли, наезды, ослабление центров власти, привлечение местных князей, захваты и колонизация земель; боевые действия занимали подчиненное место. Сложное международное и внутреннее положение не позволяли вести войну открыто, придав ей «странный» характер.

ISBN 978-5-91791-111-3